

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 43

Нижний Новгород

2018

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
НГЛУ*

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 43. – Н. Новгород: НГЛУ, 2018. – 152 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

М.А. Викулина (*зам. главного редактора*),
А.Ю. Курмелев (*отв. секретарь*), М.А. Ариян, О.В. Байкова (Киров),
К.Э. Безукладников (Пермь), М.К. Бронич, Н.К. Гарбовский (Москва),
Н.А. Голубева, М.А. Грачев, А.В. Иванов, В.И. Карасик (Волгоград),
С.Б. Королева, Л.П. Крысин (Москва), И.В. Леушина, Н.В. Макшанцева,
М.И. Никола (Москва), Ж.В. Никонова, О.А. Обдалова (Томск),
О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, Л.В. Рацибурская, Т.Н. Синеокова,
В.В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар
(Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2018

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 43

Nizhny Novgorod

2018

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 43. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University,
2018. – 152 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

M. Vikulina (*Deputy Editor-in-Chief*), A. Kurmelev (*Executive Secretary*),
M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich,
N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, A. Ivanov,
V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina,
N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), Zh. Nikonova, O. Obdalova (Tomsk),
O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France),
U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

- Л.Л. Банкова, Жань Лин** (*Нижний Новгород*)
Эволюция графической формы иероглифа 两 и его первоначальное значение 9
- Е.Ж. Баяртуева** (*Улан-Удэ*)
Фонетические средства языковой выразительности в тексте коммерческой рекламы китайских средств массовой информации 17
- Л.Г. Егорова** (*Симферополь*)
Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе 30
- Ю.Н. Зинцова, А.А. Кузьмичева** (*Нижний Новгород*)
Принципы перевода русских отдельнооформленных цветообозначений на немецкий язык 39
- Е.В. Зуева** (*Нижний Новгород*)
Прецедентный характер уступительных коннекторов в немецком языке 48
- Е.Ю. Логинова** (*Самара*)
Использование гиперболы в рассказах Василия Шукшина 56
- Чжан Сюэмэй** (*КНР*), **Е.В. Наумова** (*Нижний Новгород*)
Особенности вербализации пренатального периода в русской и китайской языковых традициях 68

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- А.В. Карпова** (*Нижний Новгород*)
Концепты «галантность» и «театральность» в диалогии Кэтрин Фишер «Инкарцерон» 79
- С.А. Кузнецов** (*Москва*)
Концепция памяти в публицистике и художественном творчестве Герты Мюллер 87

А.Ю. Курмелев (<i>Нижний Новгород</i>) Эволюция сценического пространства в поздних пьесах Теннесси Уильямса	98
О.Б. Лукманова (<i>Нижний Новгород</i>) <i>Rhythm, Rhyme, and Wordplay</i> : поэтика хип-хопа в «американском мюзикле» Л.-М. Миранды «Гамильтон»	106
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	
В.В. Сохранов-Преображенский, Е.Н. Нужина (<i>Пенза</i>) Формирование эффективной личностной позиции студентов технического вуза в процессе смыслообразующего изучения иностранный языка	121
Ю.О. Стрекаловская (<i>Нижний Новгород</i>) Обучение внутриязыковому переводу как подготовительный этап профессионального тренинга устного переводчика	132
Л.П. Халяпина (<i>Санкт-Петербург</i>) Концепции поли- / мульти- и плюрилингвального обучения в отечественной и зарубежной языковой политике	141

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

- Liudmila Bankova, Ling Ran** (*Nizhny Novgorod*)
两 – The Evolution of the Character’s Graphic Form and Its Original Meaning 9
- Elena Bayartueva** (*Ulan-Ude*)
Phonetic Means of Language Expressiveness in Commercial Advertising Texts of Chinese Mass Media 17
- Lyudmila Yegorova** (*Simferopol*)
Verbal Impact Techniques in Modern Regional Media Discourse... 30
- Yulia Zintsova, Anna Kuzmicheva** (*Nizhny Novgorod*)
Principles of Translating Russian Separate Color Designation Codes into the German Language 39
- Evgeniya Zueva** (*Nizhny Novgorod*)
The Precedent Nature of Concessive Connectors in the Modern German Language 48
- Elena Loginova** (*Samara*)
The Use of Hyperbole in Short Stories by Vasily Shukshin 56
- Zhang Xiumey** (*PRC*), **Elena Naumova** (*Nizhny Novgorod*)
Features of Prenatal Period Verbalization in Russian and Chinese Linguistic Traditions 68

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

- Alina Karpova** (*Nizhny Novgorod*)
Concepts of “Gallantry” and “Theatricality” in Catherine Fisher’s *Incarceron* Series 79
- Stepan Kuznetsov** (*Moscow*)
The Concept of Memory in Herta Müller’s Fiction and Non-Fiction 87

Anton Kurmelev (<i>Nizhny Novgorod</i>) Evolution of Stage Space in the Later Plays of Tennessee Williams.....	98
Olga Lukmanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) <i>Rhythm, Rhyme, and Wordplay: The Poetics of Hip-Hop in Hamilton, “an American Musical”</i> by Lin Manuel Miranda	106
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	
Vladimir Sokhranov-Preobrazhensky, Elena Nuzhina (<i>Penza</i>) Shaping an Effective Personal Position in Technical University Students Through a Meaning-Making Process of Learning a Foreign Language	121
Yulia Strekalovskaya (<i>Nizhny Novgorod</i>) Intralingual Translation / Interpretation as a Preparatory Stage for Professional Training of Interpreters	132
Lyudmila Khalyapina (<i>Saint Petersburg</i>) Concepts of Polylingual, Multilingual, and Plurilingual Training in Domestic and Non-Domestic Language Policy	141

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.581'35

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ИЕРОГЛИФА 两 И ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Л.Л. Банкова, Жань Лин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье рассматриваются спорные моменты, касающиеся происхождения графической формы иероглифа 两, а именно, вопрос тождества иероглифов 网 и 两, на который авторы дают положительный ответ. Также анализируется проблема связи между формой и значением иероглифа 两, объясняется родство иероглифов 丙 и 两. В статье выдвигается гипотеза о том, что иероглиф 两 в измененном виде обозначал переднюю часть повозки, выполняя функцию счетного слова.

Ключевые слова: иероглиф 两, иероглиф 网, происхождение иероглифа 两, счетные слова 两 и 丙, иероглиф указательной категории.

两 – The Evolution the Character's Graphic Form and Its Original Meaning Liudmila Bankova, Ling Ran

The article considers the genesis of the graphic form of 两, a Chinese character, i.e. the question whether characters 网 and 两 are identical. The authors answer the question in the affirmative. The liaison between 丙 and 两 is also analyzed. In the end, the article suggests a hypothesis that 两 did use to denote the front of a wagon while acting as a measure word.

Key words: Chinese characters 两 and 网, the origin of character 两, characters 两 and 丙 as measure words, character of the indicative kind.

Иероглиф 两 является одним из самых частотных в китайском языке, он отличается многообразием значений, одно из которых – количество «два». Параллельное существование в китайском языке двух символов для обозначения одной цифры неизменно притягивало внимание китайских лингвистов (Сюй Хао / 徐灏, Чжан Шуньхуэй / 张舜徽, Ю Шэнью / 于省吾, Шэнь Цзинчэн / 沈镜澄 и Тан Юйхуэй / 汤余惠), незаслуженно ускользя от внимания отечественных ученых-синологов, что делает данную работу актуальной для российского

китаеведения. Целью нашего исследования является исторический анализ семантической эволюции иероглифа 两.

С древних времен мнения по поводу определения первоначального значения иероглифа 两 расходились. Китайские мудрецы строго придерживались классического словаря иероглифов 说文解字 («Шовэнь цзецзы», или «Происхождение китайских иероглифов»), в основу которого положен принцип иероглифического ключа и приведен анализ строения иероглифа. Впоследствии ученые синтезировали информацию из найденных путем раскопок литературных памятников и из новых, появившихся позже, теорий и учений, и следование в русле 说文解字 неизбежно начало вызывать множество вопросов.

В начальный период династии Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н. э.) в стиле цзиньвэнь, представляющем надписи на бронзовых изделиях, иероглиф 两 имел графическую форму 𠄎 [1. С. 206]. В период Чюньцю («Весны и осени») (770–476 гг. до н. э.) появился аналогичный ему иероглиф 两 с добавленной сверху горизонтальной чертой, причина появления которой неизвестна, и постепенно новая графическая форма заменила принятую ранее 𠄎. Таким образом, в стиле малой печати (小篆) в иероглифе 两 в качестве смыслового детерминатива стала выступать графема 一, а в качестве фонетического детерминатива – графема 𠄎 [1]. После эпохи Хань (III в. н. э.) в любом из письменных источников, независимо от того, полученные ли это в результате раскопок литературные памятники или передаваемое из поколения в поколение литературное наследие, встречается в основном иероглиф 两, а форма 𠄎 – редко. Однако в 说文解字 у 𠄎 и 两 имеются две разные словарные статьи: 𠄎, 再也。从冂(jiong), 阙。《易》曰:参天网地。凡网之属, 皆从网。两, 二十四妹为一两。从一, 从网。网, 平分也。网亦声。 [2. С. 2012]

По-видимому, именно наличие двух словарных статей позволяет предположить, что 𠄎 и 两 являются разными иероглифами. Так, Дуань Юйцай (1735–1815 гг., канонист, автор 说文解字注 – комментариев к «Шовэнь цзецзы») считает, что 𠄎 как символ для записи числительного «два» и как символ для записи единицы массы

(两) не является одним иероглифом: 网, 再也。再部曰:再者, 一举而二也。凡物有二, 其字作网, 不作两。两者, 二十四株之称也。今字两行而网废矣 [2. С. 2015].

Напротив, Сюй Хао (徐灏), Чжан Шуньхуэй (张舜徽), Ю Шэнью (于省吾) и др. считают, что 网 и 两 являются одним иероглифом («网、两本一字»), что иероглифы 网 и 两 имеют один общий первоисточник и представляют собой одну эволюционировавшую форму («网两字从一, 乃后增体») [2. С. 1852–1854; 3. С. 94; 4. С. 1–10]. Мы также придерживаемся позиции 网两一字, и в нижеследующем тексте форма 网 также будет передана посредством 两, поскольку мы их отождествляем.

Мнения ученых также расходятся как относительно происхождения графической формы иероглифа 两, так и относительно связи между его формой и значением. Широкое распространение получила точка зрения Ю Шэнью (于省吾) [4. С. 1–10] и Шэнь Цзинчэн (沈镜澄) [5. С. 388–389], которые полагают, что форма иероглифа 两 обязана своим происхождением передней части повозки или телеги (车»的前部), представляющей собой комбинацию оглобли, деревянных поперечин, поддерживаемых оглоблей (в варианте русской упряжи они называются «дугами»), и двух хомутов. Их конфигурация и основное значение представляет собой тот случай, когда часть заменяет целое, обозначая повозку (车), что относит данный иероглиф к указательной категории (指事字). Тан Юйхуэй (汤余惠) вдобавок к вышесказанному полагает, что иероглиф 丙 является вариантом начертания иероглифа 两, поскольку иероглиф 丙 на надписях на черепаших панцирях и костях жертвенных животных в стиле цзягувэнь имел форму или , напоминая один хомут на дуге, а иероглиф 两 в том же стиле имел форму или , символизируя два хомута на дуге [6. С. 67–68]. Следовательно, иероглифы 丙 и 两 оба первоначально использовались в значении «повозка».

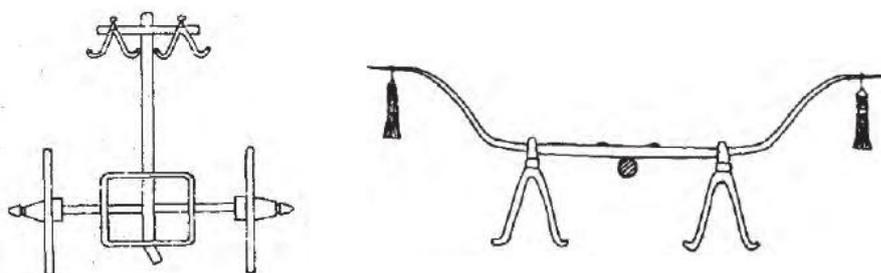

Рис. 1. Древняя китайская повозка с одним хомутом (слева) и упряжь с двумя хомутами (справа) [5. С. 246].

Мнение о том, что форма иероглифов 兩 и 丙 является производной от передней части повозки (зачастую императорской колесницы), может быть подвергнуто критике по некоторым причинам. Во-первых, с иньского периода династии Шан до начала династии Чжоу использовались повозки с двумя лошадьми. Корпус повозки имел одну оглоблю, соединенную с дугой (горизонтальной деревянной передней перекладной), с правой и левой сторон которой были крепко привязаны два хомута для запрягания лошадей, как показано на рис. 1 справа. Поэтому первоначальное древнее начертание иероглифа со значением «повозка», а именно , или и пр. совпадает с «транспортным средством» эпохи династии Шан. Но если «позаимствованная» у повозки передняя часть и дала начало символам или , то в таком случае их формы в некоторой степени не совпадают. И в связи с этим у китайских ученых возникают вопросы. Во-первых, если дуги¹ (деревянные перекладки) прямые или оба их конца выгнуты вверх (как на рисунке 1 справа), то почему в символах , оба конца имеют такую длинную направленную вниз линию? Во-вторых, если на самом деле хомут повозки должен быть привязан к деревянным перекладкам (дугам), почему он в символах , изображен так далеко отстоящим от них? В реальности не встречались повозки, где перекладина (дуга) и хомут имели бы такое расположение, как на иероглифе. Можно попытаться объяснить данный факт

¹ Та часть упряжи, относительно формы которой возникают сомнения, по-китайски называется 车衡, по-русски переводится «дуга». Но в русском языке подобный вопрос отсутствует в связи с тем, что дуга как часть упряжи на русский манер имеет как раз ту форму, которую передает китайский иероглиф.

свешивающимися с двух концов перекладины украшениями, что и отражено в символах и (как показано на рисунке 1 справа). Например, в сианьских усыпальницах периода династии Чжоу у колесниц на поперечинах с двух концов свисают гроздь нанизанных на красную пряжу раковин и жемчужин в качестве украшений [7. С. 38]. Внутри погребальных ям с повозками и лошадьми и в других захоронениях также часто находили подобные конструкции со свисающей бахромой, колокольчиками и прочими подобными украшениями, поэтому иероглиф со значением «повозка» в стиле цзиньвэнь также имеет прорисованные на поперечинах украшения,

например: или [6. С. 67–68]. Само собой разумеется, что украшения повозки также являются подвешенными на поперечине, что отражено в иероглифе стиля цзиньвэнь, но тогда возникает вопрос о том, каким образом два конца поперечины (дуги) могли принять форму

Вторым аргументом против признания формы иероглифов и производной от передней части повозки является тот факт, что в категории указательных иероглифов в случае, когда часть выступает в роли целого, первая должна быть основной частью предмета или представлять характерную, типичную его часть. Поэтому использовать комбинацию кузова, колес и оси с целью символического изображения повозки представляется разумным, однако использовать первую переднюю часть повозки для обозначения ее целиком не слишком логично. Тем более нелогично использовать половину поперечины (дуги) с одной оглоблей , чтобы представить целую повозку.

В-третьих, если иероглифы и действительно представляют собой обозначение целого через его часть (в анализируемом случае – повозку), то тогда они должны быть графическими вариантами слова «повозка». Как возможно, что существуют два других иероглифа со значением «повозка» (车) с отличным от него прочтением? Если иероглифы , и 车 все имеют значение «повозка», то каково же между ними различие? А если разница отсутствует, то какова причина их сосуществования?

В-четвертых, если признать основным значением иероглифов и «повозка», то главная проблема заключается в отсутствии

подтверждения примерами. В пользу того, что иероглиф 丙 имеет значение «повозка», часто приводится пример из списка надписей на черепаших панцирях и костях (甲骨文合集 или цзягувэнь): 车二丙, 盾百八十三. Однако на том кусочке панциря и костей, где он представлен, над иероглифами 二丙 (запись производилась сверху вниз) написанный иероглиф очень нечеткий, и факт наличия в том месте иероглифа со значением «повозка» подлежит верификации [6. С. 38–41]. Если допустить, что данная запись представляет собой 车二丙, то благодаря тому, что появилось существительное 车, иероглиф 丙 должен бы быть счетным словом, а не обозначающим повозку существительным. Точно так же и ранний начальный способ использования иероглифа 两, возникшего в период династии Западная Чжоу, в стиле цзиньвэнь, ограничен конструкцией 名+数+两, судя по которой очевидно, что это счетное слово, а не существительное.

Вследствие сказанного выше о противоречии формы и значения иероглифов 丙 и 两, остальные, не упомянутые здесь варианты интерпретации формы, большей частью не имеют отношения к начальному периоду их использования, поэтому вопрос соотношения формы и смысла иероглифов 丙 и 两 остается открытым. Мы сделаем следующее предположение: иероглифы 丙 и 两, действительно, получили форму и значение от передней части повозки, но не непосредственный графический облик. Готовый иероглиф был подвергнут мутации, в результате которой появился новый иероглиф, лишь частично относящийся к форме и смыслу своего прародителя. Это и есть произведенное изменение в части иероглифа 车 / 車 во избежание сходства с формой привязанных к перекладине одного или двух хомутов, что превратило его в сходный, приближенный новый символ. Так, с помощью измененного образа, представляющего на горизонтальной перекладине повозки только один хомут, иероглиф 丙 получил значение «одна запряженная лошадь» (马一匹); а при помощи иероглифа 两, символизирующего два хомута на перекладине, стало передаваться значение «две запряженные лошади» (马两匹). И вне зависимости от значений оба они в результате мутации стали специальными иероглифами, функционирующими как счётные слова. Данный метод «мутирования» для создания

иероглифов (по-китайски 变异) был упомянут еще в 说文解字 («Шовэнь цзецзы») Сюй Шэня, где, например, говорится, что графема «𠄎 mǐ» произошла от горизонтальной черты 一 с опущенными концами, а иероглиф 世 является производным от «卅 sà» и т. п. («𠄎» 为 «从一而下垂», «世» 为 «从卅而曳长之» [2. С. 2011] (перевод наш. – Л.Б.).

Таким образом, функционально 两 и 丙 изначально представляли собой счетные слова. Следует отметить, что имеется два источника происхождения китайских счетных слов: первый являет собой конверсию существительных и глаголов в счетные слова, второй – специально созданные счетные слова. Некоторые специалисты полагают, что последние появились довольно поздно, поэтому первоначальным значением иероглифов 丙 и 两 называют существительное «повозка». На самом деле, как и счетные слова 朋 (贝二串), 珏 (玉二块), 隻 (鸟一只), 雙 (鸟二只), 秉 (禾一把), 兼 (禾二把) и тому подобные специально созданные счетные слова, большей частью возникшие относительно рано, 丙 и 两 также должны принадлежать к данной категории слов. Такие счетные слова входят в конструкцию 名物+数词+量词, которую составляет некий объект и определенное количество, что отличает анализируемые лексемы от обычных счетных слов китайского языка, которые, действительно, появились довольно поздно (в противоположность первым), и у некоторых из них широкая область применения и сформированный графический облик.

Подводя итог, скажем, что иероглиф 两 (兩) передает графически видоизмененную форму передней части повозки и изначально используется для измерения количества конского поголовья, соответствующее количеству конских хомутов (马二匹 или 马一对). Таким образом, первоначально иероглиф 两 в начальном и среднем периоде династии Западная Чжоу в стиле цзиньвэнь функционировал как знак, в котором были тесно связаны форма и смысл.

Библиографический список

1. 现代常用汉字规范字典 / 张万有编著. - 西安: 陕西人民教育出版社, 2006, 494 页. (Сяньдай чанъюн ханьцзы гуйфань цзыдянь).
2. 张舜徽. 说文解字约注. 武汉: 华中师范大学出版社, 2009. 3885 页. (Чжан Шуньхуэй. Шовэнь цзецзы юэчжу).
3. 徐灏. 说文解字注笺(续修四库全书). 上海: 上海古籍出版社, 2002. 5184 页. (Сюй Хао. Шовэнь цзецзы чжуцзянь (Сюйсю сы ку цюаньшу)).
4. 于省吾. 释两. 古文字研究 (第10辑). 北京: 中华书局, 1983. 447 页. (Юй Шэн-у. Ши лян. Гувэнь цзы яньцзю (ди 10 цзи)).
5. 沈镜澄. 说«罔» //中国语文. 北京: 中国语文杂志社, 励耘学刊文学卷 20 辑, 1984. 395 页. (Шэнь Цзинчэн. Шо «лян»).
6. 汤余惠. 商代甲骨文中的“丙”和“两”. 史学集刊 (第2辑), 长春: 吉林大学出版社, 1991. 78 页. (Тан Юйхуэй. Шандай цзягувэнь чжун дэ «бин» хэ «лян»).
7. 郭宝钧. 殷周车器研究. 北京: 文物出版社, 1998. 127 页. (Го Баоцзюнь. Инь чжоу чэци яньцзю).

Сведения об авторах

Банкова Людмила Львовна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lwittsa@yandex.ru

Жань Лин
ассистент кафедры восточных и европейских языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ranling_2006@qq.com

УДК 811.581'342:659.123.4

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ КИТАЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е.Ж. Баяртуева

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и
управления, Улан-Удэ*

В статье рассматриваются стилистические особенности современного языка рекламы Китая, особое внимание уделяется фонетическим средствам и их роли в повышении выразительности текста коммерческой рекламы. Автор анализирует основные приемы усиления фонетической выразительности, такие как чередование «ровных» и «ломаных» тонов, использование рифмы и ритмико-композиционных моделей. Использование этих средств имеет тесную связь с традиционными нормами стихосложения в Китае (гэлюй), что позволяет современному рекламному тексту соответствовать традиционным эстетическим и творческим канонам.

Ключевые слова: китайский язык, рекламный текст, фонетические средства языковой выразительности, «ровные», «ломаные» тоны, рифма, ритм.

Phonetic Means of Language Expressiveness in Commercial Advertising Texts of Chinese Mass Media

Elena Bayartueva

The article examines stylistic features of the modern Chinese advertising language focusing on phonetics and its role in enhancing the expressiveness of commercial advertising texts. The author analyzes the main methods of enhancing phonetic expressiveness, such as the alternation of “smooth” and “broken” tones, the use of rhyme and rhythmic-compositional patterns. The use of these tools has a close connection with the traditional norms of versification in China (gelü) that allows modern advertising texts to conform to the traditional aesthetic and creative canons.

Key words: the Chinese language, advertising texts, phonetic means of language expression, “smooth” and “broken” tones, rhyme, rhythm.

История рекламы в Китае насчитывает не одно тысячелетие, уже в эпоху Чжоу (1066–221 гг. до н.э.) появились таблички с изображениями продукции, и сегодня реклама в Китае, пройдя долгий путь развития, отвечая на вызовы времени, особенно «под ударами эпохи Интернета» [1], все еще продолжает искать новые формы, отвечающие мировым тенденциям.

Как и в других странах, коммерческая реклама в Китае – это «мощная индустрия, в которой функционируют и взаимодействуют несколько экономических субъектов, в числе которых рекламодатели,

рекламные агентства, каналы распространения рекламной информации, различные исследовательские, мониторинговые и технические службы» [2]. Однако вся эта индустрия «вертится» вокруг рекламного текста, «раскручивая» и распространяя то, что создано копирайтерами. Выражение «В начале было Слово» [3] довольно точно описывает сферу рекламы. На сегодняшний день успешная рекламная идея, облаченная в яркую, убедительную, лаконичную языковую оболочку, уже сама по себе хорошо оплачиваемый товар.

По мнению китайского исследователя языка рекламы Жуань Хунбо, реклама – это «особый литературный стиль, носящий прикладной характер» [4]. В свое время английский писатель Олдос Хаксли также отнес язык рекламы к «самой интересной и самой трудной форме современной литературы» [5]. Именно художественная составляющая рекламы, стремление к эстетике слова, широкое использование стилистических средств и приемов художественной выразительности позволяет отнести рекламу к особому роду искусству наряду с литературой.

Актуальность темы исследования продиктована современными условиями развития общественной жизни, направленной на унификацию массового сознания, в этом процессе не последнюю роль играет «манипулятивная», воздействующая роль языка рекламы. Внимание к языку как средству воздействия на сознание человека актуализируется в эпоху информационного общества, а точнее в эпоху господства средств массовой информации (СМИ). Из-за усиления роли СМИ во второй половине XX – начале XXI в. влияние медиатекстов, в том числе рекламных, на сознание людей значительно возросло, что привело к возникновению в науке целого направления – медиалингвистики, представляющей собой системный подход к изучению языка СМИ. Отметим, что источниками языка рекламы, использующего в качестве своих основных средств лексику и фразеологию, являются способы выражения мысли, привычки человека, его мировоззрение. Как пишет М.В. Ягодкина: «Язык рекламы отражает современную языковую картину мира, и в свою очередь, является средством формирования современной языковой картины» [6]. Данное утверждение довольно точно отражает языковые процессы, происходящие в Китае.

Стилистические приемы художественной выразительности, используемые при создании китайского рекламного текста, вызывают постоянный научный интерес у отечественных и китайских исследователей, накоплен значительный опыт исследований. Для отечественной лингвистики полученные знания носят в основном прагматический характер. По словам С.А. Санжимитыповой, «фундаментальные знания стилистики иностранной речи закладывают теоретические основы культуры языка, развивают навыки и умения оценивать и правильно употреблять языковые средства в речи в соответствии с конкретным содержанием высказывания» [7]. В отечественной науке существует недостаток в обеспечении необходимыми источниками и литературой, представляющими объективную картину рассматриваемой проблемы.

Целью настоящего исследования является частичное заполнение существующего пробела на основе обобщения имеющихся фактов и введения в научный оборот новых.

Научная новизна состоит в том, что в рамках данного исследования мы рассмотрим проблему использования фонетических средств языковой выразительности, ритмических моделей в тексте китайской коммерческой рекламы средств массовой информации (радио и телевидения), используемых в целях усиления его художественной выразительности. Данные особенности китайского рекламного текста, создаваемого с коммерческой целью, ранее не рассматривались в отечественном научном дискурсе.

В самом Китае становление стилистики как самостоятельной науки началось в первой половине XX века. Признанными фундаментальными исследованиями являются труды китайских лингвистов Чэнь Вандао «Основы стилистики» [8] и Ван Сицзе «Стилистика китайского языка» [9]. Чэнь Вандао – основатель стилистики современного китайского языка – подробно описал отдельные выразительные средства китайского языка, однако не систематизировал сведения о его функциональных стилях. Систематизатором стилистических средств, а также создателем теории языка и стиля современного китайского языка выступил Ван Сицзе.

В отечественном языкознании функциональным стилям китайского языка посвящена монография В.И. Горелова «Стилистика современного китайского языка» [10], наиболее полно

представляющая сведения о стилистических средствах и приемах данного языка. В.И. Горелов провел типологическое сравнение функциональных стилей китайского и русского языков. Среди исследований, непосредственно рассматривающих стилистические средства выразительности рекламных текстов Китая, хотелось бы выделить несколько работ. В статье К.С. Думанской «Лингвистические особенности печатной и наружной социальной рекламы Китая» выделены две группы языковых приемов, используемых китайскими копирайтерами при создании рекламы социальной направленности: универсальные и зависимые от потенциальной аудитории. Автор описывает такие стилистические приемы, как игра иероглифов, игра слов, рифма, риторический вопрос, параллелизм, использование английского языка и фразеологизмов [11]. Языковые особенности русских и китайских слоганов, их тематические различия рассмотрены в статье Вань Нина «Содержательно-языковые особенности слоганов русских и китайских рекламных текстов автомобильной тематики». По мнению автора, эти различия предопределяются особенностями картин мира русских и китайцев [12]. В диссертационном исследовании Е.М. Гирняк «Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы)» выявлены универсальные и культурно-национальные черты китайской и русской рекламы. Автор полагает, что китайский рекламный текст является более традиционным ввиду особенностей менталитета и консервативности сознания носителей китайского языка, опирающегося на национальные философские традиции. К тому же в Китае велика роль поэтических традиций и тяготение к классической метрике [13].

В ходе исследования мы предпримем попытку решения следующих задач, продиктованных поставленной целью:

- уточнение понятия «рекламный текст» как особого языкового явления, обладающего рядом лингвистических и экстралингвистических особенностей;

- анализ особенностей фонетических средств выразительности языка, используемых в тексте китайской рекламы (чередование «ровных» и «ломанных» тонов, рифма);

- изучение ритмических моделей, используемых в текстах китайской рекламы.

Методы, использованные при проведении исследования:

- общелингвистические методы (описательный / репрезентативный, интерпретативного анализа);
- общенаучные методы (наблюдение, описание, сравнение и обобщение полученных данных).

Объектом исследования выступает текст коммерческой рекламы как особое языковое явление, обладающее специфическими лингвистическими и экстралингвистическими особенностями. А.А. Миронова пишет: «С точки зрения коммуникативной стилистики рекламный текст – результат целенаправленного действия, призванного реализовать авторскую стратегию – убеждение в сочетании с информацией» [14. С. 34]. Такая стратегия, целью которой является убеждение приобрести товар / услугу, обусловила формирование основных особенностей текста коммерческой рекламы, таких как лаконичность, конкретика, наличие одной центральной идеи, оригинальность, соответствие «духу» рекламируемого товара или бренда, его представляющего, а также легкость восприятия, живость, динамичность. В свою очередь, эти особенности рекламного текста требуют от копирайтеров мастерского владения словом, умелого использования языковых и стилистических средств выразительности, речевых стратегий, и эти умения универсальны по своей сути у создателей рекламных текстов разных стран.

Как инструмент широкого распространения информации и продвижения товара или услуги на рынке, рекламный текст должен быть простым для понимания, легко запоминаться. Чтобы добиться этого, китайские разработчики рекламы ориентируются на вкусы большинства населения, следят за тем, чтобы содержание текста было связано с жизнью, традициями, культурной спецификой. Реклама должна быть доступной для восприятия, в том числе и детей, поэтому в большинстве рекламы используется наиболее употребительная лексика, например:

(1) 牙好, 胃口就好, 身体倍儿棒, 吃嘛嘛香 *Yá hǎo, wèikǒu jiù hǎo, shēntǐ bèir bàng, chī máma xiāng*. «Если зубы в порядке, то и желудок будет в порядке, здоровье очень крепким, и все, что ни ешь – будет вкусным!» (реклама зубной пасты);

(2) 新天、新鲜、新生活、新天葡萄酒 *Xīntiān, xīn xiān, xīn shēnghuó, Xīntiān pútāojiǔ*. «Новый день, новая свежесть, новая жизнь. Виноградное вино “Новый день”» (реклама вина);

(3) 百事可乐, 新一代的选择 *Bǎishì kělè, xīn yīdàide xuǎnzé.* «Пепси-кола – выбор нового поколения» (реклама «Пепси-колы»);

(4) 我的眼里只有你, 娃哈哈纯净水 *Wǒde yǎnlǐ zhǐyǒu nǐ, Wáhāhā chúnjìng shuǐ.* «В моих глазах только ты – чистейшая вода Вахаха» (реклама питьевой воды «Вахаха»);

(5) 皇室咖啡, 我的咖啡, 随心配 *Huángshì kāfēi, wǒde kāfēi, suíxīn pèi.* «Кофе Ройял – мой кофе. Сочетание, (созданное) по велению сердца» (реклама кофе «Ройял»);

(6) 北京方便面, 随时随地关爱你. *Běijīng fāngbiànmiàn, suíshí suídì guān'ài nǐ.* «Лапша “Пекин”. Заботится о тебе всегда и повсюду» (реклама лапши быстрого приготовления «Пекин»).

Как видим, выбор лексических и языковых средств ограничивается наиболее употребительными единицами, большинство предложений односоставные, номинативные, что облегчает их восприятие. Кроме того, для актуализации информации о товаре используются сегментированные конструкции (виноградное вино «Новый день», кофе «Ройял» и т. д.), что задает определенную ритмику тексту, заинтересовывая реципиента.

Бесспорной популярностью в создании рекламного текста пользуются тропы, как одно из важных средств художественной выразительности. Метафора (比喻 *bǐyù*), сравнение (比拟 *bǐnǐ*), игра слов (双关 *shuāngguān*), параллелизм (对偶 *duì'ǒu*), гиперболола (夸张 *kuāzhāng*), олицетворение (拟人 *nǐrén*), а также синестезия (通感 *tōnggǎn*) – неизменные инструменты китайских копирайтеров. Следует отметить, что принципы использования троп, их роль в усилении художественной выразительности, экспрессивности рекламного текста достаточно хорошо изучены и описаны, поэтому в рамках данного исследования мы не будем рассматривать особенности их использования в китайской рекламе. Уделим внимание тем средствам выразительности, которые обладают специфическими особенностями, характерными для китайского языка в силу его тональной системы, а также отражают национальные особенности языка, культуры и менталитета китайцев.

В китайской радио- и телевизионной коммерческой рекламе большое внимание уделяется **фонетическим средствам выразительности языка**. Один из главных принципов, которым руководствуются создатели рекламы – «зацепить» слушателя звуком,

позволить / заставить за короткое время запомнить информацию и, если звучащий текст удачно фонетически скомбинирован, «отшлифован», он мелодичен и благозвучен, то его можно будет легко запомнить и произнести. Гармонично созданный рекламный текст не допускает разночтения, не создает нежелательные ассоциации, звуки сочетаются таким образом, чтобы облегчить произношение.

Звуковая выразительность речи, ее благозвучие и гармония не представляются возможными без **рифмы** (韵 *yùn*). Рифма прекрасно справляется с рекламными задачами – заставить потребителей заинтересоваться информацией, легко и быстро ее запомнить. В общепринятом понимании рифма – это композиционно-звуковой повтор в двух или нескольких строках стихотворения, чаще всего – начиная с последнего ударного слога в рифмуемых слогах, один из важнейших ритмообразующих компонентов. В китайском языке рифма – это, как правило, вторая половина фонологического слога – финаль (韵母 *yùnmǔ*), содержащая гласную и выраженная монофтонгом, дифтонгом или трифтонгом. «Согласно китайской поэтической традиции рифма не только замыкает строку, но и знаменует собой конец предложения или относительно завершённой мысли» [15. С. 145].

Рассмотрим особенности рифмованного рекламного текста на примерах (жирным шрифтом выделены рифмованные слоги):

(1) 康师傅方便面, 好吃看得见. *Kāng Shīfu fāngbiànmìàn, hǎochī kàndéjiàn*. «Лапша “Кан шифу”. (Сразу) можно увидеть, что вкусная» (реклама лапши быстрого приготовления «Кан шифу»).

(2) 骑车九十九, 还是骑“永久”. *Qíchē jiǔshíjiǔ, háishi qí “Yǒngjiǔ”*. «Ездишь на велосипеде 99 лет, (значит) все еще ездешь на “Юнцзю”» (реклама велосипедов марки «Юнцзю»).

(3) 得了灰指甲, 一个传染俩. 问我怎么办? 马上用亮甲. *Déle huīzhǐjiǎ, yīgè chuánrǎn liǎ. Wèn wǒ zěnmē bàn? Mǎshàng yòng “Liàngjiǎ”*. «Появился грибок, еще и инфекция. Спроси меня: как быть? Сразу же воспользуйся (средством) “Лян цзя”» (реклама противогрибкового средства «Лян цзя»).

Если в рекламе задействована музыка, тогда эффект будет усилен. Многие рекламные тексты схожи с детскими песнями, надолго «застревающими» в голове реципиента, взаимодействие в

рекламе речи и мелодии бывает достаточно сильным: человек иногда не может вспомнить слова без музыки, однако услышав знакомый мотив, у него могут возникнуть ассоциации с рекламируемым товаром. Этим приемом активно пользуются рекламодатели.

Основой рифмованного текста является **ритм**. Опытные копирайтеры всегда задают тексту определенный ритм, он может быть «бодрящим» или «усыпляющим» в зависимости от выбранной рекламной стратегии и выбранного темпа. Автору рекламного текста необходимо определиться с ритмической моделью, выбрать конструкцию предложения, оптимально подходящую для рекламы данного товара, подчеркивающую его достоинства. Ван Цзюньюань выделяет следующие ритмические модели, наиболее часто используемые при создании рекламного текста на китайском языке [16]:

1. модель «1 // 2», где цифры 1 и 2 – количество слогов в каждой части ритмического рисунка, а знак «//» – указывает на паузу и служит разделителем смысловых частей. Например:

(1) 选 // 品质, 选 // 雀巢. *Xuǎn // pǐnzhì, xuǎn // quècháo*. «Выбирая качество, выбирай кофе “Нескафе”» (реклама кофе «Нескафе»);

(2) 新 // 生活, 心 // 滋味. *Xīn // shēnghuó, xīn // zīwèi*. «Новая жизнь. Душевные ощущения» (реклама агентства недвижимости).

2. модель «2 // 1»:

(3) 慈母 // 心, 豆腐 // 心. *Címǔ // xīn, dòufu // xīn*. «Сердце матери. Сердце тофу» (реклама тофу – соевого творога);

(4) 杯中 // 水, 人之 // 味. *Bēizhong // shuǐ, rénzhī // wèi*. «Вода в стакане, вкус – в тебе!» (реклама минеральной воды).

3. модель «2 // 2»:

(5) 美好 // 滋味, 自己 // 体会. *Měihǎo // zīwèi, zìjǐ // tǐhuì*. «Прекрасный вкус. Узнай сам!» (реклама ресторана быстрого обслуживания);

(6) 你的 // 希望, 我的 // 可能. *Nǐde // xīwàng, wǒde // kěnéng*. «Твои надежды. Мои возможности» (реклама предприятия).

4. модель «2 // 2 // 3»:

(7) 有路 // 必有 // 丰田车. *Yǒu lù // bìyǒu // fēngtiánchē*. «Если есть дорога, значит должна быть “Тойота”» (реклама автомобиля «Тойота»);

(8) 促进 // 健康 // 为全家. *Cùjìn // jiànkāng // wèi quánjiā.*
«Забиться о здоровье всей семьи» (реклама мыла *Safeguard*).

Придание рекламному тексту ритмичности – важная задача, стоящая перед копирайтером. Из четырех моделей Ван Цзюньюаня только во второй модели используется симметричная конструкция (в каждой части слогана по 2 слога), остальные модели представляют собой так называемый «рваный» ритм, при котором симметричность нарушается, однако это не мешает успешному восприятию текста, а, наоборот, придает ему динамичность.

Повторяемость лексем, грамматических форм и синтаксических построений выступает эффективным средством, создающим ритмическую структурированность китайского рекламного текста (см. примеры 1, 2, 3, 4, 6), а регулярность чередования ударений и пауз собственно и характеризует ритмичность текста.

Одним из путей достижения звуковой гармонии в китайском языке является **чередование «ровных» и «ломанных» тонов** (平仄 *píngzè*). К «ровным» тонам (平声 *píngshēng*) в китайской фонологии принято относить первый и второй тоны, к «ломанным» (у М.Е. Кравцовой – «косым», у Чжэн Тиу – «модулирующим») (仄声 *zèshēng*) соответственно относятся третий и четвертый тоны. Такая дифференциация тонов берет свое начало в древнекитайской поэзии, которая, как известно, обладает обширным багажом художественно-композиционных приемов. Нормы стихосложения гэлюй (格律), утвердившиеся в китайской поэзии в VII–VIII веках, требовали соблюдения особых метрических композиций. Как пишет М.Е. Кравцова: «Метрическая организация четверостиший и восьмистиший подчинялась жестким тоновым схемам» [17], например, для пятисловной строки разрешено было использовать всего 4 комбинации «ровных» и «ломанных» тонов из 32 возможных. Далее М.Е. Кравцова уточняет: «Собственно метрическая композиция сводится к закономерностям мелодики (просодии), которые проистекают из порядка чередования иероглифов, читаемых под разными тонами» [17].

Профессор Чжэн Тиу обращает внимание: «Чередование ровных и модулирующих тонов – специфическое явление в китайском языке, в западной литературе такого нет, особенно парной структуры, в которой воплотился самобытный потенциал и симметричность

китайской поэтики» [15. С. 145]. По нормам стихосложения «гэлюй» необходимо было создавать стихотворное произведение, состоящее строго из пяти- или восьмисловных строк. Однако в текстах современной рекламы такое правило не соблюдается, в строке может быть больше или меньше слогов / слов, упор здесь делается прежде всего на то, чтобы комбинированное сочетание «ровных» и «ломаных» тонов, их неодинаковое звучание, повышение и понижение создало оригинальный ритм и запоминающуюся мелодику, например:

(1) 好空调, 格力造 *Hǎo kōngtiáo, Gélì zào*. «Хорошие кондиционеры – созданы *Gree*» (реклама китайского производителя кондиционеров *Gree*). В первой части предложения «好空调 *Hǎo kōngtiáo*» использовано следующее чередование тонов: «ломаный – ровный – ровный» (仄 平 平 *zè píng píng*); во второй части «格力造, *Gélì zào*» звучание меняется на комбинацию «ровный – ломаный – ломаный» (平 仄 仄 *píng zè zè*).

(2) 有路, 必有丰田车 *Yǒu lù, bìyǒu fēngtiánchē*. «Если есть дорога, значит должна быть Тойота» (реклама автомобиля «Тойота»). Использованная комбинация чередования «ровных» и «ломаных» тонов: 1 часть – «ломаный – ломаный» (仄 仄 *zè zè*), 2 часть – «ломаный – ломаный – ровный – ровный – ровный» (仄 仄 平 平 平 *zè zè píng píng píng*).

Использование метрико-композиционных комбинаций в тексте рекламы (чередование «ровных» и «ломаных» тонов) придает особую выразительность тексту, поэтичность, создает оригинальную мелодику, усиливает слуховое восприятие. Текст получается живым, динамичным, он действительно «увлекает» слушателя, производит глубокое впечатление, побуждая приобрести товар или услугу. Художественная выразительность этого метода проверена веками и успешно используется китайскими копирайтерами в настоящее время.

Таким образом, в создании китайского рекламного текста, преследующего коммерческие цели, языковые средства выразительности выступают основными инструментами. Благодаря им можно добиться экспрессивности, яркости, доходчивости, сопереживания у зрителей, узнаваемости, а значит, возможно, получить оригинальный рекламный продукт, модный и успешный на рынке.

Средства языковой выразительности в китайском языке предоставляют не просто информативный ряд, а порождают в потенциальном потребителе ощущения, основанные на всех органах чувств. Кроме того, умелое использование языковых средств оказывает психологическое воздействие на потребителя рекламы, приводит в действие механизм принятия и запоминания рекламной информации. Можно с уверенностью сказать, что в этом процессе не последнюю роль играет усиление фонетической выразительности с помощью чередования «ровных» и «ломанных» тонов, придания тексту определенного ритма, а также использование рифмы. Эти приемы регулярно используются в китайской коммерческой рекламе для создания художественно оформленного, стилистически оправданного текста.

Фонетические средства выразительности имеют тесную связь с традиционными нормами стихосложения в Китае (гэлюй), таким образом китайские разработчики рекламы в определенной мере стараются сохранить соответствие китайским эстетическим и творческим канонам, относя язык рекламы к особой форме современной литературы.

Библиографический список

1. 李敏. 从近20年中国广告流行语看中国广告的发展. Ли Минь. Развитие китайской рекламы сквозь призму распространенных слов за последние 20 лет // Электронный ресурс Интернет: <https://wenku.baidu.com/view/72131d6e0029bd64793e2c88.html?from=search>.
2. Щепилова Г.Г. Реклама в СМИ: основные направления исследований // Электронный ресурс Интернет: <http://www.mediascope.ru>.
3. Евангелие от Иоанна. Гл. 1, ст.1.
4. 阮红波. 国内近十年广告双关语翻译研究述评. 湖北社会科学, 2011, 第9期. Жуань Хунбо. Обзор китайских исследований по переводу «шуангуаньюй» (каламбуров, игры слов), используемых в языке рекламы, за последние 10 лет // Общественная наука провинции Хубэй. 2011. № 9. С. 151–153 // Электронный ресурс Интернет: <https://wenku.baidu.com/view/8bcbde5069dc5022abea0014.html?from=search>.
5. Проект «Личности». Афоризмы. Олдос Хаксли // Электронный ресурс Интернет: <https://persons-aforism.ru/aforizm/2977>.

6. Ягодкина М.В. Язык рекламы как средство формирования виртуальной личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 32 с.
7. Санжимитыпова С.А. Стилистические особенности языка современной китайской прессы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2007. 19 с.
8. 陈望道. 修辞学发凡. 上海, 1962. Чэнь Вандао. Основы стилистики. Шанхай, 1962. 280 с.
9. 王希杰. 汉语修辞学. 北京, 2004. Ван Сицзе. Стилистика китайского языка. Пекин, 2004. 506 с.
10. Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. Москва: Просвещение, 1979. 192 с.
11. Думанская К.С. Лингвистические особенности печатной и наружной социальной рекламы Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Том 8. № 1. С. 82–91.
12. Вань Нин. Содержательно-языковые особенности слоганов русских и китайских рекламных текстов автомобильной тематики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2 (14). С. 67–77.
13. Гирняк Е.М. Лингвокогнитивный анализ рекламных текстов: сопоставительный аспект (на материале китайской и русской рекламы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. 22 с.
14. Миронова А.А. Эволюция рекламной коммуникации в России. Саарбрюккен, 2017. 119 с.
15. Чжэн Тиу. Как мы в Китае переводим стихи: стихотворный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 142–161.
16. 王军元. 论广告语言中的文学性. Ван Цзюньюань. К вопросу о литературности языка интернета // Электронный ресурс Интернет: <https://wenku.baidu.com/view/ecb3df84ab00b52acfc789eb172ded630b1c9891.html?from=search>.
17. Кравцова М.Е. Стихосложение // Электронный ресурс Интернет: <http://www.synologia.ru/a/Стихосложение>.

Сведения об авторе

Баяртуева Елена Жаргаловна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Восточные и европейские языки»
Восточно-Сибирского государственного
университета технологий и управления
E-mail: lenabayar@mail.ru

УДК 070:316.77(292.471)

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Л.Г. Егорова

*Таврическая академия Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского, Симферополь*

В исследовании описываются наиболее востребованные региональными масс-медиа приемы речевого воздействия. Автор отмечает, что на данном этапе функционирования СМИ выделяется тенденция усиления выразительности медиатекстов. В современных региональных текстах СМИ наблюдается актуализация терминологической лексики и профессионализмов, активно задействуются эвфемизмы, дисфемизмы и жаргонизмы, одним из наиболее распространённых приемов воздействия, по наблюдениям автора, является метафоризация.

Ключевые слова: региональные масс-медиа, социум, медиатекст, речевое воздействие, система ценностей.

Verbal Impact Techniques in Modern Regional Media Discourse Lyudmila Yegorova

The article deals with verbal impact techniques that currently prevail in regional mass media. Analyzing regional media texts, the author notes tendencies towards increased expressiveness, a more active usage of terminology and professionalisms as well as euphemisms, dysphemisms and slang words, and singles out metaphorizing as one of the most common verbal impact techniques.

Key words: regional mass media, society, media text, verbal impact, value system.

Динамическое развитие СМИ как в его традиционных формах, так и в новых жанровых форматах изучается с разных сторон и, как правило, в междисциплинарных связях, которые в современной исследовательской парадигме соотносятся с дискурсом. Региональный дискурс СМИ является частью общего пространства средств массовой информации в стране, но такой частью, которая имеет множество специфических признаков, отражающих особенности региона. Несмотря на значительное количество работ, ориентированных на изучение региональной картины мира, необходимо признать, что описание медиадискурса в региональном аспекте нуждается в системности подхода с максимально возможным охватом территориальных субъектов.

Описание приемов речевого воздействия в крымском печатном медиадискурсе до сих пор не было предметом специального

изучения, хотя именно масс-медиа, по нашему мнению, являются региональными трансляторами ценностей и во многом формируют картину мира и ценностные ориентации жителей полуострова. Технологии влияния на сознание аудитории усложняются по мере развития системы масс-медиа, в связи с чем изучение механизмов воздействия медиатекстов на уровне индивидуального и общественного сознания представляется актуальным. Целью настоящего исследования является описание наиболее востребованных региональными масс-медиа приемов речевого воздействия.

Как известно, вторая половина XX – начало XXI вв. характеризуются существенным изменением информационного пространства социума. Способы и приемы влияния СМИ на социум, особенности прагматического использования языка как инструмента воздействия на общественное мнение сегодня составляют научную повестку дня многих ученых: философов, психологов, социологов, политологов, лингвистов. К проблемам речевого воздействия обращались в своих изысканиях, например, М.Н. Володина [1], Т.А. Воронцова [2], И.Р. Гальперин [3], Т.С. Дроняева [4], А.А. Леонтьев [5], А.А. Любимова [6], П.Б. Паршин [7], О.А. Рубанова [8], Г.Я. Солганик [9], И.А. Стернин [10], Е.Ф. Тарасов [11], Е.В. Шелестюк [12] и др.

Для определения способов влияния масс-медиа на формирование ценностной ориентации социума следует в первую очередь изучить ту систему ценностей, которая сформировалась в обществе в конкретный исторический период его развития и служит основой для целеполагания в социуме. Исследователи отмечают, что вся деятельность общества в итоге нацелена на достижение некоего идеала, рассматриваемого его членами как абсолютное благо, которому и подчиняются интересы отдельных представителей социума. Отражение такого рационального идеала, а также средств его достижения, избранных обществом, можно найти в средствах массовой информации. При этом не стоит рассматривать СМИ только как социальный институт, который отражает сложившиеся ценностные ориентиры, масс-медиа являются эффективным инструментом формирования новых ценностей, в т. ч. путем навязывания индивиду определенных установок.

Итак, на сегодняшний день воздействие на сознание индивида, в том числе языковое, реализуется через различные коммуникационные каналы, среди которых наиболее влиятельными являются средства массовой информации. Такая роль СМИ связана с особенностями функционирования данного коммуникационного канала, а именно высокой оперативностью предоставления информации, ее доступностью, социальной ориентированностью и т. д. Значимым фактором является также широкий охват аудитории [13].

Ученые расходятся в определении содержания и объема понятия «речевое воздействие». Так, Е.Ф. Тарасов предлагает трактовать данное понятие в широком смысле, отождествляя речевое воздействие с любым речевым сообщением, взятым в аспекте его целевой обусловленности и целенаправленности [11]. П.Б. Паршин предлагает под речевым воздействием понимать воздействие на сознание и поведение индивида или определенной социальной группы, которое осуществляется с помощью различных речевых средств, сообщений на естественном языке [7]. По мнению И.А. Стернина, речевое воздействие представляет собой воздействие на индивида посредством речи с целью побудить его осознанно присоединиться к определенной точке зрения, принять решение о требуемом от него действии и пр. При этом ученый подчеркивает различие между речевым воздействием и манипулированием, которое нацелено на неосознанное принятие решений [10]. Е.В. Шелестюк определяет речевое воздействие как «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [12. С. 43].

Итак, в широком смысле речевое воздействие отождествляется с любым речевым сообщением, взятым в аспекте его целевой обусловленности и целенаправленности. В узком смысле данный термин можно трактовать как влияние, оказываемое на адресата с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических средств в процессе речевого общения. Сегодня

средства массовой информации используют широкий набор приемов воздействия на сознание аудитории, среди которых можно выделить приемы изменения коммуникативно-содержательной стороны сообщения, приемы эмоционального воздействия и языковые методы влияния. Воздействие СМИ на читателей реализуется на уровне формальной логики, а также на собственно лингвистических уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом [14].

Представим описание приемов влияния масс-медиа на аудиторию, реализуемых на лексическом уровне региональных медиатекстов, поскольку именно лексические средства воздействия составляют, по нашему мнению, наиболее обширную и задействованную область инструментов влияния. Материалом исследования послужили публикации изданий «Крымский телеграф» (КТ) и «Крымская газета» (КГ) за 2015–2016 гг. Всего было подвергнуто анализу около 500 материалов, полученных методом сплошной выборки.

В современных региональных медиатекстах наблюдается актуализация *терминологической лексики* и *профессионализмов*, способствующих повышению авторитетности источника сообщения. Использование таких языковых единиц позволяет передать особое коннотативное значение, может вызвать положительную либо отрицательную реакцию аудитории на описываемое событие [14]. Приведем примеры: *Министр подчеркнул, что для повышения технической оснащённости сельскохозяйственных производителей региона планируется активизировать деятельность ГУП «Крымагролизинг», в том числе через возможную докапитализацию данного предприятия* (КТ, № 385 от 01.07.2016) – профессионализм *докапитализация* означает увеличение объема собственных средств компании, значение слова в тексте не поясняется; *Позже региональная государственная ветеринарная лаборатория РК провела патологоанатомическое исследование умершего животного. Экспертиза выявила гастроэнтероколит, который привёл к новому витку воспалительных изменений и вызвал нарушение усвоения пищевых продуктов, а дальше – к интоксикации организма. Все эти процессы стали причинами развития сердечной патологии, а в итоге – смерти. Другими словами, тигрёнок умер от запущенного кишечного заболевания* (КГ, № 19751 от 10.12.2015) – использование

медицинской терминологии призвано убедить читателей, что животное в зоопарке погибло по объективным причинам.

Особенности коннотативных значений используются и в случае оказания воздействия посредством *эвфемизмов* и *дисфемизмов*, например: *Написать работу на отлично удалось лишь считанным единицам. Среди них оказалась и министр образования, науки и молодёжи республики, но объективность оценки её работы, похоже, небесспорна* (КТ, № 326 от 24.04.2015) – эвфемизм *небесспорна* смягчает смысл высказывания, при этом у читателя создается впечатление, будто окончательный вывод о справедливости оценки ему предлагают сделать самостоятельно; *Все машины оборудованы подъёмниками, что позволяет **маломобильным** гражданам по льготным ценам выезжать в социально значимые учреждения* (КТ, № 341 от 14.08.2015) – в данном примере наблюдаем использование эвфемизма *маломобильные граждане* для номинации инвалидов-колясочников; *Изыскания видов грунта не проводились, а высота стояния грунтовых вод не определялась. Но и без экспертизы жители, чьи дома строились на сваях, в курсе, что из-за подпочвенных вод, которые текут под участком в местную речку Быструю, местному строительному управлению ещё при Союзе **зарубили** стройку* (КТ, № 296 от 12.09.2015) – выбор лексики *зарубить* вместо *остановить*, *прекратить* или *запретить* усиливает эмоциональность высказывания и способствует формированию четкой негативной оценки; *Тем временем в Алушке проход к морю снова отрезал строительный забор скандально известного американского предпринимателя Олега Геншафта, демонстративно **чихающего на** любое законодательство вот уже 10 лет* (КТ, № 381 от 03.06.2016) – дисфемизм *чихать на*, использованный вместо лексики *игнорировать*, способствует формированию крайне негативного восприятия деятельности предпринимателя.

Региональные масс-медиа нередко обращаются к воздействию потенциалу *жаргонизмов*, функционирующих в медиатекстах для усиления выразительности высказывания, эмоционального воздействия на читателя и в качестве средства выражения авторской оценки: *«Это **заказуха** строительной компании!» Председатель «Садовода» уверен, что данная деятельность со стороны активистов якобы оплачивается заинтересованной стороной – крупной строительной компанией,*

которая стремится развалить поселение, чтобы начать здесь застройку, привлекая к этому юристов (КТ, № 414 от 27.01.2016) – многозначный жаргонизм *заказуха* в данном контексте употребляется в значении «заказной материал, публикуемый в средстве массовой информации»; *Народная схема газификации – лохотрон, оставивший крымчан без газа. Газификация крымских селений по схеме «народного финансирования» зашла в тупик...* (КТ, № 309 от 12.12.2014) – крайне негативная оценка ситуации с газификацией полуострова выражается с помощью жаргонной лексемы *лохотрон* со значением «мошенническое предприятие, рассчитанное на доверчивых людей».

Эффективным инструментом речевого воздействия благодаря своей высокой оценочности, образности, а также способности отражать особенности национального менталитета и культуры становятся *фразеологические обороты*: *Думается, нет нужды перечислять причины, по которым Турция имеет большой зуб на Россию из-за её вмешательства в «сирийский вопрос»* (КГ, 03.03.2015). *Иметь зуб* – испытывать неприязнь, чувство обиды, желание отомстить; вынашивать злой умысел. В данном случае наблюдаем расширение семантики фразеологического оборота за счет добавления компонента определительного свойства – «иметь большой зуб». Таким образом, трансформация фразеологической единицы становится средством эмоционального усиления; *Интересно, что, когда журналисты сообщили о состоянии здания начальнику управления Игорю Тиунчику, в ответ он... предложил подать ему заявление в письменной форме, чтобы управление могло взять ситуацию под контроль. Без бумажки, видимо, невозможно ничего сделать. Хотя некоторые фрагменты здания держатся на честном слове и могут обрушиться на головы прохожим* (КТ, № 368 от 26.01.2016) – ФЕ *держатся на честном слове* (в значении «быть непрочным, неустойчивым») привносит в повествование иронический смысл.

Одним из наиболее распространенных в современных региональных медиатекстах приемов речевого воздействия, по нашим наблюдениям, является перенос наименования с одной реалии на другую на основании сходства, т. е. *метафоризация*. По мнению А.А. Любимовой, использование метафор в целях влияния на аудиторию зачастую «сводится к подмене рационального

обоснования суждения иррациональным, а также вариантом аргумента к авторитету, имеющим формальные признаки выражения общеизвестного факта или непреложной истины» [6. С. 220]. Приведем примеры: *Своё место также потерял и главный архитектор Крыма Александр Кузнецов, которого глава республики обвинил в «беззубой политике», которая привела к градостроительному хаосу в регионах* (КТ, № 411 от 31.12.16) – метафорическое выражение «беззубая политика» употребляется для описания чересчур мягкого поведения, которое привело к ненадлежащему исполнению чиновником своих обязанностей; *Самый южный из городов полуострова попал под снежный удар первым – верхние посёлки Большой Ялты стало заносить снегом ещё за два дня до общего армагеддона. Однако, судя по отзывам местных жителей, коммунальщики эту фору не оценили* (КТ, № 410 от 23.12.2016) – метафора *армагеддон* подчеркивает неспособность властей справиться с погодными условиями, приведшими к «концу света», таким образом дается негативная оценка произошедшего.

Второе место по активности задействования в современных региональных медиатекстах для создания суггестивного эффекта принадлежит *иронии*. Например: *Стоимость проживания на ЮБК, к примеру, оказалась несколько выше ожидаемых Правительством трёх тысяч рублей, стартуя в приличных пансионатах от пяти и устремляясь в бесконечность. Это если брать во внимание жильё, которое по стандартам хотя бы условно можно было бы подтянуть до уровня цивилизованного* (КТ, № 396 от 16.09.2016); *Однако первое, что увидели гости праздника, – не развесёлых скоморохов в лучших народных традициях и не балалаечников с частушками, а непролазную грязь, болото вместо дорожек. И в этом коричневом месиве радостно хлюпали вьетнамские свиньи. Ну ладно, крымчане – не снобы и им не привыкать месить грязь (в Симферополе, например, в дождливую погоду приблизительно такая же картина, только поросят не хватает), так что люди, настроенные на веселье, старались не обращать внимания на такие нюансы. Пока не доходили до мостиков через водоёмы...* (КТ, № 318 от 27.02.2015). Как следует из приведенных выше примеров, ирония позволяет обеспечить более яркое и образное изложение высказываемых идей, благодаря чему их воздействующая сила увеличивается. Значимым в данной ситуации является и то, что при кажущейся объективности

изложения материала ирония позволяет скрыто выразить авторскую позицию.

Подводя итоги исследования, можно отметить, что на данном этапе функционирования масс-медиа отмечается активное использование средств выразительности в региональных медиатекстах. Наиболее востребованными инструментами речевого воздействия на аудиторию являются лексические средства, употребление которых в одном и том же высказывании может значительно усиливать суггестивную семантику последнего. В современных региональных медиатекстах наблюдается актуализация терминологической лексики и профессионализмов, активно используются эвфемизмы и дисфемизмы, жаргонизмы. Одним из наиболее распространённых приемов речевого воздействия, по нашим наблюдениям, является метафоризация. В целом инструменты речевого воздействия позволяют повысить уровень усвоения информации, а значит, более эффективно влиять на аудиторию, поскольку именно тексты, транслируемые СМИ, в настоящее время становятся важным инструментом сохранения и передачи культурных и этических традиций общества.

Библиографический список

1. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 14–31.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия. Толерантность. Вежливость // Электронный ресурс Интернет: <http://lib.sale/jurnalistika-knigi/rechevaya-agressiya-tolerantnost-vejlivost-71650.html>.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1977. 334 с.
4. Дроняева Т.С. Фасцинативные сигналы в информационном тексте // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 187–203.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистическая проблематика массовой коммуникации. Общение и речевое общение. Психолингвистическая модель речевого воздействия // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1974. С. 28–52.
6. Любимова А.А. Языковые аспекты воздействия на общественное сознание: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 340 с.

7. Паршин П.Б. Речевое воздействие // Электронный ресурс Интернет: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/4be4c290-3db5-c4ef-05a5-6aac5078c5b3/1009689A.htm>.

8. Рубанова О.А. Лексические средства усиления речевого воздействия в побудительных высказываниях // Электронный ресурс Интернет: <http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/viewFile/70/57>.

9. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 261–268.

10. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 227 с.

11. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 2–3.

12. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.

13. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: Дис. ... д-ра филол.наук. Барнаул, 2003. 450 с.

14. Гаврилов А.А. Лингвистические средства воздействия СМИ на общественное сознание // Омский научный вестник. 2003. № 1 (115). С. 99–103.

Сведения об авторе

Егорова Людмила Геннадьевна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры межъязыковых коммуникаций
и журналистики факультета
славянской филологии и журналистики
Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского
E-mail: legora@list.ru

УДК 811.112.2'25

**ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА
РУССКИХ РАЗДЕЛЬНООФОРМЛЕННЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

Ю.Н. Зинцова, А.А. Кузьмичева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассмотрены некоторые особенности перевода русских цветообозначений на немецкий язык. Предметом изучения стали аналитические модели цветонаименований русского языка. Особое внимание уделяется способам передачи раздельнооформленных цветообозначений в немецком языке, выявляются вариативные модели и конструкции их перевода.

Ключевые слова: цветообозначение, принципы перевода, эквивалентность перевода, раздельнооформленные лексические единицы, цельнооформленность, аналитическая конструкция, композит.

**Principles of Translating Russian Separate Color Designation Codes
into the German Language**

Yulia Zintsova, Anna Kuzmicheva

The article looks at peculiarities of translating Russian color designation codes into German. The authors construct analytical models of the Russian language color designation, emphasizing the means of communicating separate color coordination codes in the German language, and describing various models and constructions of their translation.

Key words: color designation, principles of translation, translation of equivalence, separate lexical items, wholeness, analytical construction, composite.

«Цветовое пространство», «цветовой континуум», «цветовой спектр» – определения, какими принято обозначать многообразие цветов как естественное следствие цветового зрения, рассматриваются разными науками о человеке [1. С. 4]. Цвет как уникальное явление представляет собой популярный для специалистов разных областей объект изучения, в том числе и для лингвистики: группу слов-цветообозначений можно считать одной из ключевых категорий языка, что позволяет получить культурно-исторические, этнографические, психолингвистические, лингвокультурологические и другие сведения об определенном народе. Интерес языковедов вызывает этимология и этнокультурные аспекты наименований цвета, их семантика, структура и словообразовательные возможности. Популярным является

психолингвистический подход к изучению цветообозначений, требующий применения специальных экспериментальных методов. Большое внимание уделяется символике цветообозначений, подчёркивается ассоциативная связь цвета с предметами, явлениями окружающего мира, способствующая определению его символического значения и способов его языковой репрезентации. Цветообозначения становятся предметом изучения гендерной лингвистики.

Неослабевающее внимание лингвистов к специфической группе слов, какой являются цветонаименования, связано и с более конкретными задачами, в первую очередь, с изучением процессов отражения цветовых ощущений в языке. С другой стороны, как считает Р.М. Фрумкина, с лингвистической точки зрения интересно описывать те лексические группы, которые представимы как системы [2. С. 18]. При достаточно строгом подходе к определению самого понятия «системно организованное множество объектов» по-настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики – как правило, множества слов и словосочетаний, выделенные по «семантическому» принципу, точнее, по тому фрагменту действительности, который они описывают. Наиболее типичным примером такого множества и является система цветообозначений.

Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, выражениях и других вербальных средствах. ввиду того, что язык отражает ассоциации той или иной культуры, формирующейся в различных исторических и географических условиях, цветовые системы разных языков во многом отличаются друг от друга [3]. В связи с этим при переводе цветообозначений с одного языка на другой могут возникнуть определенные трудности. в рамках данной статьи рассматриваются принципы и модели перевода на немецкий язык некоторых русских сложных цветонаименований.

При описании основных приемов перевода цветообозначений принимаются во внимание, прежде всего, способы их образования [4. С. 77]. Как в немецком, так и в русском языках выделяются цельнооформленные и раздельнооформленные цветообозначения. Цельнооформленность, как правило, позволяет лексической единице характеризоваться термином «словарная» единица (в значении

wortschatzfähig), т. е. входить в словарный запас национального языка и быть отраженной в словарях. К таким цветообозначениям, по терминологии Е.А. Косых, относятся **моноксемные** («красный», «синий», «зеленый» и под.) и **сложные** наименования цветов, которые часто выражаются именами прилагательными, в структуре которых выделяется два или три корня-основы – обозначений цвета («розовато-лиловый», «темно-зеленый», «ярко-фиолетовый» и под.) [5].

Раздельнооформленные лексические образования, используемые для обозначения цветов и оттенков, являются лексическими образованиями сочинительного типа и характеризуются сложной структурой: «цвет хаки», «цвет берлинская лазурь», «цвета морской волны», «цвета топленого молока» и др. Такие лексемы считаются «несловарными» единицами (*nichtwortschatzfähig*) ввиду того, что являются словосочетаниями, а не синтетическими конструкциями.

Считается, что наиболее традиционными и частотными являются моно- и билексемные номинации. Однако в произведениях художественной литературы и в сфере профессиональной лексики (автопроизводство, текстильная промышленность и др.), рекламы и моды, наряду с традиционными названиями цветов, широко используются сочетания сочинительного типа, выполняющие функцию цветowych прилагательных [5].

Данная группа цветообозначений включает большое количество единиц, является открытой и постоянно пополняется, обладая большим потенциалом. Тем не менее можно выделить общеупотребительные конструкции наименований цвета в русском языке, образованных аналитическим способом, и некоторые принципы и приемы их обозначений в немецком языке.

В русском языке для обозначения цвета имеются две стабильные аналитические модели. Эти модели являются универсальными, и при возникновении определенных трудностей при переводе сложных имен прилагательных-цветообозначений немецкого языка с первым компонентом – основой имени существительного – всегда можно ими воспользоваться. Это, во-первых, модель «**имя прилагательное-цветообозначение + как + X**», где X – имя существительное, например: «черный как смоль», «белый как лунь», «красный как рак». Вторая часто используемая модель: «**цвет(а) X**», где X – имя существительное в именительном

или родительном падеже, например: «цвет аметист», «цвет коралл», «цвета герани», «цвета меда», «цвета мха»; иногда с добавлением имени прилагательного: «цвет мокрый асфальт / цвета мокрого асфальта», «цвета слоновой кости», «цвета небесной лазури».

Сравнительные конструкции типа «зеленый как трава», «черный как сажа», «красный как рак», «желтый как масло», «черный как смоль» и др. являются открытыми устойчивыми моделями передачи цвета в обоих языках. Это самый ранний этап развития цветовой лексики, когда цвет передается опосредованно путем указания на цвет соответствующих предметов или объектов действительности («как снег (белый)», «как сажа (черный)»). Для немецкого языка это единственная раздельнооформленная конструкция: *gelb wie Zitrone, grün wie Gras, blau wie Himmel, rot wie Blut* и под. Ввиду того, что немецкий язык все же больше тяготеет к синтетическим конструкциям, их перевод на немецкий язык может осуществляться и цельнооформленными единицами. Поэтому этой открытой устойчивой модели русского языка в немецком языке может соответствовать также открытая цельнооформленная модель **«основа имени существительного + основа имени прилагательного»**, например: *buttergelb* – «желтый как масло», дословно «масляно-желтый», *zitronengelb, grasgrün, krebsrot, froschgrün* и под. [6].

Другая группа раздельнооформленных цветоименований, распространенная в русском языке, – сложные генитивные / номинативные конструкции, словосочетания типа **«цвета + имя существительное в родительном падеже»** («цвета меда (золотистый)»; «цвета фламинго (нежно-розовый)») и ее вариантная модель, используемая в профессиональной сфере, **«цвет + имя существительное в именительном падеже»**, например: «цвет зеленый сад», «цвет торнадо», «цвет мулен руж», «цвет гранат» и др. Часто используются и расширенные варианты этих моделей с добавлением имени прилагательного: «цвета слоновой кости», «цвета морской волны», «цвет золотой лист» и под. Встречаются часто и некоторые «эмоциональные» разновидности данных конструкций: «цвета **спелой** пшеницы», «**мокрого** асфальта», «**давленной** земляники», «**старой** розы», «цвет **снежная** королева», «**синяя** полночь» и т. д.

Данная модель цветообозначений в русском языке получила особое развитие в XVIII веке, когда культура Франции оказывала

сильнейшее влияние на все страны Европы, в том числе и на Россию. Касалось это и моды в одежде, вместе с которой экспортировались и броские названия цвета. Так, например, заимствованное цветообозначение «плюсовый» («блошиного цвета», «цвета блохи») получило свое дальнейшее развитие в русском языке в большом разнообразии групп слов и словосочетаний, цвет назывался: «блошиная спинка», «блошиное брюшко» и даже такие, как «мечтательная блоха», «блоха в обмороке» и т. д. [1. С. 166–167]. В художественной литературе можно встретить и более символические наименования оттенков цвета, например: «дикий цвет» («серый цвет со стальным оттенком»), сочетание «светло-серого» и «бледно-голубого»), «цвета лягушки в обмороке» (имеется в виду «светлый серо-зеленый»), «цвета бедра испуганной нимфы» (обозначает оттенок «розового», возможно, возникло в начале XIX века с появлением нового сорта роз). Известны также цветоименования, о значениях которых очень сложно или невозможно догадаться: «цвет сон разбойника», «последний вздох жако», «цвета нездорового испанца» и др. [7]. Многие из таких цветообозначений не употребляются или употребляются крайне редко. Устаревшие цветообозначения в современном русском языке практически не встречаются, они представляют собой трудности для перевода в связи с утратой этимологии.

Ввиду своей открытости и стабильности в русском языке модель «**цвета + имя существительное**» может использоваться в настоящее время и для создания экспрессивно-комического эффекта. Можно при любом удобном случае образовывать такие прилагательные-цветообозначения, все зависит от эрудиции и чувства юмора автора.

На немецкий язык словосочетания русского языка типа «цвета меда», «цвета пшеницы», «цвета молока» и т. д. (включая их расширенные модели), где цвет передает имя существительное, переводятся, как правило, сложными именами прилагательными, например: «цвета рубина» – *rubinrot*, «цвета корицы» – *zimtbraun* и т. д.

К раздельнооформленным в русском языке можно отнести также словосочетания, образованные по модели «**имя прилагательное + имя прилагательное**», типа: «королевский голубой», «серебристый белый». Они переводятся на немецкий язык сложными именами прилагательными с первым компонентом –

детерминативным именем прилагательным (например, *silbern*), а вторым компонентом – именем прилагательным-цветообозначением: *silberweiß*, *silbergrau* и т. д.

Достаточно сложно переводить словосочетания типа «королевский голубой», в данном случае приходится обращаться к этимологии цвета и переводить гиперонимом, общим названием цвета: «ярко-голубой», «насыщенно-голубой» – *himmelblau*, *azurblau*, *grellblau*.

Сложность для перевода представляют также субстантивные словосочетания, часто оказиональные, которые содержат имплицитные цветовые значения типа: «пламя революции» (крово-красный цвет). Такие цветоименования переводятся на немецкий язык также обычно сложными именами прилагательными-цветообозначениями описательного характера: *blutfarben*, *wundrot*.

Среди цельнооформленных цветообозначений как в русском, так и в немецком языках имеется богатый арсенал сложных прилагательных сочинительного типа (или копулятивных адъективных или адвербиальных композитов [8. С. 79]). Такие конструкции являются обозначениями не единого цвета, а совокупности нескольких цветов. Типичным примером таких прилагательных является обозначение цветовой гаммы на государственных флагах: «бело-сине-красный» (цвета государственного флага России) – *weißblaurrot*; «черно-красно-золотой» (цвета государственного флага Германии) – *schwarzrotgolden / schwarz-rot-golden*. К этой группе относятся также устойчивые сочинительные конструкции типа «черно-белый»: *schwarzweiß* (фотопленка, телевизор, фильм и т. д.). Такие прилагательные характеризуются свободной сочетаемостью и их перевод не вызывает трудностей.

Цветообозначения в составе словосочетаний, отражающих эмоциональное состояние человека, в основном, образуются по моделям с предлогом с первым компонентом – прилагательным-цветообозначением, соотносимым с основой имени существительного: «красный от стыда», «красный от злости», «бледный от ужаса (страха, испуга)». Таких конструкций в русском языке незначительное количество, все имеют устойчивые соответствия в немецком языке, переводимые по модели «**имя прилагательное-цветообозначение + vor / von X**», где X – основа

имени существительного (и имеющие синонимические аналитические конструкции – цельнооформленные композиты): *rot vor Scham* → *schamrot*, *rot vor Zorn* → *zornrot*, *bleich vor Schreck* → *schreckensbleich*.

К раздельнооформленным моделям, по которым образуются цветообозначения, можно отчасти причислить еще одну группу наименований цвета. Как в русском, так и в немецком языках для выражения оттенков цвета используются специализированные приставочные слова [1. С. 58, 62], или модификаторы видоизменения (уточнения) значений цветоименований (полупрефиксы и частотные компоненты сложных слов): «бледно-(розовый)», «густо-(зеленый)» и др. [4. С. 78]. В цветообозначениях русского языка выделено четыре раздельнооформленных модификатора: «мягкий», «теплый», «холодный», «чистый». По принципу цельнооформленности модификаторы «холодный» и «чистый» используются в составе сложных имен прилагательных («холодно-голубой», «чисто-белый», «чисто-оранжевый» и под.).

В немецком языке цветообозначения, образованные при помощи модификаторов, являются в основном цельнооформленными: *tiefgrün*, *hellblau*, *dunkelrot* и др. В русском языке они могут использоваться как в синтетической, так и в аналитической форме, особенно при переводе с немецкого на русский язык, например: *tiefgrün* – «темный зеленый (цвет)», «густой зеленый», «насыщенный зеленый», или: «темно-зеленый», «густо-зеленый», «насыщенно-зеленый».

Модификаторы «мягкий» и «теплый» в немецком языке не зафиксированы (однако толковый словарь немецкого языка в редакции Дуден тоже дает раздельнооформленные формы: *ein sanftes Rot*, *ein sanftes Blau*) [9], хотя потенциально появление данных модификаторов в качестве первых компонентов цветообозначений вполне возможно.

Таким образом, раздельнооформленные цветообозначения как в русском, так и в немецком языках представляют собой довольно обширную группу, и достаточно сложно исследовать их все по объективным причинам. Тем не менее для качественного адекватного перевода важно проследить общие тенденции передачи цветоименований одного языка на другой, так как любое межъязыковое изучение цветообозначений позволяет выявить особенности цветовой номинации в сопоставляемых языках, состав

цветовых терминов данных языков, структурные типы цветовых наименований и модели для обозначения цвета.

Библиографический список

1. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
2. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
3. Жешко В.П. Цветообозначения в современном немецком языке как объект исследования в этнолингвистике // Электронный ресурс Интернет: <http://ebooks.grsu.by/philologos/zheshko-v-p-tsvetooboznacheniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-kak-ob-ekt-issledovaniya-v-etnolingvistike.htm>.
4. Вашунин В.С. Немецко-русский словарь имен прилагательных-цветообозначений. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2007. 90 с.
5. Косых Е.А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. 2002. Вып. 2. С. 28–34.
6. Немецко-русский, русско-немецкий словарь имен прилагательных-цветообозначений / Сост. В.С. Вашунин, Ю.Н. Зинцова. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2013. 219 с.
7. Друговейко-Должанская С.В. Словарь цветообозначений русского языка // Электронный ресурс Интернет: <http://gramma.ru/SPR/?id=1.10>.
8. Муратова С.В. Композиты с реляционной семантикой в современном немецком языке // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.А. Добролюбова. 2010. № 12. С. 78–85.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4 Aufl. Mannheim 2001 [CD-ROM].

Сведения об авторах

Зинцова Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zintsova@mail.ru

Кузьмичева Анна Александровна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anna_fromm@mail.ru

УДК 811.112.2'37

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР УСТУПИТЕЛЬНЫХ КОННЕКТОРОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Зуева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются уступительные коннекторы в немецком языке как производные лексические и грамматические единицы в рамках нового направления когнитивной лингвистики – прецедентной грамматики. Путем анализа изменения лексического и грамматического значения слова в исторической перспективе на примере уступительных коннекторов автор приходит к выводу об их прецедентном языковом характере.

Ключевые слова: коннектор, уступительность, производность, грамматическая / лексическая прецедентность, функциональная этимология.

The Precedent Nature of Concessive Connectors in the Modern German Language Evgeniya Zueva

The article deals with concessive connectors in the German language as derived lexical and grammatical units within the framework of precedent grammar, a new research area in cognitive linguistics. By analyzing the diachronic change of lexical and grammatical meanings of words (here, specifically, concessive connectors), the author comes to the conclusion about their precedent nature.

Key words: connector, concessivity, derivation, grammatical / lexical precedence, functional etymology.

Исследовательский интерес к семантике и синтаксису уступительных союзных слов на материале разных языков в течение последних десятилетий продолжает нарастать (В.Ю. Апресян, Х. Блюдорн, Е. Брейндль, Н.А. Голубева, С. Гюнтнер, К. Ди Меола, А.Н. Латышева, У. Патцке, Р. Паш и др.).

Актуальность настоящей статьи определяется новой интерпретацией сложной уступительной семантики, которая в рамках всеобщей языковой универсальности характеризуется специфичностью и многослойностью. Научный интерес представляет, с одной стороны, предельность (конкретность) уступительной семантики с точки зрения ее исторической рефлексии в языке и, с другой, реализация данной семантики не менее специфическими языковыми средствами – коннекторами, лингвистический потенциал

которых позволяет создать один из ведущих разрядов текстосвязующих слов.

Цель статьи – рассмотреть особенности изменения лексико-грамматического значения некоторых уступительных коннекторов немецкого языка (далее – УК) в процессе их исторического развития и показать таким образом их знаковую производность, понимаемую как когнитивно-семантический признак – **прецедентность**.

Непосредственным предметом нашей дискуссии являются союзы с уступительной семантикой, именуемые коннекторами. Этот термин нуждается в пояснении. В рамках проекта грамматической школы Института немецкого языка (г. Маннгейм, ФРГ) разработана концепция выделения из числа традиционных союзов-коннекторов, которые должны удовлетворять, как следует из их дефиниции, определённым логико-семантическим и грамматическим критериям, а именно:

- функционировать в виде неизменяемых словоформ;
- не проявлять падежную диатезу к своему синтаксическому окружению;
- иметь в своем значении двухчленную семантическую реляцию;
- релятами их значения должны быть сущности;
- реляты их значения должны быть выражены предложениями [1. S. 37–38].

В списке коннекторов, составленном авторами коллективной монографии [2], отсутствует, например, диалогическая частица с отрицательной семантикой *doch*, потому что она не соединяет две сущности внутри одной синтаксической единицы – сложного предложения. Но мы можем на когнитивном уровне, с помощью когнитивного механизма инференции, основанного на умозаключении, причислить эту частицу к коннекторам, так как она имплицитно передает смысл второй сущности, которую можно передать двумя предложениями:

„Du kannst doch nicht nur zwei Scheiben essen“, sagte er auf seinen Teller.

„Doch. Abends vertrag ich das Brot nicht gut [...]“ [3. S. 112].

Здесь диалогическая частица *doch* объединяет две следующие сущности: *Du kannst doch nicht nur zwei Scheiben essen* («Ты можешь всё же съесть не только два куска хлеба») и *Ich kann nicht zwei*

Scheiben essen, а далее следует объяснение причины: *Abends vertragen ich das Brot nicht gut* («По вечерам я плохо переношу хлеб»).

Рассмотрим также следующий пример:

Lorenzen wurde verlegen, denn was Dubslav da zuletzt sagte, das stimmte nur zu sehr mit seiner eigenen Meinung. Aber er musste wohl oder übel, so schwer es ihm wurde, das Gegenteil versichern. – «Лоренцен смутился: то, что в заключении сказал Дубслав, целиком совпадало с его собственным мнением. Но **волей-неволей**, как бы тяжело ему это ни было, он вынужден был поддержать противоположную точку зрения» (перевод Л.Э. Бинович) [4. С. 731].

Если исходить из соответствия вышеназванных признаков коннекторов, наречие *wohl oder übel* («волей-неволей») коннектором не является, так как само по себе оно не соединяет сущности, эту функцию выполняет противительный союз *aber*; он является коннектором и вместе с наречием *wohl oder übel* выражает уступительность. Это предложение можно было бы перефразировать следующим образом: *Obwohl es ihm schwer wurde, musste er das Gegenteil versichern.* – «Хотя ему было тяжело, он вынужден был поддержать противоположную точку зрения». Главное предложение выражает факт, придаточное – недостаточное встречное условие.

Рассмотрение коннекторов немецкого языка как прецедентных единиц предпослано разработанной Н.А. Голубевой теорией прецедентности [5]. В соответствии с постулатами данной теории мы полагаем, что уступительные коннекторы наделены когнитивно-семантическим признаком «прецедентность», обозначающим способность номинативных (лексических и грамматических единиц) производить и быть производными. Исходя из этого, каждый УК должен иметь языковой или коммуникативный прецедент. Прецедент – сложное когнитивное понятие, включающее в себя как исходный, конкретный случай реальной или языковой действительности, так и ассоциативный комплекс, активизирующийся в речи представителей социума. Таким образом, прецедент как производящий языковой знак порождает прецедентное отношение к производному знаку [6].

Задача нашего лингвистического анализа – показать УК как актуализаторы прецедентных (производных) отношений, и на этом основании считать их прецедентными единицами как лексического, так и грамматического фонда языка. Для этого необходимо

проследить развитие их лексических и грамматических значений, то есть обратиться, прежде всего, к диахронии. Как пишет О.М. Егорова, ссылаясь на мнения отечественных и зарубежных лингвистов, «в рамках когнитивной лингвистики языковеды видят особую значимость в диахронических исследованиях, так как исторические изыскания дают возможность более глубоко проникнуть в понятийную картину исследуемых лингвистических фактов в сравнении с синхроническим срезом» [7. С. 4].

Логические и лингвистические критерии определения коннекторов (см. выше) позволяют отнести УК к единицам грамматического фонда. Все грамматические прецедентные единицы имеют функциональные преобразования, обуславливающие их функциональную этимологию [8]. Онтологически грамматическое значение языковой единицы развивается из лексического значения.

Для достижения поставленной в рамках статьи цели необходимо проследить, прежде всего, ход изменения лексического значения уступительных коннекторов на примере слова *obwohl* – его непосредственных составляющих. Слово *ob* (*obe*) в средневерхненемецкий период было синонимом временного союза *wenn*. В древневерхненемецкий период союз функционировал как *oba* [9. S. 286]. Параллельно с союзом *obe* существовал его омоним со значением «вверху» [ibid].

Наречие *wohl* в вышеприведенные исторические периоды имело форму *wola* и означало как «хорошо», так и «по желанию», и было связано с глаголом *wolan* («желать») [9. S. 429]. Так, на примере союза *obwohl* мы видим как лексические, так и частеречные преобразования, выражающие лексический и грамматический виды прецедентности (термины Н.А. Голубевой).

Рассмотрим далее слово *gleichviel* («всё равно», «как бы то ни было»). Оно состоит из сочетания компонентов *gleich+viel*, означающих соответственно «равно» и «много». Прилагательное *gleich* имело форму в древневерхненемецком *gelich*, *gilih*, *gelijk* (ср. англ. *like*); гот. *galika*. Морфема *ge-* означала «равный», существительное *lika* означало «часть тела», то есть *gilih* (*gelijk*, *galika*) – «имеющий равное тело» [9. S. 147]. Сравним более поздний вариант *Leiche* – «тело», «труп». Союз *gleichviel*, а точнее, его непосредственная составляющая *gleich* содержит в себе «замершую» лексему *lika*, которая уже не идентифицируется носителями языка.

Как мы видим, произошло не только возникновение новых лексем *obwohl* и *gleichviel*, но и изменение их грамматического статуса, которое привело к появлению новых грамматических единиц, коннекторов, что указывает на реализацию этими языковыми единицами одновременно лексического и грамматического вида прецедентности. Как известно, переход лексемы в грамму означает первую ступень грамматикализации, а переход грамматического средства или формы из одного грамматического разряда в другой является проявлением последующей ступени грамматикализации.

Сказанное позволяет увидеть в рассмотренных словах **протопрецедентность** как онтологический признак прецедентности, ср., *wolan – wohl – obwohl; ge – lika – viel – gleichviel*. Вместе с тем этот фрагмент анализа еще раз подтверждает тезис о теснейшей связи взаимодействия лексического и грамматического уровней языка.

Отношения, которые мы называем прецедентными, обнаруживаются далее в немецких лексемах *Ding* («вещь», «дело», «обстоятельство») и *allerdings* («во всяком случае»), *achten* («обращать внимание») и *ungeachtet dessen, dass* («несмотря на то, что»). Восприятие этих и других лексем тесно связано с восприятием сем, их непосредственных составляющих. Оно происходит посредством ассоциативных связей внутри каждой лексической единицы и между ее частями. Вызывая ассоциативные связи со своими ментальными «прародителями», лексемы *allerdings*, *ungeachtet dessen, dass*, как и многие другие лексемы, являются лексическими прецедентными единицами.

Рассмотрим лексический и грамматический вид прецедентности на примере других немецких коннекторов. В этой связи продуктивным кластером ментального лексикона для реализации лексического вида прецедентности является вторичная лексическая номинация. Под этим термином понимается использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения / названия [10. С. 129].

В качестве примера можно привести грамматические синонимы – уступительные коннекторы с подчинительной связью *obwohl*, *obschon* и *obgleich*. Они различаются семантикой, заключенной в их морфемах: они состоят из компонентов *ob+wohl*, *ob+schon* и *ob+gleich*. Как отмечено выше, наречие *wohl* в древневерхненемецком имело значение «приятно», в

средневерхненемецком – «желаемое», а в нововержненемецком появилась еще сема «уверение», «догадка». Прилагательное *gleich* восходит к префиксу *ge-* и древнегерманскому *lika "Körper, Gestalt"* [11. С. 184]. Наречие *schon* в древний период восходило к прилагательному *schön*, а позже приобрело значение «уже» [там же]. Таким образом, коннектор *obwohl* содержит оценочный компонент (несмотря на то, что (-), (+)), *obschon* – темпоральный компонент (несмотря на то, что уже) и *obgleich* – компонент аналогии присутствия противопоставленных значений (несмотря на то, что есть одно и есть другое одновременно). Ср.: *Obwohl / Obschon / Obgleich sie nur wenig Zeit hatte, kam sie sofort* [12. S. 380].

Если возвратиться к происхождению данных коннекторов, то раньше всех из них сформировался союз *obschon* – в период средневерхненемецкого языка, остальные – *obwohl* и *obgleich* – сформировались в нововержненемецкий период [11. С. 184]. Следовательно, *obwohl* и *obgleich* представляют собой вторичные номинации по отношению к их непосредственно составляющим (лексемам) и хронологически как синонимы это – повторные номинации по отношению к лексеме *obschon*. Таким образом, два номинативных вектора реализуют лексический вид прецедентности. Их дальнейшее функциональное преобразование из лексем в граммы свидетельствует об их грамматическом признаке прецедентности.

Для сравнения приведем небольшой фрагмент анализа коннекторов с другой семантикой, которые в лингвистике трактуются как «дефинитивные коннекторы» (*Definitionskonnektoren*), – *das heißt, dies (das) bedeutet, beziehungsweise* и др. [1. S. 414], в которых легко обнаруживается прецедентный характер. На первый план в этом смысле выдвигается лексическая прецедентность, так как они являются фразеологизированными (устойчивыми) словосочетаниями. Одновременно по обозначенным выше логико-лингвистическим критериям они являются коннекторами, например:

Und immer, auch wenn Nissen Piczenik keine Korallensendung zu erwarten hatte, und selbst an den Tagen, an denen keine Züge kamen, ging er zum Bahnhof, das heißt, zu den Sümpfen [13. S. 127].

Как сказано выше, грамматический вид прецедентности маркируется способностью к трансформации грамматического содержания исходной части речи в форму другой части речи, что

ведет к изменению грамматического значения слова (формы). То есть он определяется их производными грамматическими признаками. Так, из причастия *ausgenommen* возник предлог *ausgenommen* («кроме») и далее коннектор с уступительным значением *ausgenommen, dass*. Уступительный коннектор *abgesehen davon* возник аналитическим путем от соединения причастия *abgesehen* и местоименного наречия *davon*. Непосредственные составляющие этого союза также являются дискретными единицами: причастие *abgesehen* образовалось из глагола *absehen* («игнорировать»), состоящего из префикса *ab-* + *sehen*. Префикс *ab-* имеет значение устранения: ср., *abnehmen* («снять»), *abschießen* («сбить выстрелом»). Местоименное наречие *davon* образовано от наречия *da* и предлога *von*. На этом примере мы можем видеть, что УК *abgesehen davon* произошел путем ряда грамматических преобразований. В ходе предпринятого анализа можно убедиться в том, что в становлении грамматических значений УК активно участвуют такие языковые механизмы, как конверсия и дейксис.

Таким образом, на примере проанализированных коннекторов с уступительной семантикой можно говорить о функциональном развитии языкового знака, то есть о функциональной этимологии, которая индицирует их прецедентный характер. При этом УК объективируют как лексический, так и грамматический вид прецедентности. Эти единицы оформились в новые лексические и грамматические знаки путем изменения лексических и грамматических значений их непосредственных составляющих.

Библиографический список

1. Blühdorn H., Breindl E., Waßner U.-H. Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorensemantik. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2004. 434 S.
2. Pasch R., Brausse U. et al. Handbuch der deutschen Konnektoren. Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin, N.Y.: de Gruyter, 2003 (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache; Bd. 9). 733 S.
3. Borchert W. Das Brot // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 109–114.

4. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
5. Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: Монография. Н. Новгород: ООО «Типография Поволжье», 2010. 318 с.
6. Зуева Е.В. Феномен прецедентности в языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2016. Вып. 35. С. 32–40.
7. Егорова О.М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 187 с.
8. Голубева Н.А. Функциональная этимология в свете когнитивной грамматики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 48–54.
9. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Kluge F. (Hrsg.). 21. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1975 [1899]. 822 S.
10. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129–222.
11. Михайлова З.Ф. Уступительная связь в сложном синтаксисе современного немецкого языка // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 87. Ч. 1. С. 183–186.
12. Duden = Die Grammatik. 4., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1984. 800 S.
13. Rot J. Der Leviathan // Tonio Kröger. Deutsche Novellen des XX Jh. Sankt Petersburg: KARO, 2010. S. 115–170.

Сведения об авторе

Зуева Евгения Викторовна
аспирант кафедры теории и практики немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Lenskaja.wind.ru@rambler.ru

УДК 811.161.1'38:821.161.1"19"

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГИПЕРБОЛЫ В РАССКАЗАХ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Е.Ю. Логинова

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара

Статья посвящена исследованию функционирования гиперболы, ее смыслов, средств выражения, структурных особенностей и художественных эффектов при ее использовании на материале рассказов В. Шукшина.

Ключевые слова: средства выразительности, речевая характеристика героев, гипербола, смыслы гиперболы, средства гиперболизации, структура гиперболического выражения.

The Use of Hyperbole in Short Stories by Vasily Shukshin

Elena Loginova

The article studies the functioning of hyperbole, its meanings, means of expression, structural features and artistic effects in V. Shukshin's short stories.

Key words: means of expression, speech characteristics of heroes, hyperbole, hyperbole meanings, means of hyperbole, hyperbolic expression structure.

Гипербола является одним из самых ярких лексических стилистических приемов в языке. Однако в сопоставлении с другими приемами, такими как метафора, сравнение, эпитет она является менее изученной. При этом гипербола широко распространена как в обыденной разговорной речи, так и в художественном тексте.

Есть ряд работ, где использование гиперболы рассматривается как одна из важных особенностей идиостиля писателя или поэта. Среди них можно выделить отдельные исследования, посвященные использованию гиперболы в произведениях М.Ю. Лермонтова [1], В.В. Маяковского [2; 3]. С привлечением текстов писателей и поэтов о гиперболе как средстве выражения категории градуальности в современном русском языке пишет С.А. Тихомиров [4].

Перед автором статьи стояла цель рассмотреть особенности использования данного приема в рассказах В. Шукшина, изданных в разные годы. Объектом анализа послужили функции, смыслы гиперболы, средства ее выражения, структурные особенности и художественные эффекты при ее использовании.

Поэтика рассказов Шукшина явилась объектом изучения многих исследователей, но целостного анализа использования гиперболы в

творчестве писателя не обнаружено, что обуславливает актуальность исследования. Актуальность обусловлена также тем, что в последнее время в число приоритетных вопросов языкознания выдвинулись проблемы лингвистики текста и стилистических процессов смыслопостроения.

Выбор произведений В. Шукшина в качестве материала для исследования объясняется тем, что гипербола как выразительное стилистическое средство является одной из характерных черт этих произведений. Вся жизнь персонажей шукшинских рассказов – во многом гипербола. «Шукшинская жизнь» – это жизнь, смыслом которой становится стремление к идеалу, обостренное чувство правды, человеческие качества, возведенные в самую высокую степень: трудолюбие, честность, совесть, доброта; жизнь, славная уникальным своим укладом и природными страстями. Предоставляя своим героям полную свободу самовыражения, Шукшин угадывает скрытые возможности характера, который в своем развитии разрушал всевозможные попытки его ограничить, отвергал формальные условности, утверждал свою непредсказуемую индивидуальность.

Именно эти духовно-нравственные, идейные предпосылки определили характер, стиль изображения, прямоту, безоговорочность эстетических оценок, нашедших отражение в языке произведений Шукшина. А.Ж. Фаттахова говорит в этом случае о гиперболическом фоне, отражающем своеобразие эстетического кредо автора и его мировидение, основывающемся на культурно-историческом контексте, личностных качествах автора и его судьбе [3. С. 3].

Шукшин выступает не как провозвестник новых идей, а как представитель опыта, спокойной прочности и устойчивости [5]. Показателем этого является и речь героев – речь, в которой слышны нотки народной мудрости, фольклорные традиции, отражающиеся в экспрессивных выражениях, проверенных порой веками. Особенно широкие возможности для достижения в художественном тексте необходимого эффекта предоставляет использование «народной речи». В. Шукшин, сам владеющий такой речью в совершенстве, наделяет ею и героев. Она самобытна, ярка, богата, колоритна. Эти качества достигаются в том числе путем включения в речь разговорных выражений, просторечия, диалектных слов.

Слово у Шукшина ёмко, многозначно. Для характеристики образа героя, обрисовки ситуации умело используются разнообразные средства выразительности, среди которых, наряду с юмором, сатирой, аллегорией, гротеском, карикатурой, алогизмом, метафорой и др., широкое распространение получила гипербола.

Как известно, гипербола – прием выразительности, основанный на преувеличении, применяемый для привлечения внимания слушателя / читателя и для усиления впечатления от услышанного или прочитанного. Рассматривая гиперболу, мы отличаем ее от литоты (мейозиса), хотя в науке известны примеры определения последней как частного случая гиперболы [6]. В нашей статье мы различаем также гиперболу (преувеличение) и усиление (интенсификация). При усилении говорящий лишь эмоционально оценивает сообщаемый факт (в том числе с помощью лексем *ужас*, *страсть*, *невероятно* и т. п.), а при гиперболе он дает этому факту некоторую «количественную меру»: либо сравнивает его с другим фактом – и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета, выходящие за рамки реальности действия [7. С. 253]. Таким образом, любая гипербола строится на сравнении, на создании определенного образа.

Гиперболические высказывания возникают в результате оценки говорящим сообщаемых им фактов, поэтому решающей является именно его позиция. Писатель нарушает при этом некоторые внешние соразмерности изображаемой жизни – преувеличивает реальные возможности в масштабах событий, в результатах действий персонажей, в напряженности их переживаний, в пропорциях портретных и бытовых деталей. При этом гипербола в художественном тексте может содержаться в словах автора и может быть вложена в уста героя.

О том, содержит ли выражение преувеличение или нет, читатель делает вывод из условий описываемой ситуации, предыдущего или последующего контекста. При других условиях выражение, содержащее средство гиперболизации, может вполне соответствовать реальному положению вещей, описывая действительную ситуацию с максимальным проявлением данного свойства. Ср.: *Глаза у нее [у немой] синие, как цветочки, и смотрела до слез доверчиво* («Степка») (здесь и далее цитирование по [8]). Ср.: *Тут Марью пробрал такой*

смех, что она досмеялась до слез... – «Ну и как?» – спросила Марья, вытирая глаза концом полушалка. – «Собрал [анализы]»? («Беседы при ясной луне»).

Признаки, которые подвергаются гиперболизации, – это размер, вес, цвет, количество, интенсивность процессов и т. п. Гиперболизация применяется для описания предметов, явлений природы, исторических событий, при описании мира человека – его внешности, чувств, отношений с другими [6].

А. Вежбицкая, отмечая «высокий эмоциональный накал» русской речи, говорит о том, что «русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и, в частности, моральных» [9. С. 33–34, 84].

Гиперболические выражения, выявленные из текстов рассказов В. Шукшина, выражают следующие основные смыслы.

1. Большое количество, наличие в избытке. Примеры: *А я половину этой деревни своими руками построил!..* («Критики»); *Сколько одного хлеба [я] вырастил! .. Собрать ба весь, наверно, с год все село кормить можно было* («В профиль и анфас»); *В переулках на селе – грязь по колено* («Степка»); *Малины нынче уродилось пропасть* («Чудик»); *Теперь не сидеть мне на ее [реки] берегах с удочкой, не бывать на островах, где покойно и прохладно, где кусты ломаются от всякой ягоды...* («Из детских лет Ивана Попова»); *Теперь вы сидите и проливаете крокодиловы слезы – вроде вас обманули* («Танцующий Шива»); *Кандидатов сейчас как нерезанных собак* («Срезал»); *...А то ученых развелось – не пройдешь, не проедешь* («Дебил»); *Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово – пять* («Срезал»).

2. Длительный временной промежуток. Примеры: *А знаешь ты, что когда академик Павлов помирал, то созвал студентов и стал им диктовать, как он умирает... И до последней минуты все рассказывал, потому что это надо было для науки. А вы с этими с вашими бабками еще бы тыщу лет в темноте жили...* («Космос, нервная система и шмат сала»); *... при встрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, што кое кто с неделю хворать будет* («Раскас»); *Вот горе-то: сена в обрез, ей [корове] жевать и жевать в такую стужу, а где возьмешь, зиме еще конца не видно* («Из детских лет Ивана Попова»); *Ну, теперь полдня будут тряпки разглядывать* («Свояк Сергей Сергеевич»); *Ванька свирепо*

смотрел на артиста, знал: теперь **полгода** будут помнить, как «Ванька дергал гвозди» («Танцующий Шива»).

3. Очень длинное расстояние или большой охват территорий. Примеры: *Разлетелись наши детушки по всему белому свету* («Одни»); *Бывало, утром: на работу идти, а от тебя, как от циклона, на версту разит* («Вянет, пропадает»).

4. Большие размеры. Примеры: *Ну что мне с тобой делать, верста коломенская?* («Стенька Разин») (о высоком росте); *В плечах – сажень, грудь как у жеребца породистого, – силен!* («Игнаха приехал») (о крупном телосложении); *Колька заулыбался... А улыбка у него – от уха до уха* («Думы») (о широкой улыбке).

5. Повторяемость событий, продолжительность действий, постоянство. Примеры: *Мне дай волю – я день и ночь согласен играть [на балалайке]* («Одни»); *Я вырос на ней [на реке], привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, мощный шум...* («Из детских лет Ивана Попова»); *Черт его знает, что за мужик попался: придет – молчит целыми днями... Все думает чего-то, газетами без конца шуришит, зеваает* («Письмо»); *Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмися всю жизнь, глядь – помирать надо. Послушай меня, я век прожила с таким, как ты...* («Письмо»).

6. Характерные человеческие качества:

а) морально-нравственные. Примеры: *Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна* («Сураз») (доброта); *Нет, в курносенькой что-то есть... Но, пожалуй, слишком серьезно к себе относится – это при том, что неутомимая хохотушка* («Шире шаг, маэстро!») (веселый нрав);

б) физические и умственные способности. Примеры: *Это ж был человек! Как развернется, как глянет исподлобья – травы никли* («Стенька Разин») (особая энергетика, сила взгляда); *Я б его [жеребца] с одного раза на коленки уронил, такого образцового* («И разыгрались же кони в поле»); *А сам – хоть об лоб поросят бей – здоровый* («В профиль и анфас»); *В твои годы я знал работал за троих...* («В профиль и анфас»); *Спирька ничего не мог сделать с рукой: ее как приварили к загривку, и крепость руки какая-то нечеловеческая, точно шатуном толкали сзади* («Сураз»); *Нет, они [жены] двужилые, что могут выносить столько* («Сапожки») (физическая сила, выносливость).

7. Состояние человека:

а) сильные чувства, психическое состояние – наиболее частотны примеры, описывающие негативные эмоции: – «*Может, мне лучше уйти?*» – *громко спросил Васька, и голос его дрогнул от обиды. Васька погибал, погибал прямо и просто* («Степкина любовь»); *Напужал, прямо сердце упало* («Далекие зимние вечера») (гиперболический смысл усиливается модальной частицей *прямо*); *Серезу седьмой пот прошибает* – *волнуется, оглобля такая* («Воскресная тоска»); – *Какого черта не прыгал, когда отъехал уже?!... Обязательно надо до инфаркта людей довести* («Гринька Малюгин»); *Я там с ума схожу, а они костры разводят* («Демагоги»); *Ты, отец, разговорился что-то... Совсем уж из ума стал выживать* («Игнаха приехал»); *Отец обезумел от горя: взял доктора за грудки* (Нечаянный выстрел); *Наступила [весна]... А тут – глаза бы ни на что не глядели* («Раскас»); *Мать опять жестоко избил его [сына]... А ночью рвала на себе волосы и выла над сыном...* («Сураз»);

б) плохое физическое состояние героев: *Атаман сам почернел от голода* («Стенька Разин»); *Жара жарой, но еще смертельно хочется спать...* («Из детских лет Ивана Попова»); *Не говорите вы с ним... Он сейчас совсем оглох. Бессовестный* («Критики»); *Башка лопается по швам* («В профиль и анфас»).

8. Реакция на действия окружающих. Встречаются примеры, выражающие:

а) удивление: *Это... я деньги потерял... У жены отвалилась челюсть, на лице появилось вопросительное выражение: может, это шутка?* («Из детских лет Ивана Попова»); *Венька онемел от удивления* («Мой зять украл машину дров!»); *Если меня увидят в кино в нашей деревне, это будет огромный удар по клубу, его просто разнесут по бревнышку. ... От удивления* («Ваня, ты как здесь?!») (гиперболический смысл здесь усиливается усилительно-модальной частицей наречного характера *просто*);

б) негодование, раздражение, недовольство: *А этой... моей... передайте: если она ишо по сельсоветам бегать будет, я ей ноги переломаю* («В воскресенье мать-старушка...»); *Умру – не дам Ванькой назвать!* («Непротивленец Макар Жеребцов»); *Вас обманешь! Тот еще не родился, кто вас обманет* («Танцующий

Шива»); *Только что перечитал последнюю главу, и стало грустно: такая тягомотина, что уши вянут* («Воскресная тоска»);

в) удовлетворение, радость: *А я для его же пользы – назови, мол, сыночка-то Митей, в честь свояка, свояк-то в лепешку расшибется* – *будет посылки слать* («Непротивленец Макар Жеребцов»); *Степан весь горел от стыда и радости* («Степкина любовь»);

г) смущение: *Мать вспыхнула горячим румянцем* («Племянник главбуха»); *У Степана во всю щеку полыхал горячий румянец. Он точно прирос к полу* («Степкина любовь»).

Делая вывод о смыслах гиперболических высказываний, необходимо отметить их концентрацию в области оценок человека: его свойств, состояний, его деятельности, отношений с другими людьми, а также явлений природы, которые так или иначе также отражаются на эмоциональном состоянии людей. Причем оценка эта преимущественно отрицательная, негативная, часто используемая для придания тексту иронического или сатирического тона.

Средства гиперболизации, используемые Шукшиным, весьма разнообразны.

Большинство примеров, приведенных выше и содержащих гиперболу, основано на использовании знакомых читателю расхожих выражений. Такая гипербола может лежать в основе фразеологического оборота, пословицы, поговорки. Еще примеры: *Ванька вскочил и сломя голову кинулся встречать мать* («Далекие зимние вечера»); *Он [Ванька] Талюшку изучил как свои пять пальцев* (там же); *Учи! Тебе надо-то, не мне. Ну!.. В одно ухо влетело, в другое вылетело* («Вянет, пропадает»); *Пробежал бык совсем близко, аж земля задрожала. У меня сердце в пятки ушло* («Из детских лет Ивана Попова»); *Вы что, языки проглотили?* («Классный водитель»); *Я интеллигентов одной левой делаю* («Классный водитель»).

Наиболее частотны фразеологические выражения, обозначающие эмоциональную реакцию человека в виде определенного физического состояния: *Мы тоже побаивались уполномоченного, но тут ничего не могли с собой сделать – умирали от смеха* («Из детских лет Ивана Попова»). Данный смысл выражают гиперболы с оборотом *чуть не*: *Меня, понимаешь, чуть кондрашка не хватил: сердце стало останавливаться, и все* («Гринька

Малюгин»); *У меня **чуть разрыв сердца не случился!*** («Из детских лет Ивана Попова»). Преувеличительный смысл таких выражений из-за постоянного употребления несколько ослаблен. Но многие выражения с подобной структурой передают гиперболическое значение: *Витька **чуть с коня не свалился** – настолько поразило его это известие* («Племянник главбуха»); *Когда мама удивлялась... – я **чуть не стонал от счастья и торопливо и несколько раздраженно говорил: «Да ты погоди, ты послушай, что дальше будет!»*** («Из детских лет Ивана Попова»); *«Да не надо мне вашего сена!» – **чуть не со слезами крикнул Солодовников*** («Шире шаг, маэстро!»).

Многочисленны в рассказах В. Шукшина гиперболы, при создании которых использованы многие другие приемы, среди которых преобладают сравнение, метафора, эпитеты. Примеры: *Такая слабость, **вроде всю кровь выцедили*** («Как помирал старик»); *Степан весь **горел от стыда и радости*** («Степкина любовь»); *А в глазах опять встала картина: несетя в степи вольный табун лошадей, и впереди, гордо выгнув тонкую шею, **летит** буйн* («И разыгрались же кони в поле»); *И ведь что обидно: сами **ржут**, черти [актеры], а тут сидишь – хоть бы хны, даже усмешки нету!* («Критики»); *Максим **впился** глазами в лицо заведующего* («Змеиный яд»); *Пьесу написал местный автор и, используя свое «знание жизни», **сверх всякой меры наштаповал** ее «народной речью»: «чаво», «туды», «сюды» **так и сыпались** из уст действующих лиц* («Артист Федор Грай»). Метафора позволяет передать силу, интенсивность действия, глубину эмоций. Но это не простое усиление, а именно гипербола. Так, в примере *Хозяева огородов **лаются** на чем свет стоит* («Степка») употребление слова *лаются* в значении «ругаются» в сочетании с фразеологизмом дает эффект гиперболы, а не просто интенсификации.

Эпитеты-гиперболы в рассказах В. Шукшина представлены словами двух частей речи: прилагательными и существительными. Эпитеты-прилагательные позволяют автору при создании образа акцентировать внимание на конкретном качестве, свойстве описываемого: *Васёка имел: **двадцать четыре года от роду, один восемьдесят пять рост, большой утиный нос...*** («Стенька Разин»); *Из дому вышел **квадратный** старик с огромными руками* («Игнаха приехал»); *«Ваша серость меня удивляет», – сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в **колодезную** глубину темных*

загадочных глаз *Настя* («Классный водитель»). Эпитеты-существительные выполняют оценочную функцию и употребляются часто в сочетании с частицами, усиливающими эмоцию: *Ну и благодать же у тебя, Семен. Прямо рай* («Двое на телеге»); *Пашка искоса разглядывал девушку – хорошенькая, белозубая, губки бантиком – прямо куколка!* («Классный водитель»); *Ночь, говорю... Сказка просто!* («Светлые души»).

Довольно распространены сравнительные обороты с союзом *как*. Подобные выражения также чаще стереотипны. Пример: *А то они совсем на тебя верхом сядут. Как ишак работаешь на них* («Мой зять украл машину дров!»). Однако многие из них сохраняют гиперболическое значение. Например: *Туберкулез был неизлечим? Сейчас, пожалуйста: полгода – и человек как огурчик* («Космос, нервная система и шмат сала»). Выражение используется для описания человека здорового, хорошо выглядящего, что в данной ситуации вряд ли возможно. В высказывании *Был он здоровенный парень с длинными руками, горбоносый, с вытянутым, как у лошади, лицом* («Гринька Малюгин») сравнение не в пользу героя: оно подчеркивает его особую «некрасивость».

Обороты с подобной структурой в преувеличительной функции преимущественно либо глагольные: *Всю кучу ребятишек как ветром сдуло* («Далекие зимние вечера»); *От тебя, как от печки, пышет...* («Степка»), либо адъективные: *«Да ты спроси у меня-а!» – орал тогда Кондрат и стучал себя в грудь огромным, как чайник, кулаком...* («И разыгрались же кони в поле»); *Поясняю: я похож на того гада как две капли воды* («Миль пардон, мадам!»).

Встречаются сравнения и с другой структурой: *В окна мягко и глуховато сыплет горстями дождь* («Одни»); *Режиссер крутился волчком, метался по сцене, показывал, как надо играть тот или иной «художественный образ»* («Артист Федор Грай»); *Вымахал с версту, а умишка ни на грош* («Леля Селезнева с факультета журналистики»). Преувеличение в последнем примере становится более явным благодаря противопоставлению, позволяющему дать негативную характеристику тому, о ком идет речь.

Если говорить о частеречной принадлежности средств выражения гиперболы, то необходимо назвать в этом ряду:

а) местоимения: *Я всё про людей знаю... Они все ужасно простые* («Стенька Разин»). Употребление кванторов *всё* и *все*

является гиперболическим. При этом первый содержит преувеличенную оценку говорящим своих возможностей, а используя местоимение *все*, он приписывает свойство, характеризующее некоторых представителей множества, всему упоминаемому множеству. Ср. также: *Ты у меня спроси: я их видел-перевидел, этих артистов! ... Все – алкоголики!* («И разыгрались же кони в поле»); *«Все начисто повлюблялись», – проворчал Пашка. – «С ума все походили»* («Классный водитель»). Слова *весь, каждый, целый* в гиперболических выражениях могут указывать на очень большой, чрезмерный срок, большой охват, количество и т. п.: *Весь день только ее [Глашку] и слышно по всей окраинке* («Нечаянный выстрел»); *Весь город обошел – нигде нету* («Змеиный яд»); *...А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится* («Степка»); *Всего двадцать четыре года, впереди целая жизнь...* («Шире шаг, маэстро!»); *Много шумели, спорили и, главное, целыми днями сидели на месте* («Племянник главбуха»);

б) наречия временные, пространственные, образа действия: *Ту луговину за солонцом помнишь? Гречиху вечно сеяли... Всю ее под сады пустил* («И разыгрались же кони в поле»); *Вечно из-за тебя одни скандалы* («Танцующий Шива»); *И без конца ели конфеты* («Племянник главбуха»); *Напужался я до смерти, деда* («Демагоги»);

в) прилагательные: *«Блатная!» – с восторгом пояснил тот самый простодушный парень, который считал, что в тюрьме – сплошное жулье* («Степка»); *И стоят два счастливейших на земле человека и томятся. Ждут чего-то* («Воскресная тоска»); – *«Как дела, герой?» – «Лучше всех»* («Гринька Малюгин»).

Из морфологических средств можно назвать:

а) употребление формы множественного числа, когда имеется только один предмет, лицо: *Детей замучила, дура: одного на пианинах замучила, другую в фигурное катание записала* («Чудик»); *«Только жаловаться умеете», – сердито сказал Антипов. – «Хозяева мне!..»* (обращаясь к Сене Громову в ответ на его угрозу написать о нем в «Крокодил») («Коленчатые валы»);

б) присоединение части *пол-* к существительным: *У нас полдеревни головами маются, молодые даже* («Земляки»). В данном случае гипербола ситуативно и контекстно обусловлена, то есть создана путем сдвига смысла слов и выражений: от значения

единичности к значению множественности предметов или регулярности / постоянного действия, от конкретности к обобщенности. Такие случаи весьма многочисленны.

В рассказах В. Шукшина встречаются и индивидуальные, авторские примеры создания гиперболических образов. Гипербола здесь часто строится на неожиданности: *Иная земля, если ты хочешь знать, такая, что весной ты посеял в нее, а осенью получаешь натуральный шии. А из другой, матушки, стебель в оглоблю прет, потому что она жирная* («Демагоги»); *Я ее кругом всю обошел, скирду-то. А молонья такая резала, что тут не то что людей, иголку на земле найдешь* («Дядя Ермолай»); *Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый* (Сельские жители); *Фикус ему [жеребцу] в конюшню поставил – у него там как у невесты в горнице стало* («И разыгрались же кони в поле»). Иногда автор прибегает к гиперболам, смысл которых передается не словом или словосочетанием, а целой конструкцией: – *«Ты ее [машину] не целуешь, случайно? Ведь за мной в женихах так не ухаживал, как за ней, черт ее надавал, проклятую!»* – *рассердилась Анна* («Светлые души»); *Кажется, если громко хлопнуть в ладоши, небо вздрогнет и зазвенит* («Ленька»).

Таким образом, проведенный анализ показал, что гиперболические выражения в текстах рассказов В. Шукшина можно классифицировать в соответствии с основными смыслами, которые передает данный языковой прием, среди которых «большое количество», «временной промежуток», «повторяемость событий», «характерные человеческие качества» и др. Кроме того, исследовательский интерес вызвал вопрос об употреблении в рассказах гиперболических конструкций с учетом использования в них других языковых приемов, таких как метафора, эпитет, сравнение, об их частеречной принадлежности и структурных особенностях. Анализируемый материал включает в себя как общенародные гиперболы, известные читателю по пословицам, поговоркам, фразеологическим оборотам, так и авторские, индивидуальные гиперболические выражения.

Результаты исследования, полученные в ходе работы над статьей, могут оказаться полезными в практике преподавания курсов

по лексике и поэтике, найти применение в современной лексикографии.

Библиографический список

1. Ярышева Н.В. Гипербола в поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова (лингвистический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 214 с.
2. Ильин О. Гиперболы Маяковского // Проблемы развития советской литературы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1968. С. 69–100.
3. Фаттахова А.Ж. Гипербола в творчестве В.В. Маяковского (способы образования и особенности лингвоэстетического употребления): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2018. 24 с.
4. Тихомиров С.А. Гипербола в градуальном аспекте: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
5. Аннинский Л.А. Василий Шукшин // Шукшин В.М. Рассказы. Калина красная. Публицистика. М.: Слово / Slovo, 2004. С. 5–10.
6. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова // Электронный ресурс Интернет: <http://padaread.com/?book=212663&pg=98>.
7. Крысин Л.П. Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи // Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 251–261.
8. Шукшин В.М. Рассказы. Калина красная. Публицистика. М.: Слово / Slovo, 2004. 656 с.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

Сведения об авторе

Логинова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Лингвистика»
Самарского государственного
университета путей сообщения
E-mail: lenlogin@rambler.ru

УДК 811.161.1:811.581

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРЕНАТАЛЬНОГО ПЕРИОДА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ²

Чжан Сюэмэй

Цицикарский университет, Цицикар, КНР

Е.В. Наумова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

В статье рассматриваются эвфемизмы современного русского и китайского языков, обозначающие пренатальный период, с точки зрения лингвокультурологических особенностей русской и китайской языковых традиций. Установлено, что в эвфемизмах вербализованы особенности, связанные с мифологическими, социально-культурными, морально-этическими представлениями носителей русского и китайского языков.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковой менталитет, эвфемизм, пренатальный период.

Features of Prenatal Period Verbalization in Russian and Chinese Linguistic Traditions

Zhang Xiumey, Elena Naumova

The article examines modern Chinese and Russian euphemisms which denote the prenatal period from the point of view of linguocultural features of Russian and Chinese linguistic traditions. The authors conclude that these euphemisms verbalize mythological, socio-cultural, moral, and ethical assumptions of Russian and Chinese native speakers.

Key words: linguoculturology, language mentality, euphemism, prenatal period.

Смена научных парадигм от системно-структурной к антропоцентрической, произошедшая в лингвистике в конце XX в., обусловила интерес к комплексу междисциплинарных вопросов. Один из них – языковой менталитет. Изучение языкового менталитета, как отмечает Т.Б. Радбиль, является особым междисциплинарным направлением в науке, возникшим на стыке лингвистики, философии, культурологии, психологии, этнологии и других дисциплин в сфере наук о человеке [1. С. 9].

Появились и новые акценты в компаративном изучении языков и культур: осуществлен переход от простой констатации наличия сходств или различий в языках к содержательной интерпретации их

² Работа выполнена при поддержке государственной фондовой комиссии по учебе за границей, при поддержке Хэйлуцзянского культурного департамента (проект 2014B121), при поддержке Цицикарского университета (проект 2014051).

концептуальных и этнокультурных причин. «Каждый этнический язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [2. С. 133].

Данная статья выполнена в русле антропоцентрической парадигмы. Ранее авторами было успешно проведено изучение способов отражения этнического самосознания языкового коллектива на примере концептуализации природного объекта «лес» в русском языке [3] и на примере использования фразеологизмов в русском и немецком языках [4].

Особое место в культуре любого этноса занимает пренатальный период. Как отмечают ученые, физиологические процессы, связанные с беременностью, одинаковы у женщин любого этноса, в то время как аксиологическая оценка этого периода имеет этническую и даже социально-этническую специфику. Эта специфика обусловлена мировоззренческими особенностями этноса [5. С. 484; 6; 7].

Цель данного исследования – выявить способы вербализации пренатального периода в современном русском и китайском языках и объяснить их с точки зрения лингвокультурологических особенностей русской и китайской языковых традиций с привлечением научных исследований по этнографии, истории, культурологии, фольклористике для реконструкции мировоззренческих особенностей восприятия русским и китайским этносами пренатального периода.

Объектом исследования послужили эвфемизмы современного русского и современного китайского языков, связанные с темой «пренатальный период».

Предмет исследования – особенности языкового менталитета русских и китайцев, которые нашли отражение в эвфемизмах, обозначающих пренатальный период в современном русском и современном китайском языках.

Как отмечает известный китайский лингвист Ло Чанпэй, «эвфемизмы неизбежно отражают особенности культуры нации, на их формирование оказывают влияние религия, социальные обычаи и национальная психология и т. д., поэтому эвфемизмы обладают глубоким культурным смыслом» [8. С. 164].

В качестве методов исследования использованы сравнительно-исторический, лингвокультурологический, метод компонентного анализа.

Актуальность работы обусловлена тем, что в лингвистике эвфемизмы стали объектом пристального внимания только в конце XX в. (см., например, [9]). В российской лингвистике наиболее существенный вклад в изучение эвфемизмов внесли М.Л. Ковшова, Л.П. Крысин, В.П. Москвин, Е.П. Сеничкина и другие, в китайской – Чжан Гунгуй, Ло Чанпэй, Чжан Чань. В настоящее время эвфемизмы активно исследуются с точки зрения функций, способов образования, состава тематических групп, межъязыковой компаративистики, способов лексикографического описания.

Первый опыт лексикографического описания эвфемизмов русского языка был предпринят в 2007 году М.Л. Ковшовой и в 2008 году Е.П. Сеничкиной. Лексикографическое описание эвфемизмов в китайском языке осуществлено в 1996 году Чжан Гунгуем (张拱贵. 汉语委婉语词典).

Необходимо уточнить, что на сегодняшний день не существует общепринятого понимания явления эвфемии ввиду его многоаспектности. В целом под эвфемизмами лингвисты понимают слова, которые заменяют запретные слова и выражения. Вследствие того, что исследователи используют разные обязательные и факультативные критерии выделения эвфемизмов, в настоящее время существует узкое и широкое понимание эвфемизмов (более подробно о данной проблеме см. [10. С. 6–9; 11. С. 7–10]).

В данной статье под эвфемизмами понимаются «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [12. С. 590].

Как свидетельствуют данные нашего исследования языкового материала, и в современном русском языке, и современном китайском языке для номинации пренатального периода характерно использование эвфемистических наименований.

По результатам анализа словарей эвфемизмов русского и китайского языков китайский лингвист Чжан Чань выделил в русском и китайском языках 14 общих эвфемистических групп, одна из наиболее частотных групп – «действия и предметы из области физиологии» (в данную группу входят эвфемизмы, обозначающие пренатальный период) [13. С. 13]. Материал для наблюдения и анализа извлечен нами методом сплошной выборки из «Словаря

эвфемизмов русского языка» Е.П. Сеничкиной [10], из «Краткого тематического словаря современных русских эвфемизмов» М.Л. Ковшовой [11] и из «Словаря китайских эвфемизмов» Чжан Гунгуя [6].

В словник, полученный в результате выборки, вошли следующие эвфемизмы русского языка: *будущая жизнь; будущая мать; женщина, готовящаяся к материнству; женщина, ждущая ребенка; женщина в (интересном, деликатном, счастливом, таком) положении; в тягости, в тягостях; готовится стать матерью; собирается стать матерью; ждать ребенка; быть с прибылью; мы ждем аиста; на сносях; ожидать ребенка; отяжелеть; потянуло на соленькое; тянет на соленькое; тяжела;* а также следующие эвфемизмы китайского языка: 重身, 大身子, 大肚子, 带肚子, 怀身, 身怀六甲, 有身, 怀喜, 身喜, 有喜, 遇喜, 害喜, 身瑞, 身重, 双身子, 有了, 妊娠, 中奖了, 吃酸的, 要当妈妈了, 怀孩子.

Рассмотрим особенности вербализации пренатального периода с помощью эвфемизмов в современном русском языке.

Все эвфемизмы современного русского языка можно разделить по семантике и структуре на пять групп.

1. Эвфемизмы, производные от корней *-тяж-* / *-тяг-*.

В данную группу входят следующие однословные эвфемизмы: *тяжела, натяжеле, отяжелевать, затяжелеть, в тяготе, в тягости (в тягостях).*

По сведениям словаря «Славянские древности», основными наименованиями беременных женщин в славянских языках являются производные от корней со значением «бремя, ноша, тяжесть» (**bermen-*, **teg-*) [7. С. 160]. Прямое наименование **беременная**, находящееся в употреблении до настоящего времени, появляется в русском языке лишь в XV в. [14. С. 106].

Следует отметить, что для славянской культуры характерно двойственное отношение к беременной женщине, обусловленное мифологической картиной мира древних славян. С одной стороны, беременность и рождение ребенка являлось главным предназначением женщины, беременность олицетворяла плодородие, ей приписывали магическую охранительную и целительную силу. С другой стороны, беременность признавалась лиминарным

состоянием: считалось, что беременная женщина выполняла роль посредника между бытием и инобытием, потусторонним миром. Это связано с присутствием в ней двух душ и ее близостью к пограничному состоянию между жизнью и смертью, опасному как для самой беременной женщины, так и для окружающих: через нее может быть оказано не только положительное, но и отрицательное воздействие на ее будущего ребенка и на окружающих [6]. Поведение женщины в период беременности и ее окружения регламентировалось строгими правилами, в том числе и вербальными.

В связи с тем, что на ранних стадиях развития культур вещь и слово отождествлялись, существовала вера в магию слова, поэтому было характерно использование запретов на прямое наименование и табуирование наиболее значимых и важных предметов, явлений и процессов. Данная особенность мировоззрения обусловила появление древнейших эвфемизмов – не прямых образных наименований [15. С. 56], к которым относятся эвфемизмы указанной группы.

Нарушение норм поведения, как считали наши предки, способно было стать причиной болезни ребенка, бед для окружающих: смерти, неурожая, засухи, падежа скота и т. д. По свидетельству С.М. Толстой и Д.А. Баранова, существовало множество различных типов запретов для беременной женщины (пищевых, обрядовых, поведенческих, временных и т. д.).

Именно этим двойственным положением и объяснялась тяжесть для беременной, отсюда значительное количество вариантов обозначения беременности однокоренными словами с корнем *-тяж-* / *-тяг-* (более подробно о диахроническом аспекте указанных лексем см., например, [14]).

Следует обратить внимание, что указанные эвфемизмы в современном русском языке большей частью имеют в словарях помету «уст.», что обусловлено утратой эвфемистического потенциала для современных носителей языка, и мы полагаем, что указанные эвфемизмы постепенно будут выходить из употребления в русском литературном языке.

2. Эвфемизмы с предикатом *ждать* / *ожидать*, обозначающие беременность как «период ожидания получения ребенка извне».

Сюда относятся эвфемизмы: *ждать ребенка*; *ожидать ребенка*; *мы ждем аиста*.

В глагольных словосочетаниях *ждать ребенка; ожидать ребенка* анализ предикатно-актантных ролей позволяет интерпретировать семантические особенности эвфемизмов. В словарях эвфемизмов в указанных эвфемизмах-словосочетаниях не эксплицирован субъект (подразумеваемый субъект – беременная женщина), а эксплицирован только объект – ребенок, поскольку конкретный субъект обозначается в речи. Обратим внимание на значение лексемы *ждать*, данное в толковом словаре: «оставаться, находиться где-л., зная заранее о предстоящем приходе, прибытии, появлении и т. п. кого – чего-л.; совершении чего-л.» [16. С. 300]. В указанных эвфемизмах-словосочетаниях акцентируется внимание на пассивной роли женщины в пренатальный период.

Использование подобных эвфемизмов обусловлено тем, что, как отмечает фольклорист Н.А. Криничная, исследовавшая бывальщины, былички, поверья и другие жанры русского фольклора, у славян существовали два взаимосвязанных культа: культ очага и культ предков, которые реализовывались в образе баенника либо домового, а новорожденный осмысливался как «добытый (полученный)» от мифологического персонажа, имевшего признаки домашнего божества и предка-родоначальника [17. С. 57].

Для мифологического сознания славян характерно считать, что детей посылает чужой, иной мир, а задача беременной – ожидание ребенка как посланника из иного мира. Этнографы, историки и фольклористы, такие как Д.А. Баранов, Н.А. Криничная, С.М. Толстая, отмечают, что в период беременности женщина часто имела ограниченные социальные связи.

В эвфемизме-предложении *мы ждем аиста* в предикатно-актантную структуру вводится в качестве объекта компонент *аист*. Метафорическое значение данного эвфемизма объясняется с точки зрения мировоззрения славян. Как было сказано ранее, ребенок считался представителем иного мира. Попасть в иной мир человек не мог, поэтому принести ребенка из иного мира мог посланник, в данном случае аист. Аист у славян имеет тотемическое происхождение, его почитание известно еще с каменного века. Сакрализация аиста обусловлена его миграцией (прилет из неизвестности / отлет в неизвестность): это дало основание считать, что аист приносит души младенцев. Представление о том, что аист

приносит детей, у славян встречается довольно часто (подробнее о тотемическом значении аиста в славянской культуре см. [18]).

Если первые две группы эвфемизмов, как было сказано ранее, относятся к древнейшим эвфемизмам-табу, обусловленным мифологическим мышлением славян, то появление эвфемизмов следующих трех групп обусловлено морально-этическими причинами.

3. Эвфемизмы с компонентом, имеющим корень *-мать-*, обозначающие беременность через будущую функцию материнства.

Сюда относятся эвфемизмы: *будущая мать; женщина, готовящаяся к материнству; собирается стать матерью.*

Данные эвфемизмы акцентируют внимание на социальной функции женщины – выполнении роли матери (женщины по отношению к будущему ребенку). Можно предположить, что данные эвфемизмы более позднего происхождения.

4. Эвфемизмы с компонентом *положение.*

Сюда относятся эвфемизмы: *женщина в (интересном, деликатном, счастливом, таком) положении.*

В указанной группе эвфемизация происходит за счет использования «слова-определителя с “диффузной” семантикой». По свидетельству Е.П. Сеничкиной, указанная группа эвфемизмов появляется в русском языке в XIX в.

5. Эвфемизмы с безличными формами глагола *тянуть.*

Сюда относятся эвфемизмы: *потянуло на соленькое; тянет на соленькое.*

Анализ предикатно-актантных ролей позволяет интерпретировать семантические особенности эвфемизмов данной группы. В указанных эвфемизмах-словосочетаниях используются безличные формы личного глагола *тянуть*, которые акцентируют внимание на произвольных вкусовых предпочтениях беременной женщины. Такие эвфемизмы носят шутливо-ироничный характер.

Рассмотрим особенности вербализации пренатального периода с помощью эвфемизмов в современном китайском языке. Все эвфемизмы современного китайского языка можно разделить по семантике на четыре группы.

1. Эвфемизмы, содержащие иероглиф 肚子 («живот»).

Сюда относятся эвфемизмы: 大肚子(*большой живот*), 带肚子(*с животом*).

Данная группа эвфемизмов акцентирует внимание на внешних изменениях беременной женщины. Основным внешним признаком беременности является увеличившийся живот, чем объясняется существование эвфемизмов с иероглифом 肚子.

2. Эвфемизмы, содержащие иероглиф 身 («тело»).

Сюда относятся эвфемизмы: 大身子 (*большое тело*), 重身 (*в теле находится маленькое тело*), 双身子 (*двойное тело*). В указанной группе основным компонентом является 身子 («тело»). Иероглиф 身 – это пиктограмма в гадательных надписях на костях и черепашьих панцирях, форма 身 обозначает образ человека с большим животом, символизирующего беременную женщину. В данной группе эвфемизмов использование иероглифа 身 («тело») для обозначения женщины в пренатальный период позволяет предположить, что для китайского языкового сознания характерно внимание к физиологической функции женщины при вынашивании ребенка.

3. Эвфемизмы, содержащие иероглиф 喜 («радость») или эвфемизмы, метафорически соотносящиеся с данным иероглифом.

В указанной группе эвфемизмов пренатальный период обозначен через иероглиф более широкой семантики: 怀喜 (*иметь радость внутри себя*), 身喜 (*в теле радость*), 有喜 (*получить радость*), 遇喜 (*встретить радость*), 害喜(*страдать от радости*).

Эвфемизм 中奖了 (*выигрши в лотерею*) ассоциативно соотносится с понятием «счастье», что позволило включить его в указанную группу.

4. Эвфемизм, обозначающий пренатальный период через вкусовые предпочтения беременной женщины 吃酸的 (*любить есть кислое*).

Анализ эвфемизмов китайского языка показал, что при обозначении пренатального периода подчеркивается прагматическая значимость беременности – продолжение рода. При этом женщина в указанных языковых единицах представлена как «инструмент» исполнения социального долга семьи, поэтому появляются

метонимические обозначения женщины «живот», «тело». Рождение ребенка – это важнейшая задача китайской традиционной семьи, поэтому пренатальный период оценивается как радость, как выигрыш. Выявленные особенности языкового менталитета объясняются тем, что отношения в традиционной китайской семье базировались на нормах конфуцианской морали. Конфуцианский культ предков и традиция сыновьей почтительности предопределили второстепенную роль женщины в социуме. Главной целью брака было продолжение рода. В каждой семье обязательно должен был быть наследник мужского пола, который согласно традиционному китайскому мировоззрению отвечал за заботу о здравствующих старших членах семьи и за поклонение предкам. В основе традиционной семьи лежали не личностные отношения между мужчиной и женщиной, а отношения поколений. Следовательно, основная функция традиционной китайской семьи социальная: «Характерно, что одна из основных регулирующих ячеек китайского традиционного социума – семья – была полностью отключена от решения проблемы мужское – женское в качестве взаимоотношений между полами... Китайская семья создавалась не на базе чувственных отношений, но из-за потребности в репродуцировании традиционных семейно-клановых связей» [19. С. 57].

Таким образом, проведенный лингвокультурологический анализ эвфемизмов современного русского и современного китайского языков, связанных с темой «пренатальный период», показал, что в эвфемизмах указанной тематики вербализовано специфическое отношение русского и китайского языкового сознания к беременности. В русском языке вербализованы древнейшее мифологическое представление славян о беременной женщине как посреднике между миром живых и потусторонним миром и более поздние морально-этические представления о необходимости использования эвфемизмов для обозначения беременности. В китайском языке вербализованы конфуцианские представления о пренатальном периоде как социально значимом явлении.

Библиографический список

1. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Наумова Е.В. Особенности концептуализации природного объекта «лес» в русском языке (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1 (70). С. 143–147.
4. Наумова Е.В., Плисов Е.В. Специфика функционирования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков) // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы: Материалы Чтений памяти профессора А.Т. Кукушкиной. Н. Новгород: НГЛУ, 2014. С. 96–105.
5. Русские: история и этнография / Под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М.: АСТ: Олимп, 2008. 751 с.
6. Баранов Д.А. Образ ребенка в народной эмбриологии // Электронный ресурс Интернет: <http://folk.spbu.ru/Reader/baranov2.php?rubr=Reader-articles>.
7. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. // Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения. 1995. С. 160–164.
8. 杨文全. 曹敏. 语言“塔布”与委婉: 人类话语行为的制衡器. 西南师范大学学报. 2002 (6). С. 160–162.
9. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
10. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
11. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
13. Чжан Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 24 с.
14. Лазаревич Е.М. Эвфемизмы, используемые для обозначения беременности, в диахронической перспективе (на материале русского языка). Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. 2014. № 2 (43). С. 106–112.

15. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

16. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

17. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

18. Грищенко В.Н. Белый аист в мифологии европейских народов и современные представления о происхождении индоевропейцев // Беркут. 1998. Т. 7. Вып. 1–2. С. 120–131.

19. Маслов А.А. Образы маскулинности – феминности и супружеских отношений в традиционном Китае // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 56–74.

Сведения об авторах

Чжан Сюэмэй

магистр, доцент кафедры русского языка

института иностранных языков

Цицикарского университета, КНР

E-mail: xiumeizh1973@126.com

Наумова Елена Васильевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры преподавания русского языка

как родного и иностранного,

первый проректор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова

E-mail: evnaumova@lunn.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 811.111'37:821.111 "19/20"

КОНЦЕПТЫ «ГАЛАНТНОСТЬ» И «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ» В ДИЛОГИИ КЭТРИН ФИШЕР «ИНКАРЦЕРОН»

А.В. Карпова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются особенности функционирования концептов, характерных для периода Просвещения, в дилогии британской писательницы Кэтрин Фишер «Инкарцерон». В романе К. Фишер описывает альтернативную эпоху XVIII столетия, реконструированную на основе таких культурных концептов, как «галантность» и театральность.

Ключевые слова: концепт, культурная эпоха, современная британская литература, реконструкция исторического периода, эпоха Просвещения.

Concepts of “Gallantry” and “Theatricality” in Catherine Fisher’s *Incarceron* Series **Alina Karpova**

The article discusses the peculiarities of distinctive Enlightenment concepts in the two-part novel *Incarceron* by British author Catherine Fisher. In her novel, C. Fisher describes an alternative 18th century, reconstructed on the basis of such cultural concepts as “gallantry” and “theatricality”.

Key words: concept, cultural era, modern British literature, reconstruction of a historical period, the age of Enlightenment.

Для каждого исторического периода характерны определенные аксиологические константы. Они помогают раскрыть колорит эпохи и выявить базовые ценности времени. Для XVIII столетия такие концепты, как театральность, галантность, научность, утопичность и авантюризм имели важнейшее значение. Их своеобразное сочетание дало неповторимую атмосферу Просвещения, в корне отличную от средневековой парадигмы и от эпохи Возрождения.

В одном из своих самых знаменитых произведений «Инкарцерон» британская писательница Кэтрин Фишер описывает картину мира, построенную на основе значимых концептов

XVIII века. Композиционно диалогия делится на две части: мир эпохи и мир тюрьмы, которая называется Инкарцерон (от англ. *incarceration* – книжн. «заключение в тюрьму», «лишение свободы»).

Как повествует роман, после разрушительной войны, которая «оставила от Луны пустую оболочку, прекратив приливы и отливы» и отбросив техническое развитие на несколько веков назад, остатки почти полностью уничтоженных энергетических ресурсов ученые использовали, чтобы создать Инкарцерон – экспериментальную тюрьму, с бесконечными лабиринтами комнат и переходов, управляемую искусственным интеллектом, задуманную как место, где преступники могли бы встать на путь исправления и организовать идеальное общество. В нее они поместили всех, чье поведение можно было бы назвать девиантным: преступников, политических экстремистов и сумасшедших. В действительности Инкарцерон – это не столько исправительное учреждение, сколько полностью изолированный мир, где есть и города, и леса, и пустыни.

Вторую половину романной «вселенной» представляет собой так называемое время эпохи – это условный XVIII век, искусственно воссозданный в современном мире после войны и глобальной экологической катастрофы. Именно тогда выходит королевский указ, согласно которому время должно быть «остановлено»: «Нам нужно научиться жить проще. Мы должны отступить в прошлое, где все и вся займут свое место в узаконенном традициями порядке. Свобода человека – небольшая цена за выживание общества. Выбрав эпоху из прошедших веков, мы воссоздадим ее. Мы сотворим мир, в котором не придется бояться перемен» [1. С. 15]. С этого момента технологии, прогресс, и вообще любые изменения оказываются под запретом. Для достоверного воспроизведения эпохи создается Протокол, который строго регламентирует правила поведения и образ жизни.

Реконструируя в романе XVIII век, Кэтрин Фишер обращается к культурным концептам Просвещения. Эта эпоха, которая не имела единого художественного языка. В ней одновременно существовали разнообразные стилевые формы: позднее барокко, рококо, классицизм, сентиментализм и предромантизм.

Тяга искусства в эпоху Просвещения к занимательности и литературности объясняет его сближение с театром. Недаром XVIII столетие в Европе часто называют «золотым веком» театра. Имена Бомарше, Шеридана, Филдинга, Гоцци, Гольдони составляют

одну из самых ярких плеяд в истории мировой драматургии. «Театр оказался близким самому духу эпохи. Жизнь как бы сама шла навстречу театру, она подсказывала интересные сюжеты и коллизии, наполняла старые формы новым содержанием» [2. С. 208].

Секуляризация общественной жизни, лишение церковного и придворного ритуала прежней сакральности и пышности приводили к их своеобразной театрализации. Именно в эпоху Просвещения известный венецианский карнавал совсем не случайно становится не просто праздником, но своего рода образом жизни, формой бытия.

Понятия «театр» и «театральность» идут рука об руку еще и с понятием «публичность». В эпоху Просвещения в Европе начинают устраивать первые публичные выставки-салоны, которые стали представлять собой совершенно новый вид взаимосвязи общества и искусства. В «Новой Элоизе» Руссо в одном из писем Сен-Прё к Юлии так описывает беседы в парижских салонах середины XVIII века: «...тон беседы плавен и естествен; в нем нет ни тяжеловесности, ни фривольности; она отличается ученостью, но не педантична; весела, но не шумна; учтива, но не жеманна; галантна, но не пошла; шутлива, но не двусмысленна» [3. С. 189]. Французские салоны играют крайне важную роль в жизни интеллектуальной элиты.

В целом же искусство XVIII века было, прежде всего, ориентировано на создание атмосферы комфорта и изящества и уже никак не было связано с сакральными целями, как это наблюдалось в Средние века. То есть на смену религиозному канону пришел концепт светскости.

В различных сферах жизни получает распространение галантный стиль. Слово «галантный» (*galantuomo* (итал.) и *galant homme* (фран.) – «благородный человек, дворянин, учтивый кавалер») очень активно использовалось в XVIII веке. Этимологически оно сохраняло связь со старинной рыцарской культурой. В то же время оно по смыслу отличалось от таких понятий, как «куртуазность» и «воспитанность», и воспринималось в качестве синонима самого передового и остромодного. Галантность становится символом хорошего тона, и данный стиль культивируется в различных кругах дворянства и буржуазии. Несомненно, в первую очередь понятие «галантность» обозначало отношения мужчины и женщины из придворной среды. Основу таких отношений составлял изысканный флирт.

Особым секретным кодом кавалеров и дам стал так называемый язык веера. Он имел много вариаций в зависимости от общественного круга и даже города. И хотя веером всегда пользовалась только женщина, знать все тонкости тайного языка должен был и мужчина, которому адресовались послания.

Язык веера был общепринятой частью любовной игры. Ему уделялось большое внимание на уроках танцев и этикета. В 1757 году в Париже вышла книга «Учебник четырёх цветов», которая подробно описывала дамские манеры и наряды. Отдельную главу в книге занимало описание языка веера. Можно сказать, что веер был неотъемлемым атрибутом жизни высшего света. С его помощью дамы показывали или скрывали свои чувства. В Лондоне даже была открыта «Академия по обучению манерам пользования веером».

Что же касается мужчин, то образцом мужской доблести и красоты являлся «король-солнце» – Людовик XIV. Умелый наездник, охотник и танцор, он отличался во всех придворных искусствах, но при этом не являл собой образ воина. И даже военный костюм, разработанный под его непосредственным руководством и оказавший огромное влияние на весь дворянский обиход, отвечал в большей степени потребностям придворной, а не военной жизни.

Постепенно галантный стиль вышел за пределы Версальского дворца, признанного законодателя в области искусств, моды, а также образования и воспитания личности, и распространился на стиль жизни в целом. «Галантным» признавался человек, чьи манеры, речь и костюм были безукоризненны, чьи познания говорили об интересе к наукам и искусствам. Но главной психологической особенностью человека XVIII века была инфантильность. Постоянное желание праздника, отсутствие продуктивной деятельности, стремление к необременительным наслаждениям породили культ «вечной» молодости.

В эпоху Просвещения существовала и самобытная маскарадная культура. Многочисленные пьесы и комические оперы того периода обыгрывают ситуацию с переодеванием, когда юноша «превращается» в девушку и наоборот. Излюбленным словом галантного века становится игра, то есть люди не живут, а как бы играют в жизнь.

Протокол в произведении Фишер также включает в себя понятия этикета и дворцового церемониала. Однако, в отличие от

«галантного века», XVIII век в диалогии рассматривает этикет не просто как совокупность норм, регулирующих поведение людей в обществе. Протокол составляет основу существования героев произведения, он регулирует абсолютно все сферы жизни и является символом незыблемой власти правящей династии.

По словам одной из главных героинь диалогии Клаудии, королева Сиа использует Протокол, чтобы держать своих подданных в рамках, то есть под контролем. За выполнением строгих правил и предписаний Протокола тщательно следит специально учрежденная для этого Канцелярия. Однако сама королева, как и многие представители дворянства, по мнению Клаудии, все-таки прибегает к помощи оставшихся технологий. Поскольку ничем другим «вечную молодость» монаршей особы объяснить невозможно. «Королева выглядела от силы лет на двадцать, а ведь ей как минимум вчетверо больше» [4. С. 12], – так язвительно описывает монархиню Клаудия при встрече.

В подражание правящим особам XVIII века, Сиа стремится окружить себя роскошью во всем. Ее королевские апартаменты занимают обширное пространство. Чтобы попасть к ней на аудиенцию, посетителям приходится сначала преодолеть длинный зеленый коридор с высокими окнами, стены которого украшены прекрасными фресками с изображениями рыб. Затем просители оказываются в голубой зале, расписанной птицами, пройдя который, посетители попадают в зал, украшенный «замысловатыми» кадками с пальмами и «мягким, золотистым, словно песок пустыни, ковром», где они вынуждены ожидать, пока королева их примет.

Не скупится королева Сиа и на собственные наряды. На официальных приемах во дворце она предстает то в блестящем серебряном платье с огромным воротником и бриллиантовым ожерельем на шее, то в великолепном костюме из парчи и с бриллиантовой диадемой на голове. А для прогулок в саду монархиня выбирает ослепительно белое платье с пышными юбками «под пастушку», широкополую шляпу и «воздушную шаль».

Кэтрин Фишер очень подробно описывает жизнь и нравы дворца и, показывая доступную придворным роскошь, писательница только усиливает контраст между миром эпохи и миром тюрьмы, где каждый день – это борьба за существование, где большая часть населения одета в рваные обноски с чужого плеча и, где поиск пропитания – это

каждодневный нелегкий труд. С другой стороны Фишер ясно дает понять, что привилегии роскошной жизни во вселенной эпохи тоже доступны не каждому, а только избранным, так называемой элите: правящей династии и дворянам. Людям же не аристократического рода живется крайне тяжело. Искусственно насаждаемый Протокол вынуждает бедняков пребывать в жилище, полностью соответствующем эпохе, а именно в доме, где в соломенной крыше «зияют дыры, стены отсырели от влаги, небольшой садик наполнен уродливо искривленными деревцами» [1. С. 182]. Убранство такого жилища составляют две маленькие скамейки, стол со стулом у единственного окна и шкаф для посуды с помятыми оловянными тарелками и глиняным кувшином. Как резонно отмечает учитель Клаудии Джаред, Протокол гарантирует жизненные удобства лишь высшему классу. «Для бедняков Эра самая что ни на есть настоящая. Вы играете в историю, а мы в ней живём» [4. С. 82], – говорит Клаудии житель одной из таких лачуг.

Автор подчеркивает, что кричащая роскошь дворца отпугивает Финна, оказавшегося некогда пропавшим наследным принцем, найденным и спасенным Клаудией. Даже живя при дворе, он одевается скромно, в камзол темно-синего цвета, не пудрит волос, не душит, не украшает одежду наградами звездами и не прикасается к шляпам с перьями, подаренным ему королевой. Тем самым он вызывает раздражение и недовольство и самой монаршей особы, и ее приближенных, ведь его облик резко контрастирует с их нарядами и идет в разрез с правилами, принятыми во дворце.

Во время церемонии Провозглашения, когда Финна должны объявить наследным принцем, Фишер опять обращает внимание читателей на пышность мероприятий, проводимых при дворе. Джареда, Клаудию и Финна встречают выкрикивающие поздравления и пожелания слуги, солдаты и секретари. В парадные покои прибывших сопровождает эскорт из тридцати стражей «в сверкающих доспехах, торжественно держащих в руках обнаженные церемониальные клинки» [4. С. 44].

Внутри дворца гости проходят сквозь анфилады комнат Серебряного крыла, через Золотые апартаменты и Бирюзовый бальный зал и, наконец, Зеркальный салон: «Они шествовали под зажжёнными люстрами, воздух был душен и жарок, пахло духами, потом и ароматическими маслами. Их встречали шёпот, вежливые

приветствия и любопытные взгляды. С высоких балконов лились звуки скрипок и виолончелей. Фрейлины подбрасывали в воздух лепестки роз» [4. С. 45].

Вопреки великолепию и грандиозности устроенной специально для него церемонии, Финн чувствует себя здесь одиноким и лишним. Никто из придворных ему не рад. Знаки внимания, оказываемые ему, не отличаются искренностью, они продиктованы придворным этикетом. Автор подчеркивает это, отметив, что аплодисменты, которыми встречают наследного принца, «достаточно сдержанные». Этот факт не ускользает от Клаудии, которая про себя отмечает, что Финн при дворе не пользуется популярностью, и в этом виноват не кто иной, как он сам, поскольку в отличие от нее он не готов принимать участие в дворцовых играх, отчего его считают неприветливым, высокомерным и скрытным.

Сама же Клаудия умело притворяется, что соблюдает все правила и требования Протокола. Например, во время бала-маскарада, организованного по приказу королевы в гроте Ракушка, она, как и положено молодой светской девушке, танцует с кавалерами, одетыми в костюмы «рыцарей, лисов, разбойников и арлекинов», ведет непринуждённую беседу и «играет веером». Хотя в глубине души ее ужасно раздражает нелепая пышность бала. Внутри пещеры, где проходит маскарад, всё сверкает перламутром и хрусталём. Стены украшены спиралевидными узорами из раковин, а с потолка свисают «искусственные сталактиты со множеством вкрапленных в них хрусталиков». Блистательное, или, как называет его Клаудия, «ослепительное зрелище» на фоне возрастающей напряженности между сторонниками королевы и сторонниками оппозиции, и угрозой с каждым днем все более реальной войны.

Воспитанная как будущая жена принца, Клаудия превосходно разбирается в тонкостях придворных игр, умеет держать лицо и в отличие от Финна понимает, что нелепые нормы поведения, принятые во дворце, – это способ королевы держать подданных под контролем, возможность показать им, что только она решает, как они должны есть, одеваться и вести себя в разных ситуациях. И поэтому любое неповиновение в данном случае будет восприниматься не просто как нарушение этикета, но как покушение на власть.

Именно искусственность, театральность насаждаемого Протокола впоследствии становится причиной заговора и приводит к

попытке свержения монарха. Стремление оппозиционно настроенной группы дворян «Стальные волки» прекратить игру в «чудесную эпоху» и свергнуть королеву с престола они объясняют застоєм во всех сферах жизни, вызванным насильственным установлением Протокола и отказом от каких-либо изменений: «Иные из нас богаты и живут в довольстве, но ни один не свободен. Мы по рукам и ногам скованны Протоколом; мы все – заложники застывшего, бессодержательного мира, где люди неграмотны, где научные достижения веков доступны лишь привилегированному классу, где художники и поэты обречены лишь бесконечно повторять и переделывать былые шедевры. Ничего нового. Его просто не существует. Ничто не меняется. Ни роста, ни развития. Время остановлено. Прогресс под запретом» [1. С. 241].

Кэтрин Фишер использует ключевые концепты XVIII столетия, чтобы создать альтернативную картину мира эпохи Просвещения. При этом она демонстрирует несостоятельность идеи искусственного воссоздания ушедшей исторической эпохи и развенчивает миф о романтизированном и идеализированном прошлом.

Библиографический список

1. Фишер К. Инкарцерон. М.: Астрель, 2012. 444 с.
2. Радугин А.А. Культурология: Учебное пособие. М.: Центр, 2001. 304 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Избранные соч. в 3 томах. Т. 2. М., 1961. 768 с.
4. Fisher C. Sapphique. L.: Dial, 2010. 480 p.

Сведения об авторе

Карпова Алина Владиславовна
аспирант кафедры русской филологии,
зарубежной литературы и межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kar.alina.91@list.ru

УДК 821.112.2 "19/20"

КОНЦЕПЦИЯ ПАМЯТИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

С.А. Кузнецов

Литературный институт им. А.М. Горького, Москва

В статье рассматривается взаимосвязь памяти, воображения и перцепции, изложенная в публицистических работах лауреата Нобелевской премии по литературе Герты Мюллер, а также ее отражение в художественном творчестве писательницы. Герта Мюллер представляет жизнь человека как поток перцепции, определенный пространством и временем, чье движение направляется габитусом сознания – созданным на основе прошлого опыта алгоритмом принятия решений. Жизнь осмысливается благодаря памяти, главному оператору герменевтической рефлексии, развертывающей смысл феноменов, событий и «мест памяти».

Ключевые слова: память, «место памяти», поток сознания, история, Герта Мюллер.

The Concept of Memory in Herta Müller's Fiction and Non-Fiction

Stepan Kuznetsov

The article deals with the relationship of memory, imagination, and perception in the non-fiction works by Nobel Prize winner Herta Müller, as well as its reflection in her fiction. Herta Müller represents human life as a stream of perception, defined by space and time, whose movement is directed by the habitus of consciousness, created on the basis of the decision-making algorithm informed by past experience. Life is comprehended through memory which is seen as the main operator of hermeneutic reflection, which unfolds the meaning of phenomena, events, and "places of memory".

Key words: memory, "place of memory", stream of consciousness, history, Herta Müller.

В выпуске «Иностранной литературы», посвященном современному немецкому рассказу (№ 8, 2016), Е.И. Леенсон отмечает тематическую общность представленных в номере рассказов. По ее мнению, их авторы «размышляют о прошлом и о том, как это прошлое звучит в настоящем». Она полагает, что «Германия до сих пор ищет и не может найти ответы на вопрос, как получилось, что XX век обернулся для нее и других народов катастрофой» [1].

Наблюдение Е.И. Леенсон указывает на то, что темы памяти и осмысления национальной истории занимают важное место в немецкой литературе XX–XXI веков. Эти темы стали магистральными и в прозе немецко-румынской писательницы Герты

Мюллер, лауреата Нобелевской премии по литературе 2009 года. Грета Ионкис замечает, что «личная память у Герты Мюллер расширяется до исторической» [2], а цитируемый ею переводчик Герты Мюллер М.А. Белорусец выделяет воспоминание как главный материал и «тканевую основу» ее произведений, определяет его как художественный прием.

Темы национальной катастрофы банатских швабов – поддержка нацистской Германии, война и последовавшие за поражением ссылки в трудовые лагеря, отраженные в прозе Мюллер, соседствуют с темами личной катастрофы – политическими преследованиями, потерей друзей и эмиграцией из социалистической Румынии. Свидетельство о событиях – передача «внутренности событий» (поэтологический концепт писательницы), т. е. полученного в ходе восприятия событий эмоционального опыта, так же как и восприятия посткатастрофического пространства и общества – становится одной из главных задач в творчестве Герты Мюллер.

В исследованиях прозы Герты Мюллер следует указать работы, в которых уделяется внимание проблемам памяти и вербализации воспоминаний в ее творчестве. В монографии Марисы Сигуан «Писать на границах языка» указывается, что Мюллер в своем творчестве акцентирует внимание «на апории повествования с позиции жертвы, письма, которое должно выразить неизмеримую боль и при этом сделать пассивную жертву активным субъектом» [3. S. 19] (здесь и далее перевод иноязычных источников наш – С.К.). Способ, который делает возможным повествование от лица жертвы – это парафразирование опыта художественными средствами, при котором ее достоинство не должно быть проигнорировано.

Лин Марвен, одна из авторов британской коллективной монографии о Герте Мюллер (2013), характеризует художественные и публицистические произведения писательницы как элементы единого проекта «жизне(о)писания» (*life-writing*), в котором происходит постоянная работа по осмыслению событий жизни Герты Мюллер: «никакой из ее текстов нельзя рассматривать в рамках жанра конвенциональной автобиографии, но детали ее жизни создают связи между ее публицистическими и художественными текстами; мы можем все же определить ее творчество как форму жизнеписания» [4. P. 223]. Марвен представляет все сочинения Мюллер как единый

текст, механизм постоянного воспоминания и осмысления событий собственной жизни.

Алейда Ассман в своей статье «Кому принадлежит история?» относит «Качели дыхания» Герты Мюллер к жанру романа воспоминания. Ассман полагает, что жанр романа воспоминания, в отличие от романа воспитания, всегда связан с травмой: «это не история становления и формирования идентичности, а травматизации и ее последствий» [5. S. 224]. В отличие от Сигуан, Ассман полагает, что в «Качелях дыхания» Мюллер не дистанцирует опыт, а наоборот, обнажает травму: «её поэтический “безжалостный” язык приближает читателей к мучительному опыту... В ее тексте нет спасения, оглядки, нарративных структур и механизмов защиты» [5. S. 220].

В своей работе «Смена мест. О Герте Мюллер» Тоня Маришеску, указывая на ряд особенностей прозы Герты Мюллер, отражающих функционирование работы памяти – произвольное соединение обрывков восприятия, паратактические связи образов и впечатлений, – полагает, что «воспоминание как анархический и мучительный процесс при новом его воспроизведении не функционирует в новом окружении, и поэтому на его место должны встать вымысел и литературная обработка» [6. S. 127].

Художественное осмысление Гертой Мюллер проблем, связанных с памятью, изучено поверхностно и нуждается как в теоретической опоре, так и в конкретных примерах. Необходимо также учитывать стилистическую и родовую принадлежность произведений, избегая рассмотрения художественных работ наравне с публицистикой и интервью. Публицистические работы Герты Мюллер следует рассматривать как источник идей, находящихся поэтическое воплощение в художественных текстах. Требуется определить, чем являются для писательницы память и воспоминание, и затем установить, как именно они влияют на ее поэтику.

В своих эссе Мюллер часто обращается не к травматическим ситуациям, но к наблюдениям и размышлениям, сделанным в повседневной жизни. В одном из таких пассажей писательница указывает на то, что даже такое простое решение, как выбор стороны улицы для прогулки, влияет на то, каким будет следующий «отрывок жизни»: «Я стою на месте, где разделяется пешеходная зона. Я должна решить, по какой стороне улицы я пойду. Это мелочь, я знаю, мелочь, если исходить из вопроса: сколь значимы последствия этого

решения. Глядя со стороны, это не имеет никаких последствий. Но, исходя из внутренней перспективы, то, что я пойду либо туда, либо сюда, это больше, чем отрывок пути. <...> Отличие, если я пойду туда или сюда: часть жизни тут. Или часть жизни там» [7. S. 93].

В этом пассаже Мюллер уподобляет жизнь потоку перцепции, протекающему в определенном пространственно-временном окружении. Жизнь в ее понимании подобна постоянно производящемуся линейному повествованию, движение которого определяется габитусом сознания – созданным на основе прошлого опыта алгоритмом принятия решений. Человек, таким образом, постоянно производит собственную историю. Эта история всегда незакончена, имеет свободное развитие, но ее прошлое детерминировано. Однако именно память наделяет прошлое смыслом. Память становится инструментом, с помощью которого события линейного потока жизни обретают и обновляют свой смысл – произошли ли они в прошлом или обретаются в настоящем. Подобные отношения сознания и памяти были воспроизведены позднее Гертой Мюллер в романе «Качели дыхания»: «Каждый человек – в каждый момент времени и во всяком месте – просматривает собственный фильм. В каждой голове прокручиваются бобины со скоростью шестнадцать кадров в секунду» [8. С. 206].

Процесс воспоминания уподобляется в романе «заглядыванию в голову» «будто через светлую щель в двери». Воспоминание позволяет изменить движение сознания, оно становится другим способом существования, не ограниченным временем и пространством настоящего момента.

Приведенные выше положения сближают размышления писательницы с идеями А. Бергсона. Представление о потоке сознания Мюллер близки идее французского философа о длительности. По Бергсону, «события, которые создают его, неповторимы и потому обладают непрерывностью, направлены в будущее» [9. С. 22]. Мюллер так же говорит о неповторимости опыта: «Это лезвие ножа. Посредством него там или тут становится опытом, который нельзя сделать обратимым» [7. S. 93].

В потоке сознания, по Мюллер, память укореняет человеческое сознание не только в событиях, но и в вещах и пространствах. Последние становятся «местами памяти», отношение к которым создается путем ассоциативных связей. Поскольку человеческое

сознание и внешняя действительность обладают динамикой, то при повторном взаимодействии человека с вещью ассоциативная связь также изменяется. Она может быть связана не только с травматическими воспоминаниями, но может иметь культурный, исторический, языковой характер или просто быть продуктом впечатлений, вовсе не связанных с травмой. В эссе «В каждом языке сидят другие глаза» Мюллер приводит пример того, как вокруг абрикосовых деревьев – своеобразного «места памяти» – складывается чувство: «Чувства часто проецируются причудливым способом вовне. На некоторые предметы, годящиеся безо всякой причины для того, чтобы прояснить, раскрыть воспоминание в голове» [10. S. 16]. Так, голые короткие ветки абрикосовых деревьев напоминали отвертки отца. Абрикосовые деревья, связанные таким образом с памятью об отце, после эмиграции стали памятью о деревне и не просто расширили, но получили новый смысл: случайно замеченное в Берлине абрикосовое дерево, неуместное для северных широт, стало для Мюллер «частицей сбежавшей деревни» – памятью о событиях массовой эмиграции банатских швабов из Румынии в Германию и собственной судьбе. Образ дерева здесь представляет собой сложную мнемоническую связь: он включает в себя метафорическую связь с отвертками (как подобие), которые в свою очередь метонимически связаны с отцом (как вещь и ее владелец) и затем получает связь-синекдоху, сближение уже не с отцом как частью деревни, а с самой писательницей, одной из множества политических беженцев: «как если бы деревья были как убежавшие люди: они покидают опасное место в верное время, находят более-менее пригодную страну, но в этом неподходящем месте остаются и не решаются его покинуть» [10. S. 17].

Мюллер трактует образ не как отсылку к отцу, деревне или стране, а как «послевкусие времени», не приносящее ни «тяжести, ни облегчения». Конкретная отсылка размывается разными ассоциативными связями – ни одна из них не выступает на первый план, вместо этого возникает произведенное от их взаимосвязи общее чувство, «послевкусие». Оно дополняется языковыми ассоциациями: «слово “абрикосы” льстивое, оно звучит как “ласкать”» [10. S. 17].

В памяти, таким образом, становится возможно герменевтическое развертывание смысла того или иного феномена,

наделяемого новыми значениями, и при этом сохраняется его открытость.

Память становится не только объектом творчества Герты Мюллер, но и инструментом воспроизведения прошлого – «внутренности событий». В концепции памяти Мюллер различаются несознательно возникшее восприятие и сложившийся впоследствии под действием работы памяти и воображения образ-репрезентация воспринятого. В этом образе, если выразиться языком Ю.М. Лотмана, постоянно «растут смыслы», общее же смысловое содержание остается открытым, но при этом ограничивается тем диапазоном значений, которые предоставляются памятью. События интерпретируются при их сопоставлении. В памяти сталкиваются и взаимно обогащаются значениями события с общим набором акторов, причем в роли последних могут выступать как люди, так и предметы, высказывания и т. д. Значение, которое несут в себе акторы, зависит от контекста, в который они погружены: «И я верю, что восприятие складывается в целом из деталей, и что различные вещи постоянно взаимодействуют друг с другом. Когда я имею дело с одним персонажем, в игру включается все окружение. <...> Я думаю, что вещи примешивают в происходящее между персонажами больше, чем можно было бы подумать» [11. S. 330].

Таким образом, события настоящего, сталкиваясь в памяти с прошлым, обретают контекст в нарративе человеческого сознания, благодаря которому они интерпретируются и сами подвергаются прошлому реинтерпретации. Акторы, в первую очередь предметы и ландшафты, неся в себе историю значений, в такой перспективе становятся, если воспользоваться термином историка П. Нора, «местами памяти», то есть материальными (но не обязательно) объектами, наделенными символическим значением, вместилищами и триггерами памяти. Эстетическое наполнение «мест памяти» выражено в понятии «чувство места». Оно определяется Ю.А. Жердевой как «отношение человека к своему жизненному пространству, выражающееся в непосредственных переживаниях относительно этого пространства и в осознании мотивов для локальной идентичности на его основе» [12. С. 10].

По мнению Ю.А. Жердевой, «“чувство места”, выстраиваемое в ходе интерпретации художником данного места, может быть способом самого художественного высказывания либо его формой. В

этом случае оно является для художника инструментом создания новых смыслов» [12. С. 11].

Именно таким инструментом пользуется Мюллер в своих художественных произведениях. Предметы и ландшафты как «места памяти» присутствуют уже в рассказе «Надгробная речь» из дебютного сборника «Низины». Одним из «мест памяти», аккумулирующим в себе опыт членов семьи главной героини рассказа, становится «реповое поле». В случае отца героини, солдата Третьего рейха, участвовавшего на этом поле в групповом изнасиловании, оно становится метафорой места преступления, активной насилующей власти. В случае матери, вынужденной в трудовом лагере от крайнего голода, под страхом смерти воровать овощи, реповое поле, описанное теми же словами, что и «отцовское», выступает как пространство пассивной запрещающей власти. Таким образом, созданное «место памяти» – реповое поле – аккумулирует в себе как травматический опыт отдельной семьи, так и становится символическим вместилищем исторической катастрофы целого народа. В одноименном рассказе «Низины» память о катастрофе воплощается в образе лягушки: «Лягушки квакали из черных легких моего мертвого отца, из застывших трахей моего деда, из проеденных известью вен моей бабушки. Лягушки квакали из всех живых и мертвых этой деревни.

Каждый селянин взял во время переселения с собой по лягушке. С тех пор, как существуют эти лягушки, все селяне гордятся тем, что они немцы, и никогда не говорят о своих лягушках, и верят, что того, о чем отказываешься говорить, тоже не существует» [13. S. 94].

Лягушка, которая несколькими строками позже будет названа «немецкой», символизирует собой тeneвую, но неотделимую часть немецкой (швабской) идентичности. Насильники или жертвы насилия, получившие и причинившие травмы, объединены общей историей, общей национальной катастрофой, печать которой – «немецкая лягушка» – лежит как в их памяти, так и в телах.

Другая часть этой идентичности, выставленная напоказ, основана не на памяти, а на заменяющем ее конструкте – национальной мифологии. Воспроизводя национальный миф, сельское общество вырабатывает собственную жесткую темпоральность, автоматизирует свою жизнь настолько, что в замкнутый, самодостаточный мир крестьян невозможно никакое

внешнее вмешательство. В рассказе «Немецкий пробор и немецкие усы» замкнутость сельской общины не помогает хранить историю, а обрекает на забвение своих бывших членов. Главный герой этого рассказа возвращается в родную деревню для встречи с отцом. Он входит в сельскую парикмахерскую и пытается вступить в разговор с человеком, чье имя совпадает с именем его отца. Его попытка оканчивается провалом – люди, озабоченные сохранением своей национальной идентичности (получая одинаковую стрижку – «немецкий пробор и немецкие усы»), в итоге становятся неотличимыми друг от друга и теряют связь с внешним миром и память о нем.

Образ закрытого общества с автономным режимом и его членов, потерявших память о внешнем мире, появляется и в последнем романе Герты Мюллер «Качели дыхания». Главный герой приходит к мысли, что большинство отправленных вместе с ним в Советский Союз для «восстановления народного хозяйства» немцев «ничего не помнит, кроме лагеря» [8. С. 45]. Унификация образа жизни – от распорядка дня до внешнего облика, – проводившаяся в лагере, аналогична обезличенному существованию селян с одинаковыми «немецкими проборами и усами». Способность помнить уничтожается вместе с прекращением развития идентичности, при этом не важно, происходит ли это с ее уничтожением или сведением к национальному мифу. В первом случае жизнь сводится к постоянному настоящему выживанию, во втором – настоящее сливается с прошлым, а вместе с устранением различия времен теряется способность помнить.

В своих поздних работах Мюллер часто использует нелинейное построение сюжета: последовательность событий прерывается воспоминаниями рассказчика. Так, в романе «Сердце-зверь» повествование прерывается эпизодами, воспроизводящими детские впечатления главной героини, связанные с центральными для романа образами. На первых же страницах романа героиня рассказывает о своих нетривиальных ассоциациях, связанных со смертью, атмосфера которой преследовала героиню на протяжении всего действия романа: «И еще, когда я думаю о смерти, мне кажется, что каждый умерший оставляет по себе мешок слов. Мне все время приходят на ум *парикмахер и ножницы для ногтей*, потому что они уже не нужны

мертвым. И еще: что мертвый уже никогда не потеряет пуговицу» [14. С. 7].

Истоки такого восприятия смерти обнаруживаются в ретроспекциях: полученные в детстве ощущения распространяются впоследствии на дальнейшее восприятие героини. Образы парикмахера и ножниц для ногтей выделяют функционирование оппозиции природного и культурного: парикмахер и ножницы, агенты культуры, «возделывают» природу человека посредством насилия – отрезания волос и ногтей, но тем самым подтверждают, что человек жив. Таким образом, статус человека – нахождение его в стане живых – подтверждается его нахождением между полюсами природы и культуры. Соответственно, первую в оппозиции представляют «ботанические» образы травы, лозы, дерева и т. д. Вербализация воспоминаний сравнивается с «втаптыванием травы», массовые убийства – с «разведением кладбищ», а человек уподобляется культивируемому растению: головы, по детским воспоминаниям героини, стригут, как «сухие кусты», ногти отрезают ножницами для лозы.

Ассоциативное поле дополняется наблюдениями, почерпнутыми из недалекого прошлого. В личной тетради своей соседки по комнате, покончившей жизнь самоубийством, главная героиня находит следующую запись: «Блохи заводятся на всем, когда палит солнце. Даже ветер носит на себе блох. А листья у всех у нас есть. Когда перестаешь расти, листья опадают, потому что ушло твое детство. Но листья появляются снова, когда ты умаляешься, потому что ушла твоя любовь» [14. С. 13–14].

Героиня-рассказчица соотносит записи соседки со словами своего деда, «делающегося меньше ростом и усыхающего». Позже ассоциативная связка развивается в эпизоде разговора одного из персонажей, Эдгара, со своим отцом:

«Рассказывая, отец пристально смотрел на кусты, словно пересчитывал листья. <...>. Отец сказал:

– Они подняли ковер и всё вышвырнули из шкафов. Ничего я не ищу, я там ничего не потерял.

Эдгар ткнул отца в грудь. Он еще раньше заметил, когда отец вытаскивал письмо из кармана, – одной пуговицы на его куртке не хватало. Эдгар засмеялся:

– Верно, пуговицу ищешь?» [14. С. 62–63].

События, к которым героиня не имела отношения, перерабатываются в ее рассказе, выделяют важные для нее детали, соотносимые с детскими образами из памяти: кусты, листья, потеря пуговицы.

С образом травы в романе связываются не только воспоминания, но и любовь, которая «скашивается» и вырастает заново, «как густая трава» [14. С. 83], как «былье вперемешку с соломой» или «придурочный куст» [14. С. 253]. В «придурочный» куст отец главной героини прячет «нечистую совесть» – «ботанические» образы становятся выразителями эмоционального опыта, сохраненного в памяти, как о дурных проступках, так и о любимом человеке.

Многообразие «ботанических» образов создает в романе объемную картину с широким диапазоном интерпретации. Жизнь растений сравнивается с человеческой в метафоре, развернутой в тексте романа. Смена листвы и ее культивирование подобны обновлению и реструктуризации образов-репрезентаций в памяти, в которой события линейного потока жизни обретают и обновляют свой смысл.

Как указывают исследователи, память о предметах или событии в романах Герты Мюллер зачастую связана с травмой, насилием. Так, главная героиня вспоминает стрижку ногтей из-за боли, ощущаемой ею в детстве, и замечает, что у ее друзей «в памяти не осталось зеленых слив, потому что никому из них отец этого [их употребления в пищу – С.К.] не запрещал» [14. С. 60].

Однако вызванные в памяти события или ассоциация, связанная с «местом памяти», не становятся простыми рычагами, воспроизводящими травматическое ощущение. Память персонажей, согласно изложенной Гертой Мюллер концепции, становится источником для создания динамичной, развертывающейся в повествовании образной системы, способной передать «внутренности событий» собственной жизни и коллективной истории.

Библиографический список

1. Леенсон Е.И. Звуки прошлого // Иностранная литература. 2016. № 8. С. 3.

2. Ионкис Г. Герта Мюллер: «Я – сама о себе память...» // Электронный ресурс Интернет: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2010/1/237/4041>.
3. Siguan M. Schreiben an den Grenzen der Sprache. Studien zu Améry, Kertész, Semprún, Schalamow, Herta Müller und Aub. Berlin und Boston: De Gruyter, 2014. 352 S.
4. Marven L. Life and Literature: Autobiography, Referentiality and Intertextuality in Herta Müller's Work // Herta Müller. Edited by Brigid B. Haines and Lyn L. Marven. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 204–223.
5. Assman A. Wem gehört die Geschichte? Fakten und Fiktionen in der neueren deutschen Erinnerungsliteratur // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur (IASL). 2011. Vol. 36, Issue 1. S. 213–225.
6. Marişescu T. Ortswechsel. Über Herta Müller // *Andererseits*. 2011. Vol. 2, № 1. S. 113–127.
7. Müller H. Der Teufel sitzt im Spiegel. Berlin: Rotbuch Verl., 1991. 141 S.
8. Мюллер Г. Качели дыхания / Пер. с нем. М.А. Белорусца. СПб.: Амфора, 2013. 288 с.
9. Новиков Ю.Ю. Концепция времени в философии А. Бергсона // *Метафизика*. 2013. № 5 (7). С. 21–28.
10. Müller H. Der König verneigt sich und tötet. Frankfurt am Main: Fischer Verl., 2008. 208 S.
11. Driver E.B., Müller H. „Die Schule der Angst“: Gespräch mit Herta Müller, den 14. April 1998 // *The German Quarterly*. 1999. Vol. 72, № 4. P. 329–339.
12. Жердева Ю.А. Чувство места как категория социальной памяти // *Международный журнал исследований культуры*. 2015. № 2 (19). С. 5–11.
13. Müller H. Niederungen. Hamburg: Rowohlt Verl., 1993. 140 S.
14. Мюллер Г. Сердце-зверь / Пер. с нем. М.А. Белорусца. СПб.: Амфора, 2013. 256 с.

Сведения об авторе

Кузнецов Степан Александрович
аспирант кафедры зарубежной литературы
Литературного института им. А.М. Горького
E-mail: stepan.kusnetzov@yandex.ru

УДК 821.111“19”(73)

ЭВОЛЮЦИЯ СЦЕНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЗДНИХ ПЬЕСАХ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА

А.Ю. Курмелев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье проводится анализ сценического пространства в поздних пьесах (1963–1983 гг.) американского драматурга Теннесси Уильямса, рассматриваются его своеобразие и смысловые трансформации, которые оно претерпевает. В произведениях данного периода сценическое пространство приобретает глубокое символическое содержание, становится неотъемлемой частью драматического действия, способствует раскрытию сущности конфликта пьесы и отражает эволюцию авторской позиции, идей и взглядов самого драматурга.

Ключевые слова: хронотоп, сценическое пространство, символ, Теннесси Уильямс, поздние пьесы.

Evolution of Stage Space in the Later Plays of Tennessee Williams **Anton Kurmelev**

The paper analyzes the idiosyncrasies of the stage space in the later plays (1963–1983) of Tennessee Williams. Due its meaningful transformations, the stage space gains profound symbolic value, turns into an integral part of the drama, and contributes significantly to the plot and conflict development. The American playwright's later works become more philosophically complex and allusive. The topoi that Tennessee Williams uses in this period add to the meaning hidden between the lines and reflect existential issues that the writer was concerned with as well as the playwright's worldview and evolution of his creative work in general.

Key words: chronotope, stage space, symbol, Tennessee Williams, later plays.

В работе «Эпос и роман» М.М. Бахтин отмечал, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа» [1. С. 193]. Хронотоп является одной из важнейших категорий и в драматическом произведении. Специфика драмы как литературного рода и ее двойственная природа определяют основную черту хронотопа – особую концентрацию времени и пространства.

В XX веке драматурги стали придавать особое значение времени и месту действия событий в пьесах. Теперь это не просто определенный момент в истории той или иной страны, который подсказывает социальные, экономические, политические особенности изображаемых событий, мотивы поступков персонажей; не просто характерная для той или иной эпохи среда обитания с типичными

детальми быта, которая указывает на общественное положение действующих лиц. Хронотоп вырастает в символ, становится смысловым элементом драматического произведения: пространственно-временные образы-лейтмотивы организуют единый символический ряд в рамках пьесы и помогают раскрыть сущность конфликта произведения. Причем на первый план выходит пространственный элемент; конкретика времени отступает на второй.

Теннесси Уильямс – один из тех драматургов XX века, кто придавал особенное значение пространственной составляющей хронотопа в своих пьесах. Американский драматург полагал, что сценическое пространство должно быть максимально использовано для создания эмоционально заряженного и психологически насыщенного места действия.

Известный французский театровед Патрис Пави в своем труде «Словарь театра» выделяет несколько типов театрального пространства: внутреннее, драматическое, игровое (жестовое), сценическое, сценографическое, текстовое. Среди перечисленных видов при анализе драматического произведения особое место занимает именно сценическое пространство. Оно есть пространство, воссозданное «сценографически и непосредственно воспринимаемое публикой. Это то, что в обыденной речи принято называть просто «сценой». Сценическое пространство спектакля существует здесь и сейчас как среда разворачивания театральной игры» [2. С. 291].

При пристальном анализе позднего творчества американского драматурга невозможно не отметить любопытные трансформации, которые происходят в пьесах Теннесси Уильямса со сценическим пространством.

Одним из центральных элементов художественного мира драматурга является «дом». Традиционно «дом» ассоциируется с «уютом», «домашним очагом», «теплом», «семьей». У Теннесси Уильямса в большинстве случаев данный ассоциативный ряд отсутствует, поскольку английское *home*, вызывающее такие ассоциации, встречается в пьесах драматурга очень редко. Анализ творчества драматурга позволяет утверждать, что лексическая единица *home* используется Теннесси Уильямсом только в том случае, если изображаемые события предвещают положительный исход (например, пьесы «Татуированная Роза», «Период приспособления»). В остальных случаях используется лексическая единица *house*, не

имеющая указанного эмоционального компонента, или иные способы вербализации концепта «дом»: это и городская квартира (*apartment*), в которой группа людей не только обособлена (*apart*) от других, но и друг от друга; и особняк (*mansion*), символизирующий достаток и материальное благополучие и поглощающий человека своей грандиозностью и массивностью; а чаще всего съемная комната в доходном доме или номер в гостинице.

То, что действующие лица поздних пьес Теннесси Уильямса называют своим домом, утратило всякую индивидуальность, лишило человека чувства принадлежности к определенной группе (семье). Номер в гостинице или съемная квартира представляют собой лишь временное жилье и, соответственно, лишь краткосрочные отношения, тем самым переключаясь с понятиями отчужденности и разобщенности. Пребывание в отеле или пансионе ставит человека в такое положение, когда его жизнь всегда на виду, становится достоянием общественности. (Хозяйка доходного дома миссис Уайэр в пьесе «Старый квартал» выставляет свою кровать в холл, чтобы иметь полную осведомленность и контроль над действиями своих постояльцев, лишая тем самым не только их, но и себя приватной жизни [3].)

Люди в таких обстоятельствах превращаются в «подобие человеческих призраков»; их «тело – лишь скорлупа. Оно может быть живым, в то время как то, что внутри, слишком напугано, чтобы выйти. Это что-то остается в заключении и одиночестве». Люди, скитающиеся по съемным квартирам и гостиничным номерам, разрушаются; они становятся «безликими личностями, живущими в иллюзорной реальности, которые бродят по миру, как замусоленные открытки, передаваемые из рук в руки». Эти люди перестают быть «цельными существами из плоти и крови» (*a solid, touchable being*) и становятся более похожими на «дряхлые чемоданы», которые изрядно попутешествовали [4] (здесь и далее перевод наш. – А.К.).

Главные герои пьес Теннесси Уильямса обычно характеризуются как «кочевые натуры» (*fugitive kind*) или «постоянные постояльцы» (*permanent transient*). Причем и *fugitive*, и *transient* обозначают нечто непостоянное, преходящее, сменяющееся. Теннесси Уильямс и сам был «постоянным постояльцем». Окончив колледж в возрасте 27 лет, будущий драматург пустился в бесконечное путешествие по жизни. Позднее, получив признание и

успех и, как следствие, финансовое благополучие и возможность выбора места проживания, Теннесси Уильямс навсегда остался «кочевой натурой». И даже приобретенные им дома и квартиры в Нью-Йорке, Ки-Уэсте и Новом Орлеане не смогли успокоить его страсть к постоянной смене мест жительства. Такой образ жизни несомненно отразился на творчестве драматурга. Действующие лица его пьес в большинстве случаев находятся в постоянном движении, в пути, бегстве: они бегут от прошлого, от будущего, от вечного и непобедимого врага всего человечества – времени, или же находятся в постоянном поиске недостижимого спокойствия и умиротворения. Окружение этих персонажей зачастую соответствует их эмоциональному состоянию, отражает их неприкаянность и беспокойство: это бары, отели, публичные дома, съемные квартиры. Люди, по мнению писателя, – гости в этом мире, они приходят и уходят, оставляя после себя лишь едва заметные следы в книге жизни в виде надписей на стенах комнат.

Позднее творчество американского драматурга расширяет круг выбираемых им топосов: появляются новые, переосмысливаются прежние. Место действия перерастает в нечто более абстрактное, приобретает психологические характеристики. Время в поздних пьесах тоже теряет конкретность.

Существенные смысловые изменения претерпевает один из самых распространенных топосов в творчестве Теннесси Уильямса – доходный дом. В его ранних пьесах, как отмечают некоторые исследователи, доходные дома символизировали не что иное, как социальную и экономическую нестабильность того времени, в которое они писались, и свидетелем и жертвой которого стал сам драматург (см., например, [5]). В поздних пьесах пансионы утрачивают функцию социального фона, становятся одним из или даже главным действующим лицом. Место действия не только психологизируется, но и персонифицируется. В этом смысле интересна пьеса «Старый квартал», где доходный дом миссис Уайер воплощает сознание самого драматурга, бросающего взгляд на период своего становления как писателя. Теннесси Уильямса интересует не столько социальная проблематика и судьбы проживающих в этом пансионе «неудачников», сколько психологический аспект взаимоотношений с этими людьми героя – Писателя, и их влияние на его личность. За образом Писателя просматривается сам Теннесси

Уильямс в период своего творческого становления. Таким образом, посещение героем различных комнат в доме работает в пьесе как своего рода «вспышки памяти», превращается в психологическое путешествие в собственное прошлое, в собственное сознание и подсознание.

Более абстрактное значение доходный дом приобретает в пьесе «Замечательный пансион мадам ле Монд» (1982). Здесь само название значимо: *le Monde* в переводе с французского означает «мир». Мир – колоссальный пансион (*rooming house*), временное пристанище, где все постояльцы живут на птичьих правах. Все события пьесы происходят в маленькой комнате с крюками в стене. Постоялец, проживающий в этой комнате, инвалид Минт с парализованными нижними конечностями, который передвигается посредством крюков на стенах. Он находится в безвыходной ситуации, загнан в клетку. Его положение схоже с положением некоторых персонажей пьес театра абсурда, например, Вилли и Винни в «Счастливых днях» Беккета, по пояс закопанных в паленую траву, или Бабушки в «Песочнице» Олби, неспособной вырваться из своего «песочного» заточения. Уильямс показывает невозможность для простого человека выжить в современном жестоком мире: Минт подвергается унижениям со стороны хозяйского сына, страдает от неприязни и пренебрежения своего бывшего друга, а в конце пьесы хозяйка пансиона убивает его [6]. «Маленький» человек Минт лишается своей индивидуальности, оказывается поглощенным доходным домом, уничтоженным самим миром, для которого он не представляет никакого интереса. Съемная комната в пьесе становится камерой смертников. Хозяйка доходного дома мадам ле Монд с легкостью уничтожает своих постояльцев, оправдывая себя «благой» целью, которую она преследует, – избавить мир от переизбытка глупцов.

Комната в художественном мире Теннесси Уильямса выполняет и другие функции. Замкнутое пространство в его позднем творчестве символизирует не только камеру или пыточную, место, не способное уберечь человека от внешнего мира, но и тихую гавань, где человек может обрести покой и гармонию через общение с себе подобным. В пьесе «Не могу представить завтра» (1970) Один (женщина) и Два (мужчина) (в поздних пьесах Теннесси Уильямса наблюдается тенденция к абстрагированию не только места и времени действия, но и персонажей, которые приобретают условный характер и вырастают

в некий символ) не способны существовать друг без друга (как двойка не может начинать ряд чисел без единицы), они представляют собой единое целое. Сценическое пространство – комната в ее доме – условно, не несет никакой конкретики. Мужчина страдает дислексией и способен завершить свои фразы только при помощи женщины, внешний мир не принимает его как полноценного члена общества [7]. Его визиты к подруге, общение с ней придают ему уверенность, вносят смысл в его существование. После ухода Один из жизни пустеет не просто комната их встреч, пустеет мир, пустеет душа Два, который теряет опору и обречен на гибель.

Отношения с людьми и общение с ними всегда были для Теннесси Уильямса средством выживания. В конце жизни драматург становится подозрительным, он уверен, что на нем наживаются, и потому пытается оградиться от внешнего мира, что сказывается на символике топоса его последних пьес. Комната становится не камерой, не тихим и уютным прибежищем, а настоящей крепостью. Героиня пьесы «Единственное исключение» (1983), у которой расстроена психика, понимает, что окружающие заинтересованы исключительно в ее деньгах и стремятся упечь ее в «учреждение» (в тексте: *mental institution*). Это выражение не несет в себе элемента заботы и приюта в отличие от *asylum*, что подчеркивает безразличие к судьбе главной героини. Единственным спасением для Кайры становится полная изоляция от общества. Поэтому, оставшись одна, она принимает решение добровольно запереться в своей комнате, чтобы избежать насильственной изоляции [8].

Новым топосом в поздний период творчества Теннесси Уильямса становится психиатрическая лечебница. Такой выбор не случаен и глубоко биографичен. В последние два десятилетия своей жизни драматург был одержим идеей, что сходит с ума, и страхом попасть в сумасшедший дом, где он уже однажды побывал. Приют для умалишенных (*asylum, nursing home*) в художественном мире писателя отнюдь не является приютом в прямом смысле этого слова, не предоставляет должной заботы и внимания, которые связаны в языке с данными номинациями. Это своего рода тюрьма или ссылка, куда отправляют «неудобных» обществу, и где люди не могут найти успокоения. Этот топос контрастен топосу «домашнего очага». Люди, потерявшие значимость для других, утратившие для них материальный интерес или превратившиеся в тяжелую обузу,

отправлены родственниками в психиатрическую клинику, откуда нет выхода. Ярким примером является пьеса «Дом, которому не выстоять» (1982), уже в ее заглавии подрывается традиционное представление о «семейности». Главная героиня пьесы – женщина, которую жизненные невзгоды и семейные проблемы довели до состояния психического расстройства. Муж просто решает избавиться от нее, отправив ее в дом для умалишенных, чтобы без помех продолжать свое существование [9].

В большинстве случаев причинами душевных расстройств у героев и героинь Теннесси Уильямса, воспринимаемых окружающими как сумасшествие, являются человеческая разобщенность, отчуждение и эгоизм. Люди испытывают жизненно важную потребность в общении, которого они лишены. Причем в поздних произведениях Теннесси Уильямса они не только брошены своими близкими, но и остро ощущают свою богооставленность, что еще более усугубляет их одиночество в мире. Люди в прямом смысле слова начинают стучать во врата небесные, чтобы вернуть веру и получить успокоение. Персонаж пьесы «Это мирное царство» (1980) в порыве ярости и безысходности бьется головой о стену, на которой большими буквами написано «Удачи тебе, Бог!» [10]. Своими действиями он преследует единственную цель – добровольно уйти из жизни, скорее закончить свое жалкое существование. Таким же образом протестует Зельда Фицджеральд в пьесе «Костюм для летнего отеля» (1980), поджигая психиатрическую клинику, совершая тем самым акт саможжения [11].

Эволюция сценического пространства в поздних пьесах Теннесси Уильямса ярко отражает эволюцию авторской позиции, его идей и взглядов. В произведениях драматурга последних двух десятилетий наблюдается психологизация места действия; сценическое пространство используется автором не только как реальная, характерная для определенного исторического момента среда обитания с типичными, легко узнаваемыми элементами, но и как символ; становится неотъемлемой смысловой составляющей всего произведения. Подобная нагруженность места действия придает поздним пьесам Теннесси Уильямса зашифрованность и аллегоричность. Поэтому анализ данного аспекта его произведений позволяет выявить скрытые в них смыслы. Кроме того, наблюдая за переменами, происходящими с драматическим и сценическим

пространством в творчестве Теннесси Уильямса, можно выявить перемены, происходящие с годами в его художественном мире, и получить о нем более полное представление.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Эпос и роман. Спб.: Азбука, 2000. С. 9–193.
2. Пави П. Словарь театра. М.: Изд-во «ГИТИС», 2003. 516 с.
3. Williams T. *Vieux Carré* // Tennessee Williams: Plays 1957–1980. N.Y.: Library of America, 2000. P. 825–901.
4. Williams T. *The Strangest Kind of Romance* // Williams T. *27 Wagons Full of Cotton*. N.Y.: New Directions, 1966. P. 169–200.
5. O'Connor J. "Living in this little hotel": Borders on Borders in Tennessee Williams's Early Short Plays // Tennessee Williams Annual Review, 2000. № 3 // Электронный ресурс Интернет: www.tennesseewilliamsannualreview.com.
6. Williams T. *The Remarkable Rooming-House of Mme. Le Monde* // Williams T. *The Traveling Companion & Other Plays*. N.Y.: New Directions, 2008. P. 89–105.
7. Williams T. *I Can't Imagine Tomorrow* // Williams T. *The Theater of Tennessee Williams*. Vol. 7. New York: New Directions, 1994. P. 131–150.
8. Williams T. *The One Exception* // Williams T. *The Traveling Companion & Other Plays*. N.Y.: new Directions, 2008. P. 193–207.
9. Williams T. *A House Not Meant to Stand: A Gothic Comedy*. N.Y.: New Directions, 2008. 128 p.
10. Williams T. *This Is the Peaceable Kingdom* // Williams T. *Now the Cats With Jeweled Claws & Other One-Act Plays*. N.Y.: New Directions, 2016. P. 91–116.
11. Williams T. *Clothes for a Summer Hotel: Play*. N.Y.: New Directions, 1983. 77 p.

Сведения об авторе

Курмелев Антон Юрьевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: anton.kurmelev@mail.ru

УДК 811.111'282.4(73):801.6

**RHYTHM, RHYME, AND WORDPLAY: ПОЭТИКА ХИП-ХОПА В
«АМЕРИКАНСКОМ МЮЗИКЛЕ» Л.-М. МИРАНДЫ «ГАМИЛЬТОН»**

О.Б. Лукманова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются функции и особенности жанра хип-хоп и отдельных элементов его поэтики в «американском мюзикле» Л.-М. Миранды «Гамильтон». Автор подчеркивает уникальное соответствие этого жанра сюжету и героико-романтическому пафосу повествования, а также его генетическую близость к национальному нарративу США, что отчасти объясняет социальное и культурное воздействие мюзикла на американское общество и его самовосприятие. Основное внимание уделяется «трем китам» хип-хопа – ритму, рифме и поэтическим тропам – и особенностям их употребления в тексте мюзикла.

Ключевые слова: «Гамильтон», Лин-Мануэль Миранда, мюзикл, поэтика хип-хопа и рэпа, ритм, рифма, игра слов, множественная адресованность.

***Rhythm, Rhyme, and Wordplay: The Poetics of Hip Hop in Hamilton,
“an American Musical” by Lin Manuel Miranda***
Olga Lukmanova

The article examines the poetics of hip hop and rap in *Hamilton*, “an American musical” by Lin Manuel Miranda. It demonstrates the unique appropriateness of the genre for the plot and the heroic-romantic pathos of the story as well as the intimate genetic connection of hip hop to America’s national self-narrative, partially explaining the powerful social and cultural impact the musical has had on the US culture and self-perception over the last several years. The article focuses on the “three pillars” of hip hop: rhythm, rhyme, and wordplay, their types and functions in “Hamilton”.

Key words: *Hamilton*, Lin Manuel Miranda, musical, poetics of rap and hip hop, rhythm, rhyme, wordplay, multiple address.

Мюзикл «Гамильтон» в целом ряде статей и критических обзоров называют новаторским событием в истории театра, утверждая, что он «радикально поменял правила игры», заново переопределив жанр американского мюзикла и предложив Америке беспрецедентное «трансформативное погружение» в собственную историю. Лина-Мануэля Миранду сравнивают с Шекспиром: подобно великому барду, он возвышает язык обычных людей до поэзии (облагораживая и язык, и тех, кто им пользуется), рассказывает мифы своей страны так, «что зрители начинают ощущать эту страну своей» [1. Р. 103].

Еще до официальной премьеры в 2015 г. о «Гамильтоне» уже говорили как о важном социальном и культурном феномене. Он действительно «ошеломил не только публику, музыкальных, балетных критиков, но и профессиональных историков» и породил самую настоящую «гамилтоманию» [2. С. 298]. Одним из самых уникальных качеств этого «американского мюзикла» (сам подзаголовок, *an American musical*, подчеркивает его репрезентативность и принадлежность всем американцам) является стиль, в котором Л.-М. Миранда написал историю Александра Гамильтона. Миранда уже успешно использовал хип-хоп в своем мюзикле «На высотах» (*In the Heights*, 2008 г.) о жизни афроамериканского и испаноязычного сообщества в одном из нью-йоркских районов, но тогда мюзикл в стиле хип-хоп, хоть и был воспринят как новое слово и направление в музыкальном театре США, не вызвал такого колоссального общенационального резонанса – вероятно, потому что хип-хоп и рэп рассматриваются именно как музыка и культура этого слоя населения. В «Гамильтоне» новым было то, что хип-хоп вышел из привычных этнических и социальных рамок и заставил нынешнее поколение американцев воспринять как «свою» историю самого забытого и недооцененного отца-основателя США, занимавшего весьма прозаический пост первого министра финансов.

Благодаря развитию глобальной экономики хип-хоп (и рэп, один из его неотъемлемых элементов) является сейчас самой широко распространяемой поэзией в истории человечества; «это публичное искусство, паблик-арт, и... рэперы являются сейчас, пожалуй, самыми публичными поэтами, продолжающими лирическую традицию всех времен и континентов» [3. Р. xiii]. У.Б. Йейтс писал, что поэзия – «это развитие ритмов обычной речи и связывание их с глубоким чувством» [4. Р. 102], и привлекательность рэпа заключается одновременно в его близости к повседневной речи и в создаваемой им дистанцированности от этой речи. Несмотря на всю «разговорность», а часто даже сниженность и вульгарность текстов некоторых исполнителей, ритм, рифма и другие типичные для рэпа и хип-хопа в целом средства поэтической выразительности поднимают эти тексты над уровнем обычной повседневной речи и превращают их в поэзию. Целью настоящей статьи является рассмотрение функционирования этих средств в «Гамильтоне» и их воздействие на восприятие мюзикла.

По словам поэта Эдриана Митчелла, «большинство людей игнорируют поэзию, потому что поэзия игнорирует большинство людей». Рэп никогда не игнорирует своих слушателей, напротив, достаточно агрессивно и часто без приглашения вторгается в их сознание. Рэп и хип-хоп – это поэзия, но своей популярностью они отчасти обязаны тем, что обычно люди не воспринимают их как поэзию. «Рэп – это весело, он играет в машине, на вечеринках, в клубах. Поэзия же ассоциируется у многих с усилием и работой: ее нужно специально изучать, чтобы открыть в ней скрытые глубины... Она неизмеримо далека от повседневной жизни... Рэп же настаивает на том, чтобы его поняли» [3. Р. xii, 5]. Рэп преобразил взаимоотношения культуры США (и не только) с устным словом.

Лучшие рэперы на пике своей формы превращают знакомое в незнакомое посредством «трех китов» хип-хопа: ритма, рифмы и игры слов (*rhythm, rhyme, and wordplay*). Они обновляют язык, создавая специально структурированные и эмфатические варианты повседневной речи, и «расширяют наше понимание человеческого опыта, рассказывая такие истории, которые иначе мы бы просто не услышали» [1. Р. xiii]. Стиль хип-хопа заставил зрителей и слушателей «Гамильтона» по-новому взглянуть на актуальные события и темы, которые, тем не менее, нередко воспринимаются как сухие и скучные: разработка и защита Конституции США, создание кредитной и финансовой системы, выработка баланса между правами отдельных штатов и властью федерального правительства и т. п. В каком-то смысле, хип-хоп и рэп берут на себя функции политических речей и журналистики, предоставляя латиноамериканцам США и афроамериканцам публичную платформу, где они могут вслух размышлять над современной реальностью, включая самые неприглядные ее стороны. Хип-хоп не зря сравнивают с «каналом CNN для афроамериканцев» (*CNN for black people*) [1. Р. 87], так что использование этого жанра именно для **политического** мюзикла тоже оказывается как нельзя более удачным.

Хип-хоп вышел из городских трущоб США в 1970–1980-гг. и стал одной из самых мощных и жизненных культурных сил двадцатого столетия, несмотря на все социальные и экономические силы, подавлявшие творческое самовыражение под грузом отчаяния [5. Р. 82–83]. «Хип-хоп – это прекрасная культура», – сказал рэпер *Mos Def* в интервью газете «Лос-Анджелес Таймс» в 2004 г. «Это

вдохновение, это культура оставшихся в живых; он позволяет творить красоту из ничего». Все это весьма созвучно национальному нарративу США, призывающему к «золотой двери» всех бедных, отверженных, бездомных (как сказано в известном сонете Эммы Лазарус «Новый Колосс», высеченном на пьедестале Статуи Свободы). Таким образом, сам жанр хип-хопа генетически соответствует героико-романтическому пафосу биографии Гамильтона в представлении Л.-М. Миранды: в нарративе мюзикла главный герой показан, прежде всего, аутсайдером, который, несмотря на все препятствия, собственным умом, трудом и смелостью самовыражения создал себя, свою судьбу и, отчасти, свою страну. Весь мюзикл отвечает на вопрос, которым открываются его «главы»: как случилось, что «незаконнорожденный сын шлюхи, сирота, иммигрант, родившийся неизвестно где, в нищете и убожестве», стал образованнейшим автодидактом, офицером-героем и одним из отцов-основателей новой, динамичной страны, и сейчас продолжающей создавать саму себя (*America, you great unfinished symphony!*). Обращение к хип-хопу подчеркивает, что биография Гамильтона отражает историю не только США, но и всех американцев, сумевших подняться с общественного дна и добиться всего самостоятельно (концепт '*self-made man / woman*') [6. Р. 33–34, 73–78].

В этом смысле «Гамильтон» является еще и попыткой переосмыслить один из центральных мифов культуры США: миф о «сотворении» страны в процессе и в результате Американской революции. Это революция в музыкальном театре США, так как хип-хоп и рэп продолжают восприниматься как жанр революционный – среди прочих причин еще и потому, что они постоянно опровергают расистские предубеждения относительно культурной осведомленности и компетентности (*cultural fluency*) афроамериканских поэтов и исполнителей. Именно рэп предлагает сегодня образцы наиболее формально строгой поэзии, опираясь на сложную звуковую и рифмическую организацию стиха, поэтические тропы, основанные на звуковой идентичности (каламбуры, использование омофонов), и другие средства художественной выразительности. Согласно «Десяти заповедям рэпа», предложенным А. Брэдли [3], ритм занимает в нем главенствующее место. Далее идут «умение говорить новое по-старому и старое по-новому»; ясность (*clarity*); умение играть словами, вербальное мастерство;

особенности голоса; тематическое развитие; юмор; концептуальность; оригинальность и интертекстуальность; коммуникативность и повествовательность. В настоящей статье в фокусе исследования уже упомянутые «три кита» хип-хопа – ритм, рифма и поэтические тропы.

Поскольку, в отличие от песен, рэп создается только на основании ритма, без обращения к мелодии, основное внимание уделяется именно форме и содержанию текста, «на передний план выводится поэтическая сущность языка». Вследствие этого вне своего конкретного музыкального контекста может быть представлен в письменном виде как стихи, а «их ритм оживает на странице благодаря тому, что он изначально заключен, прежде всего, в самом языке» [З. Р. xv]. Так, например, в «Гамильтоне», в строке из песни «*The Schuyler Sisters*»: *History is happening in Manhattan and we just happen to be in the greatest city in the world!* – четкий ритм создается уже посредством аллитерации. Устный поэтический эффект в этом случае несколько теряется – даже самое точное транскрибирование не может передать тон и тембр голоса, громкость и особенности произнесения для усиления эффекта – но появляется возможность уделить особое внимание самим стихам и оценить ту «блестящую словесную акробатику», которой являются наиболее искусные произведения рэпа.

В плане поэзии рэп тесно связан с самыми древними поэтическими формами – например, акцентным стихом «Беовульфа» и традиционными балладами. Как и в метрическом стихе, в рэпе длина строки определяется установленным ритмом; фактически, бит является озвученным поэтическим метром, физическим воплощением идеального метра, в рамках которого рэпер волен экспериментировать с индивидуальной ритмикой [З. Р. 12]. Рэп одновременно предсказуем и непредсказуем: он устанавливает и поддерживает четкий ритмический рисунок, при этом творчески его нарушая, и виртуозность исполнителя (по крайней мере, отчасти) определяется его умением манипулировать слогами – например, использовать гиперсиллабические строки, уместая в строку с четырьмя сильными долями максимальное количество слогов: «не десять, а пятнадцать, не двадцать, а двадцать пять» [З. Р. 25], что повышает скорость чтения, смысловую и содержательную нагрузку строфы, не теряя при этом четкости, разнообразия рифмы, звуковых повторов и т. п.

В «Гамильтоне» гиперсиллабии нет, но весьма показательным примером такого манипулирования слогами является текст песни «Ответ фермеру» (*Farmer Refuted*), где на один и тот же бит звучат сразу два текста, лишь один из которых читается в стиле хип-хоп, и в нем общее количество слогов, произносимых на одно и то же количество битов, оказывается почти в два раза выше (81 против 44):

Hamilton

Yo! **He'd** have you all **unravel** at the – 9 слогов
 sound of **screams** but the – 5 сл.
revolution is comin'. – 7 сл.
 The **have-nots** are gonna win this,
 it's **hard** to listen to you with a straight face. – 19 сл.

Chaos and **bloodshed** already **haunt** us, honestly you
 shouldn't even **talk**. And what about **Boston**? Look
 at the **cost**, n' all that we've **lost** n' you talk
 about **Congress**?! – 41 сл.

Seabury

Heed not the **rabble** – 5 слогов
 Who **scream** – 2 сл.
Revolution – 4 сл.
 They **have** not your interests
 at **heart**. – 8 сл.

Chaos and **bloodshed**
 Are **not** a solution.
Don't let them **lead** you astray.
 This **Congress**... – 21 сл.

В строфах фермера Сибири есть только одна точная конечная рифма (*revolution – solution*) и два случая аллитерации (*rabble – bloodshed; let – lead*). Первая строфа Гамильтона играет с оригиналом, аппроприируя его звуки и слова (*scream, revolution, have not*) и, фактически, производит антитезную пародию с помощью близких по звучанию слов (*heed – he'd; heart – hard*), слияния словосочетания в производное слово (*they have not – the have-nots*) и аллитерации (*rabble – unravel*). После слов *chaos and bloodshed* Гамильтон полностью отрывается от текста оппонента и ведет свою линию, используя внутреннюю составную рифму (*Boston / cost 'n / lost 'n*), ассонанс (вся строфа построена на повторяющемся гласном [a]), повтор (*talk*) и неточную составную рифму (*haunt us / Congress*), выстраивая хиастическую структуру:

- A. *Haunt us*
- B. *Talk*
- C. *Boston / cost 'n / lost 'n*
- B. *Talk*
- A. *Congress*

Таким образом, текст в стиле хип-хоп с легкостью «оплетает» и подавляет многосложностью, поэтической виртуозностью и содержательно-смысловой нагрузкой более конвенциональные строфы, сознательно демонстрируя свое количественное и качественное превосходство. Такая рисовка и бравирование мастерством также являются частью стиля и этоса хип-хопа [3] и в данном случае используются для установления интеллектуального преимущества главного героя над его оппонентом (в следующих строках той же песни содержится характерное для рэпа насмешливое оскорбление соперника, так называемое *dissing*). Следует отметить, что самый виртуозный рэп в «Гамильтоне» принадлежит именно тем персонажам, чье превосходство и / или интеллектуальное равенство друг другу пытается подчеркнуть автор (Гамильтон, Лафайет, Анжелика Скайлер).

Уже этот пример ярко показывает, что типичная для хип-хопа «вербальная эквилибристика» достигается в «Гамильтоне» прежде всего за счет избытка и многообразия рифм и их сочетания с не менее многочисленными и разнообразными поэтическими тропами. Именно поэтому либретто «Гамильтона» стало пилотным текстом для демонстрации специального алгоритма анализа стихотворных текстов (Дж. Иствуд, Э. Хинтон [7]). Алгоритм раскладывает стихотворный текст на звуковые компоненты и выявляет наличие рифм в строках и строфах, анализирует графику текста, распознавая «графические повторы, повышающие синтагматическую связность между собственно стиховыми одноуровневыми парадигматическими единицами (полустипшьями, стихами, строфами и т. д.)» [8. С. 20]. Далее с помощью цветового кода выявленные рифмы и звуковые повторы распределяются по типам. Этот цветовой код позволяет визуализировать звуковую и рифмическую структуру каждой строки, включая точные конечные рифмы (*squalor / scholar*), внутренние рифмы (*impoverished / providence, dropped in / spot in*), неточные и составные рифмы (*Scotsman / dropped in / forgotten spot in*), переносы (*and a / of a*) и их сочетания уже в самой первой строфе либретто:

How does a bastard, **orphan**, son of a **whore and a**
Scotsman, dropped in the middle **of a**
Forgotten spot in the Caribbean by **providence**
 Impoverished, in **squalor**
 Grow up to be a hero and a **scholar**?

Выявляя многочисленные способы создания рифмы в тексте «Гамильтона», авторы данного аналитического алгоритма отмечают, что все эти приемы являются характерными для рэпа и хип-хопа и обеспечивают повышенную смысловую плотность текста и специфическую для жанра «густоту», многообразие и сложность рифм, которые являются одним из основных элементов поэтики рэпа. Когда начинает звучать бит, поэту в стиле рэп и хип-хоп нужно прежде всего не определить тему и содержание того, что он будет делать, а решить, как именно он будет рифмовать под данный бит. В своем комментарии к либретто «Гамильтона» Л.-М. Миранда рассказывает, что исполнители рэпа ведут особые тетради, где постоянно записывают и подбирают новые рифмы, и поясняет, что многие строфы мюзикла были выстроены именно вокруг разнообразных рифм к конкретным словам с учетом тех возможностей, которые эти рифмы ему предоставляли. Одним из самых показательных примеров является игра с многочисленными рифмами к фамилии *Burr* (*sir, confer, service, bursar, absurd, sure, immature* и др.), ради которой Миранда даже привнес в биографию Гамильтона некоторые вымышленные факты [1. Р. 23].

Поскольку в устном жанре звуковые различия могут сглаживаться, рифма здесь определяется более широко, и рэперы используют самые разные типы рифм и их сочетания, чтобы добиться максимального эффекта [3. Р. 60]. «Гамильтон» в полной мере опирается на конвенции жанра и традиционные элементы его поэтики и чаще всего использует конечные рифмы (точные и неточные), внутренние рифмы, цепочки рифм на протяжении одной или даже нескольких строф, а также составные рифмы, нередко рифмуя одно слово сочетанием слов или два-три слова двумя или тремя словами, постоянно сочетая все это с ассонансом и аллитерацией. В качестве одного из множества показательных примеров можно взять фрагмент номера *My Shot*:

Hamilton: A colony that *runs independently*.
 Meanwhile, Britain keeps *shittin' on us endlessly*.
 Essentially, they tax *us relentlessly*,
 then King George turns around, *runs a spending spree*.
 He ain't ever gonna set *his descendants free*,
 so there will be a *revolution in this century*.
 Enter me!

Lafayette/

Mulligan /

Laurens: (He *says in parentheses*)

Don't be *shocked* when your *hist'ry* book *mentions me*.

Hamilton: I will lay down my life if it *sets us free*.

Eventually, you'll see my *ascendancy*...

Некоторые теоретики хип-хопа, описывая такую звуковую и ритмическую организацию строфы, говорят о «скельтонике» (*Sceltonics*), ссылаясь на английского поэта Джона Скельтона (1460–1529), который в своих стихах также предпочитал опираться на ударения и рифмы – «звонкие, порой каламбурные... Это многословие дрейфует в сторону пародии – заметим, пародии сознательной и торжествующей» [9. С. 14–15]. Все это, включая также грубовато-пародийный элемент, энергичную напористость стиха, его агрессивность и сознательную браваду, относится и к рэп-текстам «Гамильтона» – с той разницей, что, в отличие от Скельтона, Л.-М. Миранда, как и другие авторы хип-хопа, прибегает к скельтонике, главным образом, не ради комического эффекта, а с целью сознательной демонстрации виртуозности рифмы, которая, несмотря на явно подчеркиваемую сложность, подается с легкостью и непринужденностью спонтанной импровизации, одновременно придавая стихам оттенок разговорной речи и напоминая о высококлассном мастерстве поэта.

В сочетании с уже названными видами рифм в «Гамильтоне» используются также рифмы анафорические (*We are outgunned, / outmanned, / outnumbered, / outplanned / We gotta make an all-out stand*), форсированные, с изменением произношения (*Burr / sure / immature; more / poor*) и др. И процитированные здесь строки и строфы не являются исключениями; подробный звуковой и графический анализ либретто «Гамильтона», предложенный Дж. Иствудом и Э. Хинтоном, наглядно демонстрирует сложность и утонченность рифмической и ритмической структуры всего текста мюзикла. Кроме того, алгоритм позволяет оценить чрезвычайно высокий уровень интертекстуальности, так как связывает отдельные слова и строки, а также определенные типы ритма и рифмы с их источниками. В частности, он выявляет, что составные рифмы типа *be Socrates / mediocrities* в «Гамильтоне» являются типичными для

творчества Ракима (американский исполнитель музыки хип-хоп), что высокой частотностью аллитераций и ассонансов Миранда обязан рэперу пуэрториканского происхождения, выступающему под псевдонимом *Big Pun* (см., например, восьмикратное повторение дифтонга [ei], повторение звукосочетания [dr] (вкупе с ономотопеей в слове *drip*), звуков [p] и [r] в уже упомянутом четверостишии из песни «*Alexander Hamilton*»: *Then a hurricane came, and devastation reigned, / our man saw his future drip, dripping down the drain, / put a pencil to his temple, connected it to his brain, / and he wrote his first refrain, a testament to his pain*) и что в песне «Правая рука» (*Right Hand Man*), Миранда напрямую цитирует комическую оперу «Пираты Пензанса» У. Гилберта и А. Салливана и играет с ней, добавляя в строфу аллитерацию и новые внутренние и неточные конечные рифмы:

Gilbert and **I am the very model of a modern Major General**
 Sullivan: I've information vegetable *animal* and mineral
 I know the kings of England, and I quote the fights *historical*

Miranda: **Now I'm the model of a modern major general**
 The venerated *Virginian* veteran whose *men are all*
 Lining *up* to put me *up* on a pedestal

Как и вся поэзия, хип-хоп стремится к вербальной экономии, и уже по приведенным здесь фрагментам становится очевидно, что текст «Гамильтона» насыщен разнообразными художественными приемами, одной из функций которых является максимальное расширение и углубление смысла каждого отдельного слова. Например, в уже неоднократно процитированной строфе (*Then a hurricane came, and devastation reigned... a testament to his pain*) можно отметить, как с помощью метафор, идиом и игры слов Миранда проводит связь между двумя центральными мотивами всего мюзикла: мотив письма, авторства, слова (*writing*) связан с мотивом смерти от пули (*death, shot*). Будущее, утекающее в канализационную трубу (идиоматическое выражение *down the drain* имеет значение «в никуда»); карандаш, приставленный к виску (обычно к виску приставляют пистолет), слово *testament*, употребленное здесь в значении «свидетельство», «доказательство», но также имеющее значение «завещание», – все это усиливает ощущение неминуемой

смерти. Кроме того, благодаря игре с многозначным словом *shot* в «Гамильтоне» мотив выстрела, смерти, пули неразрывно связан с мотивом возможности, шанса, удачи, что создает дополнительное смысловое и драматическое напряжение.

Стилистический репертуар «Гамильтона» весьма широк и включает многочисленные метафоры (*We put a stop to **the bleeding** as the British take Brooklyn, knight takes rook; I am **a diamond in the rough, a shining piece of coal**; We are **a powder keg** about to explode; throwing **verbal rocks** at these mediocrities* и т. п.); сравнения, часто в комбинации с другими тропами (*I remember that dreamlike candlelight **like a dream** that you can't quite place*); оригинальные эпитеты (*Intelligent eyes in a **hunger-pang** frame*) разные виды каламбуров (*There's **reckoning** to be **reckoned**; Don't change the **subject** 'cause you're my favorite **subject**, my sweet, submissive **subject**...; I'm a **trust fund**, baby, you can **trust** me!); хиастические структуры и эпанодос (*I get no satisfaction witnessing his **fits of passion** / The way he primps and preens and dresses like **the pits of fashion**; Are we **a nation of states**? – What's **the state of our nation**?); антономазию (*Lafayette, the **Lancelot** of the revolutionary set; If not, then I'll be **Socrates***); ономатопою (*brrrah; chick-a-plao; boom*); антитезы и параллелизм (*Dying is easy, young man. Living is harder; It's a bit of a dance, a bit of a posture, it's a bit of a stance. He's a bit of a flirt...*); анафоры и эпифоры (***I know** that we can win, **I know** that greatness lies in you; Set my heart **aflame**, ev'ry part **aflame***); эвфемистические высказывания (*We're gonna fly a lot of flags half-mast*); сарказм и иронию (*Here comes the general. This should be fun*) и др. Однако, пожалуй, излюбленным приемом автора «Гамильтон» является именно *wordplay*: разнообразная игра с многозначностью слов и выражений, от простых омонимических каламбуров до игры с идиомами, аллюзиями, коллоквиальными оборотами и т. п. Например, фраза *We snatch stalemate from the jaws of defeat* («Мы вырываем тупиковое положение из пасти поражения») является иронической игрой с популярным выражением *to snatch victory from the jaws of defeat* («вырвать победу из пасти поражения»), и даже простое указание о выборе оптимального места для дуэли (*Pick a place to die where it's high and dry*) обретает смысловую многослойность, если учесть, что идиоматическое выражение *to leave someone high and dry* имеет значение «оставить к-л. в беде; неожиданно подвести, предать».**

Одной из функций этого стилистического изобилия является более выпуклое обозначение сюжетных линий, яркая и емкая характеристика персонажей, выделение сквозных метафор, мотивов и т. д. Уже упомянутая выше игра со словом *shot* («выстрел» / «шанс») и выражением *to throw away your shot* («упустить возможность» / «отказаться стрелять на дуэли») становится одной из основных сюжетно-смысловых линий мюзикла, а параллелизм и анадиплосис настойчиво подчеркивают параллельную, но контрастную динамику развития двух центральных персонажей, Берра и Гамильтона (*Burr: After the war I went back to New York. / Hamilton: After the war I went back to New York. / Burr: I finished up my studies and I practiced law. Hamilton: I practiced law, Burr worked next door*). Однако еще одной важной целью и функцией языковой игры в «Гамильтоне» является создание двойной или, пожалуй, даже тройной адресованности текста мюзикла, что, кстати, тоже является одним из характерных приемов поэтики рэпа, который, с одной стороны, позиционирует себя как публичное искусство, понятное всем слушателям, но, с другой стороны, всегда содержит контекстные шутки и аллюзии, доступные только посвященным, «своим».

На самом поверхностном уровне «Гамильтон» адресован «наивному», неподготовленному зрителю и / или читателю, который знаком с элементарными фактами американской истории на уровне школьной программы, а потому способен узнать соответствующие прецедентные тексты и культурные артефакты: имена и образы главных персонажей и факты из их биографии, события Американской революции (Бостонское чаепитие, военная тактика Вашингтона, трактат Томаса Пейна «Здравый смысл»), цитаты из «Декларации независимости», гимна США и других культурно значимых текстов, значимость географических мест (Монтичело, Маунт-Вернон, Йорктаун, Бэттери), другие общеизвестные факты (связь имени Сэма Адамса с пивом, а имени Бетти Росс – с американским флагом, наличие портрета Гамильтона на десятидолларовой купюре и т. п.). Безусловно, подразумевается владение разговорной лексикой, идиоматикой и паремикой современного американского английского и знание их стилистического регистра и культурного контекста – от вульгарных (*poppin' a squat, shat the bed*) и нейтральных идиом (*to shoot off at the mouth, to kick up the heels*) до междометий (*Whee!; Chick-a-boom!*),

общеупотребительных разговорных клише (*So, we're doing this; You dig me?; It's show time!*), пословиц и поговорок (*If the shoe fits, wear it; Love the sinner, hate the sin*) и т. д. Кроме того, предполагается, что этот «наивный зритель» в большей или меньшей степени осведомлен о событиях и дебатах в американской политике последних лет и способен увидеть релевантность и остроту поднимаемых тем: например, фраза *We're the immigrants, we get the job done* воспринимается как особенно актуальная в свете идущей сейчас дискуссии о реформе американской системы иммиграции и в свете очередного переосмысления идентичности Америки как «страны, где все ведут свой род от иммигрантов и революционеров» (Ф.Д. Рузвельт).

Второй потенциальный адресат владеет американским языковым и культурным кодом на более высоком уровне благодаря большей образованности и знакомству с текстами и артефактами мировой художественной культуры – а значит, оценит аллюзии на Шекспира (например, сравнение ситуации в Конгрессе США с сюжетом и героями «Макбета», а также старую театральную шутку о том, что название этой пьесы не принято произносить вслух), латинскую фразу *in loco parentis*, многочисленные библейские аллюзии (*seated at the right hand of the father; under his own vine and fig tree; We roll like Moses, claimin' our promised land*) и т. п. Пожалуй, к этой же категории следует отнести и тех, кто обладает необходимыми компетенциями для того, чтобы при желании исследовать не очевидные на первый взгляд смысловые пласты текста, выявить связи между его элементами, прояснить аллюзии, проанализировать систему персонажей и языковые способы их характеристики и т. п., чтобы получить удовольствие от прочтения, прослушивания или просмотра мюзикла на новом, более глубоком уровне.

Помимо всего прочего, адресат второго типа способен включить в такое исследование историю, содержание и эстетику хип-хопа и рэпа как главных формо- и жанрообразующих элементов мюзикла «Гамильтон» (который часто называют именно «мюзиклом в стиле хип-хоп», *a hip-hop musical*): «Как и в большинстве случаев, удовольствие от рэпа значительно возрастает если его пусть немного, но внимательно исследовать» [3. Р. xii]. Однако третий потенциальный адресат мюзикла отличается именно полной погруженностью в культуру и эстетику рэпа и хип-хопа и легко

узнаёт и оценивает скрытые для всех остальных аллюзии не только на известных рэперов, но и на их уникальную подачу («течение» или «флоу»), способы построения рифмы, ключевые фразы и т. п. Даже первый, «наивный» адресат, скорее всего, будет знаком с понятием «битвы рэперов» и узнает стилистику хип-хоп баттла в двух сценах с дебатами (*Cabinet Battle 1, 2*), но только поклонник и знаток рэпа и хип-хопа сможет уловить элементы «сайфера» (сбор рэперов с поочередным демонстрацией навыков) в перепалках Бэрра с Маллиганом, Лоренсом и Лафайетом или уловить аллюзии в таких фразах, как *Nobody needs to know; You'll blow us all away; Meet me inside* и др.

В этом отношении задача исследователей, несомненно, облегчается тем, что в либретто мюзикла, выпущенном отдельной книгой «Гамильтон: Революция» (с подзаголовком «Полное либретто бродвейского мюзикла с правдивым описанием процесса его создания и краткими заметками о хип-хопе, силе историй и новой Америке»), Л.-М. Миранда подробно комментирует текст всех песен, поясняя ряд музыкальных и литературных приемов, а также указывая источники, вдохновившие те или иные строки, темы, песни и т. п. Спектр этих источников чрезвычайно широк и включает известных авторов и исполнителей хип-хопа и рэпа, викторианские комические оперы и классические бродвейские мюзиклы, «Битлз», и, конечно же, Шекспира, заимствованного как напрямую, так и через цитирование его пьес в других произведениях, и многое другое [2]. Тем не менее, сведения, содержащиеся в книге, ни в коей мере не являются исчерпывающими и представляют собой, скорее, полезное введение в изучение мюзикла, так что текст «Гамильтона» остается весьма интересным объектом лингвистического, литературоведческого и культурного исследования, а также настоящей «золотой жилой» для преподавателей литературы, современного английского языка (и, в частности, его американского варианта) и страноведения США, так как содержит в себе целый ряд пластов языка, истории и культуры страны, последовательное и комплексное изучение которых, безусловно, будет способствовать повышению уровня языковой и культурной компетентности студентов.

Библиографический список

1. Miranda L.-M., McCarter J. Hamilton: the Revolution. Grand Central Publishing, 2016. 288 p.
2. Ходнев А.С. Мюзикл «Гамильтон»: публичная история и конструирование идентичности в США // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 298–305.
3. Bradley A. Book of Rhymes: The Poetics of Hip Hop. Civitas Books; Revised, Updated edition, 2017. ix–xiii, 288 p.
4. Yeats W.B. Modern Poetry. A Broadcast / The Collected Works of W.B. Yeats Vol. V: Later Essays. Simon and Schuster, 1994. P. 89–102.
5. Chang J. Can't Stop Won't Stop: A History of the Hip-Hop Generation. Picador, 2005. 546 p.
6. Datesman M.K., Crandall J. American Ways: An Introduction to American Culture (3rd Edition). Pearson Education ESL, 2005. 296 p.
7. Eastwood E., Hinton E. How WSJ Used an Algorithm to Analyze 'Hamilton' the Musical // Электронный ресурс Интернет: <http://graphics.wsj.com/hamilton-methodology/>.
8. Шапир М.И. На подступах к общей теории стиха (основные методы и понятия) // Славянский стих. Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. М., 2001. С. 13–26.
9. Кружков Г.М. «Буффон»: о Джоне Скельтоне / Кружков Г.М. Лекарство от Фортуны. Поэты при дворе Генриха VIII, Елизаветы Английской и короля Иакова. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2002. С. 14–20.

Сведения об авторе

Лукманова Ольга Борисовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: estson@gmail.com

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 811:378.147

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ЛИЧНОСТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В.В. Сохранов-Преображенский, Е.Н. Нужина

Пензенский государственный университет, Пенза

В статье рассматривается проблема формирования эффективной личностной позиции студентов технического вуза в процессе интерактивного взаимодействия с преподавателем иностранного языка – в его целостном воздействии на готовность обучающихся к реализации смысловой позиции в ходе изучения иностранного языка, анализируются данные психолого-педагогических и методических исследований смыслообразующего изучения иностранного языка с точки зрения выявления поликультурных приоритетов в выборе респондентами факторов дидактической коммуникации, оказывающих наибольшее влияние на их личностные и профессиональные установки.

Ключевые слова: формирование, технический вуз, эффективная личностная позиция, учебные действия, смысл, изучение иностранного языка.

Shaping an Effective Personal Position in Technical University Students Through a Meaning-Making Process of Learning a Foreign Language Vladimir Sokhranov-Preobrazhensky, Elena Nuzhina

The article deals with the problem of shaping an effective personal position in students of technical universities in the process of interactive interaction with a foreign language teacher. It looks at the holistic impact of such interaction on the readiness of students to express their personal position in the course of learning a foreign language. It also analyzes the data provided by psychological, pedagogical, and methodological studies of meaning-making foreign language acquisition, seeking to identify multicultural priorities of respondents as they choose didactic communication factors that have the greatest impact on their personal and professional attitudes.

Key words: formation, technical university, effective personal position, educational actions, meaning, learning a foreign language.

Необходимость и своевременность анализа проблемы возможности формирования эффективной личностной позиции обучающихся в процессе обучения, в частности иностранному языку, обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, имеет место наличие общих закономерностей развития систем образования мировых развитых стран, к которым относятся информатизация и интеграция. Универсальность проблем, возникающих при этом, проявляется в их субъектности и наличии адекватных моделей их реализации в процессе урбанизации жизнедеятельности человека. В связи с этим все большее распространение получает теория универсальности деятельности личности по структуре, предусматривающая выявление пяти основных этапов ее действия, к которым можно отнести постановку цели, определение модели действия, реализацию действия, его коррекцию и последующий анализ его результативности.

Причем, деятельность личности, в том числе и учебная, реализуется в условиях значительного роста и динамики поликультурной идентификации и взаимодействия представителей различных научных школ, использующих адекватные механизмы построения и реализации разнообразных проектов. Тем самым возрастает значимость изучения социокультурных основ формирования эффективной личностной позиции обучающихся в системе современного образования в целом и, в частности – в процессе изучения иностранного языка, особенно в неязыковых вузах.

Готовность студентов к проявлению эффективной личностной позиции в процессе изучения иностранного языка формируется прежде всего в процессе их смыслообразующей профессионально направленной языковой подготовки.

В современной научной литературе представлены теории и практические разработки по моделированию эффективной позиции обучающихся в процессе смыслового изучения иностранного языка.

Проблемы смыслообразующего использования дидактических методов на основе технологии метапроектного обучения исследовали И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, К.Ю. Колесин, И.А. Рудакова, В.Я. Ступаков.

В исследованиях И.В. Абакумовой, И.Е. Нестеренко, И.А. Рудаковой, В.Я. Ступакова и др. показана роль учебной задачи в процессе моделирования эффективной позиции обучающихся [1].

Теории смысла и динамики смыслового развития личности раскрываются в работах А.Г. Асмолова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, С.Я. Рубинштейна [2].

Концепции смысловой регуляции в учебном процессе анализируют И.В. Абакумова, А.Г. Асмолов, И.А. Васильев, В. Ключко, В.Э. Мильман, М.С. Нырова, Х. Хекхаузен.

В исследованиях И.В. Абакумовой, А.А. Вербицкого, П.Н. Ермакова, В.В. Сохранова-Преображенского исследуются системы смыслообразующего контекста, призванного формировать смысловые конструкты в профессиональном успехе личности; формировать и развивать у студентов готовность к моделированию эффективной позиции при психолого-педагогическом и методическом сопровождении развития личностного смысла овладения иностранным языком.

Проблемы методики обучения и овладения иностранным языком исследуют Б.А. Жигалев, Г.А. Китайгородская, Р.П. Мильруд, Е.И. Пассов, А.Н. Шапов, Т. Роджерс, Ф. Смит [3].

Коммуникативные аспекты эффективной позиции студентов анализируют А.А. Бодалев, А.А. Вербицкий, Д.А. Леонтьев, В.А. Сластенин и др.

Несмотря на значительные результаты, достигнутые современной отечественной педагогикой и методикой в изучении проблем смыслообразующего обучения студентов иностранному языку, ряд вопросов теоретического и практического плана в аспекте реализации системно-деятельностного и компетентностного подхода к смыслообразующему развитию готовности студентов к реализации эффективной личностной позиции обучающихся остается нерешенным, в связи с чем в образовательном процессе, в который включены студенты, возникают определенные противоречия между:

– потребностью студентов в получении высшего образования и недостаточной готовностью образовательной среды вуза к их смыслообразующей профессиональной подготовке на основе концепции компетентного и личностно ориентированного сопровождения учебной деятельности обучающихся, проявляющего

их готовность к реализации эффективной личностной позиции обучающихся;

– сложившимся опытом профессиональной подготовки студентов и их готовностью к самостоятельному моделированию эффективной позиции в ходе изучения иностранного языка;

– возможностью реализации интерактивных технологий развития готовности к реализации эффективной личностной позиции обучающимися и смысловыми основами обучения студентов иностранному языку.

Исходным теоретическим обоснованием проводимого в Пензенском государственном университете исследования является анализ понятий «эффективная учебная позиция», «готовность студентов к реализации эффективной личностной позиции в смыслообразующем профессионально направленном изучении иностранного языка».

Опираясь на логические законы построения дефиниций, мы определяем понятие «эффективная личностная позиция обучающихся» в широком и узком смысле. В широкой трактовке она проявляется в виде способностей студентов к самоорганизации путем овладения дидактическим и профессионально значимым опытом поликультурного овладения иностранным языком.

В конкретном прочтении эффективную личностную позицию обучающихся можно рассматривать как совокупность действий студента, обеспечивающих его самоидентичность, компетентность и готовность к самоорганизации в ходе профессионально направленной учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка и использования сформированных компетенций в поликультурном взаимодействии с носителями языка.

Готовность студентов реализовать эффективную личностную позицию в профессионально направленном смыслообразующем изучении иностранного языка раскрывает их готовность к использованию средств коммуникации, технологий профессионально направленной учебной деятельности и коммуникативных личностных свойств, способствующих реализации основ самоорганизации с целью преодоления регулятивных и лингвистических различий.

В ходе опытно-экспериментальной работы определяется понятие «готовность к реализации студентами эффективной

личностной позиции в профессионально направленном изучении иностранного языка». Его сущность рассматривалась как процесс и результат приращения у обучающихся речевых умений и навыков, развитие способности к использованию иностранного языка как средства профессионально направленной самоорганизации.

Опытное обоснование исследуемого процесса раскрывается в ходе мониторинга начального уровня готовности студентов к реализации эффективной позиции, ее развития и анализа полученных данных.

Целью мониторинга является определение готовности студентов к реализации эффективной личностной позиции в профессионально направленной смысловой учебной деятельности в ходе изучения иностранного языка.

Мониторинг осуществлялся на основе реализации совокупности методов и методик, к которым отнесены включенное наблюдение, тестирование, анкетирование, беседы, моделирование коммуникативных ситуаций, дидактические игры; определение уровня общительности (тест В.Ф. Ряховского), диагностика экстравертированности-интравертированности (личностный опросник Г. Айзенка), эмпатии (методика А.А. Меграбяна), рефлексии (методика А.В. Карпова), опросник Д. Брауна «Стратегии изучения английского языка» [4].

Полученные результаты анализировались с помощью статистических методов обработки полученных данных (шкала балльных оценок, шкала отношений, критерий Пирсона).

Исходным моментом констатирующего этапа является диагностика уровня сформированности эффективной позиции студентов, результатом которой стало выявление различий в показателях исследуемого процесса.

Используются в качестве параметров оценивания лексический, фонетический, грамматический, социолингвистический и дискурсивный.

В процессе мониторинга выделены высокий (персонификация), средний (индивидуализация) и низкий (идентификация) уровни сформированности готовности студентов к реализации эффективной позиции в ходе профессионально направленной смысловой учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка. Так,

например, лишь 14 % студентов проявили высокий уровень лексической компетенции; лишь 7 % студентов проявили высокий уровень фонетической, грамматической и дискурсивной компетенции; лишь 5 % студентов обладают высоким уровнем социолингвистической, социокультурной и социально-психологической компетенции.

Подобные результаты свидетельствуют о необходимости разработки и реализации модели формирования эффективной позиции студентов в процессе смыслообразующего обучения иностранному языку.

В традиционный образовательный процесс по обучению иностранному языку внесены изменения в организацию и проведение учебных занятий, стратегию преподавания и технологию взаимодействия со студентами:

- проведение в рамках дисциплины «английский язык» вербального насыщения студентов основами эффективной личностной позиции;
- использование игровых и проектных технологий в ходе формирования у студентов эффективной личностной позиции;
- проведение занятий на основе методики сказкотерапии, арт-терапии;
- включение в учебные занятия по практической грамматике английского языка элементов музыкотерапии и комиксов;
- организация взаимодействия в рамках работы студенческого клуба.

Реализация модели формирования готовности студентов к эффективной позиции в ходе профессионально направленной смысловой учебной деятельности потребовала также и корректировки процесса взаимодействия преподавателей иностранного языка и студентов.

Преподаватель иностранного языка выступал в качестве консультанта, задающего вектор интеллектуального, профессионального и духовного развития студентов, ориентируя студентов на творческую самоорганизацию в учебной деятельности, обеспечивающего методическое и психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования эффективной позиции студентов.

Уровень сформированности эффективной позиции студентов, основанной на иноязычной коммуникативной компетентности студентов, выявлялся с помощью специально разработанных срезов на основе представленных критериев и дифференцировался как высокий, средний, низкий. С целью определения исходного уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетентности студентов проведен срез, в ходе которого установлено, что обучающиеся экспериментальной и контрольной группы имели низкий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции.

На формирующем этапе исследования осуществлялась реализация разработанной методики использования ситуативно-задачного моделирования взаимодействия преподавателя иностранного языка и студентов как средства развития готовности студентов к реализации эффективной позиции в профессионально направленной смыслообразующей учебной деятельности в ходе изучения иностранного языка [5].

Дополнительно в образовательный процесс были интегрированы иноязычные комиксы с соответствующим комплексом упражнений. Обучающимся предлагались письменные домашние задания для самостоятельной работы.

С учетом требований образовательной программы разработан алгоритм исследуемого процесса.

1. Обеспечение студентов знаниями о технологии формирования их готовности к реализации эффективной позиции в ходе профессионально направленной смысловой учебной деятельности по изучению иностранного языка.

2. Объединение учебного материала в тематические блоки (языковой, речевой, социокультурный и коммуникативный).

Языковой блок представлен в виде системы грамматических конструкций, лексических единиц и фонетических моделей, необходимых студентам для реализации эффективной позиции.

Речевой и социокультурный блоки рассматриваются в виде системы текстовых, аудио- и видеоматериалов, обеспечивающих студентов компетенциями использования лингвокультурных особенностей языка и стимулирующих развитие необходимых

компетенций в различных видах речевой деятельности в рамках заданной темы.

Коммуникативный блок имеет вид совокупности моделей лингвоповедения, коммуникативных техник, характерных коммуникативных ситуаций.

3. Эффективная позиция студентов развивается на основе продуктивного коммуникативного взаимодействия; закрепления новых лексико-грамматических конструкций и фонетических моделей.

4. Проектные формы развития эффективной позиции в виде грамматических, лексических, дидактических игр.

5. Тренинг развития готовности студентов вуза к реализации эффективной позиции в ходе профессионально направленной смысловой учебной деятельности по обучению иностранному языку в техническом вузе.

6. Реализация техники сказкотерапии в целях развития навыков эмпатии и рефлексии студентов.

7. Организация самостоятельной работы студентов на основе проектной методики. Для выполнения проектов студенты делятся на группы по готовности студентов вуза к реализации эффективной позиции в ходе профессионально направленной смысловой учебной деятельности в процессе изучения иностранного языка.

Опытная работа позволила получить некоторые результаты в развитии эффективной позиции.

Так, студенты экспериментальной группы на основе разработанной дидактической модели формирования эффективной позиции увеличили проявление персонификации более чем в два раза.

Количество студентов с уровнем индивидуализации проявления эффективной позиции увеличилось на 34 %, что свидетельствует о положительной динамике смыслообразующего формирования эффективной позиции студентов в процессе обучения иностранному языку.

Обоснование достоверности разработанной модели формирования эффективной позиции студентов в процессе смыслообразующего обучения иностранному языку основывалось на реализации основ математической статистики. Для оценки достоверности различий используется критерий χ^2 Пирсона. Так, по

полученному до начала формирующего этапа эксперимента $\chi^2_{\text{конст}} \leq \chi^2_{0,05}$ можно констатировать, что распределение студентов экспериментальной и контрольной группы по уровням сформированности эффективной позиции до начала формирующего этапа эксперимента существенно не отличается [6].

Уровень сформированности эффективной позиции студентов в экспериментальной группе выше, чем в контрольной, что доказывает статистическую значимость данных, полученных в ходе эксперимента.

Готовность студентов реализовать эффективную позицию в учебной деятельности основывается на их владении средствами коммуникации, способами деятельности и коммуникативными характеристиками личности.

Анализ полученных в процессе исследования материалов позволяет сделать некоторые выводы относительно формирования эффективной личностной позиции студентов технического вуза в процессе профессионально направленного смыслообразующего изучения иностранного языка:

1. Формирование эффективной позиции студентов вуза понимается как приращение у них языковых знаний и соответствующих им речевых умений и навыков; развитие способностей к использованию иностранного языка как средства преодоления коммуникативных барьеров в процессе профессионально направленной учебной коммуникации.

2. Формирование эффективной позиции студентов рассматривается как одна из целей их профессиональной подготовки, так как готовность реализовать эффективную позицию позволяет реализовать полученные профессионально значимые знания, умения и компетенции в процессе коммуникативного взаимодействия с партнером по общению, что лежит в основе успешности будущей профессиональной деятельности студентов.

3. Проведенная опытно-экспериментальная работа показала, что формирование эффективной позиции студентов в процессе обучения иностранному языку требует совершенствования каждого из составляющих ее структуру компонентов. Это обусловило необходимость разработки модели, направленной на расширение опыта коммуникативного взаимодействия, формирование

коммуникативной и общекультурной компетенции как компонентов эффективной позиции.

4. В целях эффективности реализации разработанной модели в техническом вузе соблюдены специальные педагогические условия:

– использование в процессе изучения иностранного языка смыслообразующих профессионально направленных интервальных повторений;

– дополнение традиционных алгоритмов изучения иностранного языка необходимым смысловым личностным и профессиональным контентом;

– обеспечение смыслообразующего взаимодополнения новых знаний и умений чтения, говорения, письма и аудирования с известными лексическими построениями.

Библиографический список

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе. Рн/Д, 2006. 480 с.

2. Кулиева Е.Н. Смыслообразование студентов в процессе изучения иностранного языка – основа их готовности к профессиональной самореализации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3. Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. С. 249–257.

3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.

4. Brown H.D. Teaching by Principles. London, 2007. 491 p.

5. Кулиева Е.Н., Сохранов-Преображенский В.В., Мещерякова О.В., Мишутина О.В. Технология смыслообразующего обучения английскому языку будущих специалистов технопарков: Учеб.-методич. пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. 86с.

6. Загвязинский В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования: Учебное пособие. 6-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 208 с.

Сведения об авторах

Сохранов-Преображенский Владимир Васильевич
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры «Педагогика и психология»
Пензенского государственного университета
E-mail: prof_sochranov@mail.ru

Нужина Елена Николаевна
старший преподаватель
кафедры «Иностранный язык»
Пензенского государственного университета
E-mail: eka5626556@yandex.ru

УДК 81'253:378.147

**ОБУЧЕНИЕ ВНУТРИЯЗЫКОВОМУ ПЕРЕВОДУ КАК
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ТРЕНИНГА УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА**

Ю.О. Стрекаловская

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается понятие внутриязыкового перевода, его основные особенности и виды. Обосновывается необходимость использования упражнений, направленных на отработку навыков внутриязыкового перевода на подготовительном этапе обучения устного переводчика с целью развития вербальной лабильности обучающихся. Описываются основные упражнения на внутриязыковой перевод.

Ключевые слова: устный перевод, дидактика переводческой деятельности, внутриязыковой перевод, переформулирование, вербальная лабильность.

**Intralingual Translation / Interpretation as a Preparatory Stage for Professional
Training of Interpreters
Yulia Strekalovskaya**

The article considers the concept of intralingual translation / interpretation, its main features and types, and substantiates the necessity of using intralingual translation / interpretation exercises at the preparatory stage of training interpreters as an effective means of developing verbal agility. The article also provides descriptions of basic intralingual translation / interpretation exercises.

Key words: interpretation, didactics of interpretation, intralingual translation / interpretation, reformulation, verbal agility.

Устный переводчик должен обладать широким арсеналом различных профессиональных умений и навыков. Среди прочих необходимо отметить наличие вербальной лабильности, то есть умения передавать, формулировать и переформулировать смысл сообщения на родном и иностранных языках в соответствии с дискурсивным контекстом, подбирать соответствующие синонимические средства для передачи смысла. Такая способность является показателями высокого уровня владения как родным, так и иностранным языком [1. С. 22].

Лабильность в физиологии определяется как функциональная подвижность, скорость протекания элементарных циклов возбуждения в нервной и мышечной тканях. Понятие «лабильность»

введено русским физиологом Н.Е. Введенским, который считал мерой лабильности наибольшую частоту раздражения ткани, воспроизводимую ею без преобразования ритма [2]. С точки зрения дидактики переводческой деятельности устный переводчик должен обладать определенными видами вербальной лабильности, лексической и грамматической, то есть быть способным выразить одно и то же содержание разными способами. Вербальная лабильность проявляется на разных уровнях: на уровне синонимии и антонимии, грамматических конструкций, перифразирования.

Когда в переводоведении говорят об освоении переводчиком различных видов переводческих трансформаций, имеется в виду уровень развития вербальной лабильности переводчика, его способность быстро принимать верные лексические и грамматические решения, используя приемы синонимии, антонимии, компрессии и т. д.

Развитию вербальной лабильности будущего устного переводчика во многом способствуют упражнения на внутриязыковой перевод. Многие переводоведы и специалисты по дидактике перевода уделяют особое внимание и переформулированию как процессу. По мнению Р. Якобсона, любой перевод представляет собой переформулирование со сменой вербального кода и может быть внутриязыковым (интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка), межъязыковым (интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка), межсемиотическим (интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем) [3].

М.Ю. Бродский под **внутриязыковым переводом** понимает хотя и нечастые, но всё же встречающиеся в реальной жизни случаи перевода с диалекта на литературный язык, малопонятной речи ребёнка на «взрослую» речь и обратно («мамин язык», англ. *motherese*), с жанра на жанр – одним словом, все те ситуации, в которых шутливо говорят или могут сказать: «Не понял. Переведи!» [4. С. 16].

А. Паршин отмечает, что переводы, выделяемые по соотношению типов языка перевода и языка оригинала, могут подразделяться на: **внутриязыковой перевод** (истолкование словесных знаков посредством знаков того же языка),

диахронический (исторический) перевод (перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи), **транспозицию** (перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль) [5].

Говоря о внутриязыковом переводе, мы имеем в виду процессы переформулирования (замены слова / словосочетания синонимом, антонимом, его определением) и перефразирования (переформулирования фразы / предложения с использованием приемов речевой компрессии, развертывания, генерализации и т. п.). Можно подразделить переформулирование в устном переводе на несколько видов по его функции: объяснение, дефиниция, на лексическом уровне, стилистическое переформулирование, на фразовом или текстовом (дискурсивном) уровне. Будущих переводчиков необходимо обучать основам внутриязыкового переформулирования для обогащения их словарного запаса и, как следствие, развития вербальной лабильности, необходимой для быстрого и четкого формулирования мысли на переводящем языке даже в условиях, когда нужное слово / термин не удастся вспомнить. Рассмотрим подтипы упражнений, которые могут быть использованы с этой целью на занятиях по устному переводу.

По справедливому замечанию А.В. Пушкиной, упражнения на переформулирование (внутриязыковой перевод) позволяют обучающимся развивать речевую гибкость (т. е. вербальную лабильность). Предлагая до трех-четырех вариантов одного предложения, обучающийся тем самым развивает умение «варьировать средства языкового выражения» для оптимального переводческого решения [6. С. 178]. Это позволяет избегать длинных пауз, потерянности в процессе осуществления устного перевода, когда переводчик не знает, как начать, полагая, что вариант перевода может быть один, стесняется, на его взгляд, недостаточно красивого оформления речи и т. д. При этом Г.Э. Мирам полагает, что это также позволяет «снять психологический стресс при переводе и сделать процесс перевода более комфортным и естественным» [7. С. 72]. Поэтому подбор разных вариантов перевода одного предложения, их сопоставление поможет прийти к оптимальному переводческому решению, будет способствовать минимизации переводческих ошибок:

самоповторов, опущений, добавлений, лексико-грамматических ошибок [8. С. 91].

Е.Р. Поршнева, говоря о языковом обучении будущих переводчиков, отмечает, что освоение навыков внутриязыкового перевода позволяет обучающимся «научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия». Такие умения являются профессионально значимыми для устного переводчика [9. С. 141]. Идеи, высказанные Е.Р. Поршневой, уже используются на кафедре теории и практики французского языка и перевода переводческого факультета НГЛУ на этапе языкового обучения будущих переводчиков. Наша задача – апробировать данную методику и на этапе обучения собственно устному переводу.

В процессе обучения устному переводу развитие навыков внутриязыкового перевода должно происходить параллельно с развитием иных профессиональных переводческих навыков. Могут быть использованы такие предпереводческие упражнения, как реферирование текста на родном, а затем на иностранном языке, смысловое расширение текста на родном и иностранном языке, переход от одного функционального стиля к другому, переход от одного дискурсивного жанра к другому, упражнения на подбор синонимов или антонимов к заданному слову и выражению. Такие упражнения должны носить тренинговый характер. Подчеркнем, что при их выполнении особенно важно оценивать скорость реакции обучающихся.

Тем не менее, проанализировав три классических пособия по устному переводу [10; 11; 12], можно заключить, что ранее авторы не выделяли упражнения на внутриязыковой перевод как необходимые при обучении переводчиков. А.Ф. Ширяев не упоминает в своем пособии упражнений на внутриязыковой перевод. В системе упражнений, представленных в этом пособии, фигурирует только упражнение на речевую компрессию на уровне словосочетаний, на уровне фраз и на уровне сверхфразовых единств. При этом используются две формы упражнения: беглый перевод с листа и перевод на слух [10. С. 149–150.].

Г.В. Чернов, рассуждая об особенностях языковой подготовки переводчиков-синхронистов, отмечает, что «надежность восприятия

(избыточность и, следовательно, повышение точности вероятностного прогноза) переводчика-синхрониста может существенно повыситься, если он вооружится знанием типичной (нормативной) сочетаемости лексических единиц ИЯ» [11. С. 171]. Тем не менее, в пособии не упоминается о необходимости развития подобного навыка на родном языке. Владение устойчивыми лексическими сочетаниями как на родном, так и на иностранном языках, является одним из основополагающих навыков для устного переводчика.

И.С. Алексеева в свою очередь выделяет отдельные упражнения на синтаксическое развертывание, речевую компрессию, описательный перевод, генерализацию, антонимический перевод [12. С. 86–95]. Такие упражнения направлены на развитие навыка применения комплексных речевых трансформаций, которые переводчик «производит по собственной инициативе и которые требуют переводческого решения» [12. С. 93]. Автор отмечает, что подобные упражнения необходимы для осознания приемов автоматизации переводческой практики.

На основе упражнений, предложенных И.С. Алексеевой, может быть разработан обучающий комплекс заданий, целью которого является развитие навыков внутриязыкового перевода на основе родного и иностранного языков. В комплекс могут быть включены упражнения на лексико-синтаксические, лексико-семантические, синтаксические, а также глубинные трансформации [9. С. 141–143]. В качестве вводных предпереводческих упражнений на начальном этапе обучения устному переводу предлагается использовать упражнения на внутриязыковое описание, синонимический и антонимический внутриязыковой перевод, внутриязыковую генерализацию, компрессию и синтаксическое развертывание.

Внутриязыковое описание. Обучающимся необходимо объяснить значение следующих слов и словосочетаний.

На основе русского языка: геноцид, тонометр, инфляция, безработица, автобиография, клавишник, перерабатываемые материалы, принцип «ноль отходов», умножение, договор (контракт), конфликт, педаль газа, автопилот, инфраструктура, коворкинг, домашний арест и т. д.

На основе французского языка: *la mondialisation, le recyclage, la trinité, l'instinct maternel, l'investisseur, les matières premières, le bilan*

commercial, l'électroencéphalogramme, l'obésité, la parité, la boussole, la culture d'entreprise, la fuite des cervaux etc.

При объяснении значения слова или словосочетания обучающийся не может прибегать к использованию однокоренных слов. Таким образом, создается ситуация, при которой будущему переводчику необходимо активизировать весь свой лексический запас, чтобы точно и понятно объяснить значение нужного термина. Упражнение повышает лексическую лабильность обучающегося, развивая навык описательного перевода, и способствует обогащению когнитивного багажа.

Синонимический и антонимический внутриязыковой перевод. Обучающийся подбирает к заданным терминам сначала синонимы, затем антонимы (при наличии) на том же языке. Основная цель – вспомнить как можно больше слов за минимум времени. Преподаватель может использовать термины из предыдущего упражнения или расширить список, добавляя больше слов общего значения, которые часто «вылетают из головы» в процессе осуществления устного перевода.

Например: конференция – синонимы: симпозиум, конгресс, встреча, мероприятие; имидж – синонимы: образ, репутация, стиль; незначительный – синонимы: незаметный, неважный, небольшой, второстепенный; антонимы: большой, серьезный, значительный, значимый, важный.

Внутриязыковая генерализация. Обучающиеся должны подобрать обобщающий синоним для предложенных терминов. В качестве материала желательно использовать узкоспециальные термины, которые могут потребовать обобщения: «Воспользуйтесь домкратом» – «Воспользуйтесь СПЕЦИАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ». Можно также включить в список ряды из нескольких терминов, например: «Проводятся ремонтные работы в школах и детских садах региона» – «Проводятся ремонтные работы в ДЕТСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ региона».

Внутриязыковая компрессия и синтаксическое развертывание. Обучающимся предлагается либо сократить, либо расширить отдельные предложения. На начальном этапе могут быть даны точные указания по количеству лексических единиц в предложении. Кроме того, преподаватель может выделить

лексические единицы, подлежащие опущению / замене. На продвинутом этапе обучающиеся самостоятельно принимают решение и выбирают основу трансформации.

Например: переформулируйте предложение, используя компрессию выделенных отрывков – *Le discours qu'il a prononcé (1) à cette occasion était très attendu (2) et doit ouvrir une phase plus sociale (3) du quinquennat*; переформулируйте, используя синтаксическое развертывание выделенных отрывков – «Мы (1) предлагаем новый план (2) развития региона (3)».

Все вышеперечисленные упражнения рекомендуется вводить на первых занятиях по устному переводу, начиная с упражнений на внутриязыковой перевод на родном языке и постепенно вводя упражнения на иностранном языке. Начиная со 2-3-го занятия можно комбинировать такие упражнения с заданиями на резюмирование небольших текстов или пересказ-объяснение коротких новостных статей на актуальные темы. Упражнения на лексические и грамматические трансформации могут быть использованы на протяжении всего курса обучения устному переводу для переключения внимания обучающихся в течение занятия (отдых между упражнениями), для отработки тематической лексики при подготовке к переводу в конкретной ситуации и т. д.

Материалы для упражнений подобного рода могут быть сгруппированы случайным образом и относиться к разным тематическим областям, а могут относиться к одной тематике и служить для подготовки к переводу в конкретной, уже известной ситуации устной переводческой деятельности (например, перевод при пуско-наладке нового оборудования на предприятии, перевод лекции по экологии, перевод на подписании договора и т. д.).

Для развития у студентов-переводчиков навыков внутриязыкового формулирования в рамках опытного обучения, проводимого на переводческом факультете НГЛУ им. Н.А. Добролюбова в четырех группах на начальном (вводном) этапе обучения (сентябрь), обучающиеся ознакомились с основами внутриязыкового перевода и выполняли упомянутые выше задания.

В процессе обучения были также использованы упражнения на: внутриязыковое реферирование услышанного (прочитанного) текста на РЯ или ИЯ, восстановление содержания услышанного сообщения

по ключевым словам (привести примеры текстов и ключевых слов). В качестве материалов использовались устные сообщения общественно-политической тематики. Целью упражнений являлось формирование навыков переформулирования внутри одного языка (родного или иностранного).

В результате проведенного опытного обучения студенты продемонстрировали умение преодолевать стрессовые состояния, связанные с подбором лексических и синтаксических средств в процессе устного перевода, показали большую заинтересованность в профессиональной переводческой деятельности и осмысленный подход к ее осуществлению в рамках различных переводческих мероприятий (перевод на конференции, имитационно-деловая игра, сопровождение иностранных гостей).

Библиографический список

1. Поршнева Е.Р. Междисциплинарные основы базовой лингвистической подготовки специалиста-переводчика: Автореферат дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2004. 42 с.
2. Лабильность // Психологос. Энциклопедия практической психологии // Электронный ресурс Интернет: <https://www.psychologos.ru/articles/view/labilnost>.
3. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
4. Бродский М.Ю. Устный перевод. История и современность: учебное пособие. Екатеринбург: АМБ, 2012. 261 с.
5. Паршин А. Теория и практика перевода. СПб.: СГУ, 1999. 202 с.
6. Латышев Л.К. Перевод: Теория, практика и методика преподавания. М.: Издательство «Академия», 2008. 192 с.
7. Мирам Г.Э. Практический перевод: заметки к лекциям. К.: НикаЦентр, 2005. 184 с.
8. Пушкина А.В. Обучение устному последовательному переводу студентов-лингвистов в рамках программы «Второе высшее образование»: Дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2015. 189 с.
9. Поршнева Е.Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // Вестник Нижегородского

государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. Вып. 29. С. 136–150.

10. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

11. Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 208 с.

12. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 288 с.

Сведения об авторе

Стрекаловская Юлия Олеговна
ассистент кафедры теории и практики
французского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: yulia.o.papilova@gmail.com

УДК 81'272(470+571):81'272(4)

КОНЦЕПЦИИ ПОЛИ- / МУЛЬТИ- И ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Л.П. Халяпина

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург*

Статья посвящена анализу научных подходов и идей в решении проблем лингвистической безопасности, которые могут быть предложены средствами таких наук, как лингводидактика и теория обучения иностранным языкам. Для поиска путей решения этих вопросов автор предлагает обратиться к сопоставительному анализу таких научных теорий, которые позволяют прежде всего преодолеть доминирование однополярной ориентации общества на один из мировых языков и способствовать развитию многоязычия и поликультурности общества. В качестве таких теорий и концепций предлагается рассматривать мультилингвизм, популярный в странах Евросоюза, концепции поли- / мульти- и плюрилингвального обучения, характерные для языковой политики и теории языкового образования в Российской Федерации.

Ключевые слова: лингводидактика, мультилингвизм, мультилингвальное обучение, полилингвальное обучение, плюрилингвальное обучение, этнолингводидактическая модель, триада родной – русский – иностранный языки.

Concepts of Polylingual, Multilingual, and Plurilingual Training in Domestic and Non-Domestic Language Policy

Lyudmila Khalyapina

The article examines scholarly approaches and ideas for addressing problems of linguistic safety, offered by experts in linguodidactics and theorists of foreign language learning. The author suggests compiling a comparative analysis of those theories that seek to overcome, first of all, the currently predominant unipolar orientation to only one of the world languages, and to contribute to the development of multilingualism and polyculturalism of the society. The author commends theories and concepts that promote multilingualism, popular in the European Union, as well as concepts of polylingual, multilingual, and plurilingual training, which undergird language policy and all theory of language education in the Russian Federation.

Key Words: linguodidactics, multilingualism, multilingual education, polylingual education / training, plurilingual education / training, ethnolinguo-didactic model, the native-Russian-foreign language triad.

Вопросы языковой политики и лингвистической безопасности являлись прежде и являются в настоящее время крайне важными, имеющими отношение не только к развитию собственно языковой

системы, но и к вопросам политики и культуры. Следует отметить, что, если в прежние годы к лингвистической безопасности обращались прежде всего при изучении тех случаев, явлений и их воплощений в языке и речи, которые квалифицировались в качестве нарушений: порочащие сведения, оценочные суждения, оскорбление и клевета, неприличная форма выражения, возбуждение национальной, расовой вражды и пр. (Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков), то в последние годы толкование «лингвистической безопасности» расширяется [1]. В связи с внешними воздействиями, обусловленными прежде всего процессами глобализации, внутренним неустройством в сфере образования, воспитания, национальных отношений, исследователи связывают обеспечение национальной безопасности России с задачей обеспечения лингвистической безопасности **русского языка**. Так, А.А. Бартош, член-корреспондент Академии военных наук, директор Информационного центра по вопросам международной безопасности МГЛУ, выделяет геополитические, собственно политические, социальные, личностные факторы конструктивного и деструктивного характера, влияющие на лингвистическую безопасность [2]. Вопросам лингвистической безопасности посвящены и работы ректора Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова профессора Б.А. Жигалева [3].

Особенно актуальной эта проблема становится в условиях глобализации, когда возрастает опасность доминирования одних языков и культур и нивелирования других. Проблема сохранения культурной и национальной идентичности становится одной из ведущих в данных условиях. Стратегический вектор данной трактовки лингвистической безопасности России задан в 2006 г. И.И. Халеевой, которая в статье «Лингвистическая безопасность в России» дала характеристику трех аспектов лингвистической безопасности – политического, социального и личностного, и обратила внимание на такой источник опасности, как **однополярная ориентация общества на один из мировых языков**, выступающий в настоящее время в качестве важнейшего средства коммуникации [4. С. 104].

Таким образом, в данной статье хотелось бы ответить на ряд вопросов: 1) каким образом современные концепции поли- / мульти- и

плюрилингвального обучения призваны решать вопрос сохранения языкового разнообразия в зарубежной языковой политике? 2) каким образом современные концепции поли/мульти и плюрилингвального обучения призваны решать вопрос сохранения языкового разнообразия в отечественной языковой политике? 3) какие современные тенденции социально-экономического развития способствуют развитию новых направлений и подходов в развитии методики обучения иностранным языкам, в частности плюрилингвальному обучению?

Для того чтобы постараться ответить на эти вопросы, обратимся к двум сторонам исследования: законодательному обоснованию языковой политики в России и странах Европейского союза и методическим подходам к обучению иностранным языкам как средству реализации языковой политики государств.

Языковая политика – это совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией или этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм.

В странах Евросоюза политика мультилингвизма является одной из первоочередных задач развития Европейского союза. Под мультилингвизмом при этом понимается возможность сообществ, групп, институтов и граждан владеть на постоянной основе более чем одним языком в повседневной жизни.

Благоприятствование изучению иностранных языков приобрело особый статус, стало одним из направлений деятельности Еврокомиссии и оформилось в политику в сфере обучения иностранным языкам (*Language Learning Policies*) [5].

В 2002 году на Барселонском саммите Евросоюза принята программа внедрения в образовательные программы государств принципа «родной язык плюс два иностранных» и «индикатора лингвистической компетентности», что явилось важнейшим этапом развития европейской языковой политики. При этом изучение второго или третьего иностранного языка в дополнение к своему родному рассматривается как возможность стать более открытыми к другим взглядам и культурам, совершенствовать познавательные способности и знание своего родного языка, возможность давать

людям свободу в выборе места работы и учебы в любой стране ЕС [6].

Иначе говоря, политика мультилингвизма дает возможность уйти от доминирования одного языка межкультурного общения – английского и способствовать возвышению значимости других языков, прежде всего, французского и немецкого, хотя и другие языки несколько не умаляются.

Второй вопрос: каким образом современные концепции поли- / мульти- и плюрилингвального обучения призваны решать вопрос сохранения языкового разнообразия в отечественной языковой политике?

Что касается языковой политики в Российской Федерации, то здесь, конечно, другие политические и экономические ориентиры.

Основные принципы языковой политики РФ изложены в федеральных законах «О государственном языке Российской Федерации» (2005), «О языках народов Российской Федерации» (1998), в Конституции Российской Федерации (1993), т. е. вопросы языковой политики находятся в центре внимания общества и государства.

Вопросами сохранения языкового многообразия в России уже на протяжении лет занимались и продолжают заниматься ученые-методисты, исследующие концепции **полилингвального и мультилингвального обучения**.

Важным направлением с точки зрения рассматриваемой проблемы лингвистической безопасности можно назвать развиваемые в нашей стране две разные концепции: полилингвального и мультилингвального образования, основанные на триаде родной-русский-иностраный. Это специфические направления в системе языкового образования нашей страны, отражающие многонациональность и многоязычие России (около 150 языков насчитывается на территории России).

Под **полилингвальным обучением** понимается «процесс приобщения к мировой культуре средствами нескольких языков, когда изучаемые языки выступают в качестве способа постижения сферы специальных знаний, усвоения культурно-исторического и социального опыта различных стран и народов». При полилингвальном обучении иностранные языки (а также

государственный язык или второй язык) выступают в качестве языка обучения другим предметам (В.К. Кочисов и О.У. Гогицаева). Так, например, Г.Р. Тимирбаева пишет, что цель полилингвального обучения состоит в развитии полилингвальной и поликультурной компетенции и не предполагает обязательного одновременного изучения нескольких языков, а также овладение всеми языками на одинаковом уровне: «личность может очень хорошо знать свой родной язык, использовать в повседневном общении язык проживающей по соседству нации, читать на одном иностранном языке и разговаривать на другом иностранном языке» [7. С. 268].

Мультилингвальное обучение предполагает применение разнообразных образовательных моделей двуязычного (трехязычного и т. д.) обучения. Модель мультилингвального обучения представляет собой образовательную систему, направленную на формирование мультилингвальной личности учащегося, в которой соблюдается главное требование или главный принцип: обучение всем преподаваемым языкам на межпредметной основе, другими словами, **соизучение языков**. Например, хорошо известная в нашей стране теория мультилингводидактики, разработанная и успешно реализуемая доктором педагогических наук, профессором Н.В. Барышниковым.

Анализ лингводидактических теорий и концепций, обеспечивающих развитие общегосударственного языка (русского) во взаимодействии с другими языками (национальными языками народов Российской Федерации и иностранными языками) позволяет выделить:

1. **Этнолингводидактическую модель** (И.А. Арабов, З.Б. Абдуллаева, Н.В. Барышников, З.В. Корнаева, В.А. Власов), применяемую в условиях естественного билингвизма, которая разрабатывается Н.В. Барышниковым в Пятигорском государственном лингвистическом университете в условиях многоязычия Кавказа. Одной из актуальных задач современной отечественной лингводидактики, как считает ученый, является разработка инновационной методики обучения иностранным языкам, реализация которой обеспечила бы обучающимся способность к иноязычной равностатусной коммуникации, которая бы

способствовала приобщению, а не отчуждению от своей родной (этнической) культуры [8. С. 145].

2. Модель мультилингвального образования в полиэтническом регионе (Л.М. Малых, А.В. Жукова, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск), представляющую собой интегрированную образовательную программу соизучения национального (удмуртского), государственного (русского) и иностранных (английского и немецкого) языков в условиях полиэтнической образовательной среды [9].

3. Этнолингводидактический подход к формированию иноязычной грамматической компетенции в условиях чеченско-русского двуязычия [10].

4. Полилингвальное образование, опирающееся на этнопедагогическую методiku, которая способствует сохранению культурного разнообразия страны (В.К. Кочисов, О.У. Гогицаева). Площадкой для реализации такого обучения стала Республика Татарстан, где предметы ведутся на русском языке (государственный язык), на татарском языке (родной язык) и на английском (иностраннй язык) [11].

В качестве примера хотелось бы остановиться на модели мультилингвального образования в полиэтническом регионе (2). Прежде всего, к специфике языковой ситуации Удмуртии авторы относят билингвизм и даже трилингвизм подавляющего числа местного населения. Авторы отстаивают тезис о «перспективности дальнейшего развития инновационного мультилингвального образовательного пространства России», что является важным постулатом, признанным, с нашей точки зрения, решать одновременно две проблемы языковой политики нашего государства: 1) проблему повсеместного развития русского языка как общегосударственного; 2) проблему сохранения и развития родного языка (в том числе языков национальных меньшинств).

Речь идет об **интеграции русского, национальных и иностранных языков** в процессе научно-исследовательской и образовательной деятельности (русский, татарский, английский, немецкий, удмуртский). Интеграция системно охватывает учебную, воспитательную, проектно-исследовательскую деятельность обучающихся в процессе соизучения родного (татарского,

удмуртского), национального (русского) и иностранных языков. Важным условием такого образования является введение в учебный процесс языков малых народов наряду с языками межнационального общения.

В качестве ведущих принципов, которые в разной степени встречаются в перечисленных выше моделях, можно обозначить:

- принцип опоры на родной язык обучающихся (Т.И. Зеленина, Л.М. Малых, Я.Р. Хайдаров);
- принцип учета особенностей восприятия и усвоения изучаемого языка носителями других языков (В.Н. Вагнер);
- принцип использования естественного билингвизма в процессе изучения иностранных языков и культур (английский, немецкий и т. д.);
- принцип поликультурного воспитания (приобщение к этническим корням) (Н.В. Барышников).

Иначе говоря, рассмотренные модели полилингвального и мультилингвального обучения, несмотря на некоторые различия, в целом решают одну и ту же важную задачу – сохранение и развитие языкового и культурного многообразия и, как результат, противостояние политике глобализирующего влияния однополярной ориентации общества на один из мировых языков.

Наш третий вопрос: какие современные тенденции социально-экономического развития способствуют развитию новых направлений и подходов в развитии методики обучения иностранным языкам – в частности плюрилингвальному обучению?

Задача языковой политики заключается не только в сохранении государственного языка и национальных языков, но и в том, чтобы обеспечить гражданам страны хороший уровень образования в сфере иностранных языков для взаимодействия с представителями разных стран и культур (при этом наши студенты должны понимать, что иностранные языки – это хорошо, но родной язык и культура – лучше).

Несмотря на то, что рассмотренные выше модели полилингвального и мультилингвального обучения предполагали и интеграцию иностранных языков в общую систему языкового образования, хотелось бы остановиться ещё на одной современной тенденции, с которой мы столкнулись в Санкт-Петербургском

политехническом университете Петра Великого и которая заставила нас задуматься о разработке и внедрении нового подхода к обучению иностранным языкам. Речь идет об активном расширении программ академической мобильности, которые в большом количестве разрабатываются и предлагаются известным европейским фондом *Erasmus Mundus*. На сайте фонда насчитывается более 120 программ на уровне магистратуры для студентов разных стран. Идея этих программ заключается в том, чтобы для обучения по международным программам, содержательный компонент которых отвечает самым современным тенденциям развития науки и техники, привлечь наиболее талантливых молодых людей со всех стран мира. Идея действительно заслуживает всяческого одобрения, т. к. именно это поколение призвано совместно решать все возрастающие проблемы глобального характера. Обучение по данным программам ведется в разных странах (три-четыре страны за два года). Например, выделим программы, популярные среди студентов нашего университета: *European Master in Nuclear Fusion Science and Engineering Physics* (Европейский магистр в области ядерной физики и ядерных технологий) или *European Master in Space and Technology* (Европейский магистр по космическим технологиям) – для обучения предлагаются университеты Бельгии, Испании, Германии, Франции. Несмотря на то, что цикл профессионального обучения проходит на английском языке, одним из условий этих программ является овладение на начальном уровне языком той страны, в которой проходит обучение. В данном случае речь идет именно о разработке и внедрении программ, построенных на принципах плюрилингвального обучения, – плюрилингвальная личность может проявлять частично сформированные компетенции на разных языках. Об этом, в частности, говорят такие исследователи, как Д. Кост, Д. Мур и Ж. Зарат в работе *Plurilingual and Pluricultural Competence* [12] и Ж. Люди в статье *The Swiss Model of Plurilingual Communication* [13]. В данном случае обучение ориентировано на выборочное развитие видов речевой деятельности (либо чтение, либо говорение; возможно также функциональное различие – умение вести бытовую беседу на одном языке и разговор на профессиональную тематику – на другом языке) и умения учить язык самостоятельно. Обучение в рамках данного подхода строится с учетом таких нейропсихологических

особенностей процесса обучения, как сознательный анализ языкового материала, мобилизация внимания и когнитивного контроля за процессом обучения, обеспечение высокой мотивации к обучению. Наш подход в том числе опирается на принцип минимизации интерференции, появляющейся при параллельной или почти параллельной выработке навыков внутри одного языка; цель достигается за счет правильной организации речевых упражнений и разнесения интерферирующих грамматических и лексических тем в сетке всего курса обучения в рамках каждого языка. Комплекс теоретического обоснования и практического применения данного подхода в настоящее время проходит этап экспериментального обучения и его результаты будут представлены в кандидатской диссертации. Предварительные результаты говорят об эффективности плюрилингвального профессионально ориентированного обучения в системе технического вуза для решения задач академической мобильности.

Таким образом, представленные модели и подходы решают главную миссию мультилингвального (полилингвального, плюрилингвального) обучения – создание условий для сохранения и поддержания языкового и культурного разнообразия нашей страны, формирование многоязычия отдельной личности, а в целом – обеспечение лингвистической безопасности государства, которая в данном случае будет проявляться в сохранении своей национальной идентичности через овладение родным (национальным) языком и общегосударственным языком страны проживания (русским), владение иностранным языком как средством взаимодействия с представителями разных стран и культур.

Библиографический список

1. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: сб. материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. 208 с.
2. Бартош А.А. Лингвистическая безопасность страны. 2014. Электронный ресурс Интернет: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html.

3. Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32–41.
4. Халеева И.И. Лингвистическая безопасность в России // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104–111.
5. Смокотин В.М. Болонский процесс и укрепление позиций многоязычия и поликультурности как ведущих принципов Европейской языковой политики // Вестник ТомГУ. 2010. № 336. С. 66–71.
6. Коржакова М.А. Мультилингвизм в образовательной политике Евросоюза // Образование и воспитание. 2010. № 9. С. 72–75.
7. Тимирбаева Г.Р. Полилингвизм как средство подготовки переводчиков в сфере профессиональной коммуникации в полилингвальном обществе // Вестник Казанского технологического университета. 2007. № 3–4. С. 268–272.
8. Барышников Н.В. Диалог культур как миф в лингводидактике и культура диалога в межкультурной коммуникативной практике // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: кол. моногр. / Отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: НЕОЛИТ, 2017. 424 с.
9. Малых Л.М., Жукова А.В. Модель мультилингвального образования в полиэтническом регионе (на базе общеобразовательного учреждения): моногр. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2016. 208 с.
10. Хасиева М.Г. Этнолингводидактический компонент обучения лингвистической компетенции учащихся чеченско-русских билингвов // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 3). С. 595–599.
11. Кочисов В.К. Этнопедагогические аспекты полилингвального образования // Вектор науки. Серия: Педагогика и психология. 2013. С. 119–121.
12. Coste D., Moore D., Zarate G. Compétence plurilingue et pluriculturelle // Электронный ресурс Интернет: <https://rm.coe.int/168069d29c>.
13. Lüdi G. The Swiss Model of Plurilingual Communication // Ludger Zeevaert, Jan D. ten Thije Receptive Multilingualism: Linguistic Analyses, Language Policies, and Didactic Concepts. s. l.: John Benjamins Publishing, 2007. P. 159–177.

Сведения об авторе

Халяпина Людмила Петровна
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации,
профессор Высшей школы
инженерной педагогики, психологии
и прикладной лингвистики
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого
E-mail: lhalapina@bk.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 43

Редакторы: Н.С. Чистякова
Д.В. Носикова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 28.09.2018

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 9,5

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ 9306

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а